

2023
N 4 (66)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

16+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, Associate
Professor, Honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

VANYUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Заместитель главного редактора

Deputy Chief Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

КАРНАУХОВА Е.В.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

KARNAUKHOVA E.V.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Сибирский федеральный университет

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Siberian Federal University

ГАНАИМ Х., LLD, профессор, Хайфский университет, Израиль	GHANAYIM Kh., LLD, Professor, University of Haifa (Israel)
ГЕРАСИМЕНКО Ю.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области	GERASIMENKO Yu.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Omsk region
ГРЕЧКИНА О.В., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации	GRECHKINA O.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, Professor, Ryazan State University named for S. Yesenin
ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет	IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, Professor, Kuban State University
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева	KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
КОМИССАРОВА Е.Г., доктор юридических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет	KOMISSAROVA E.G., Doctor of Legal Sciences, Professor, Perm State National Research University
ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет	LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, Professor, Togliatti State University
МАЙОРОВ В.И., доктор юридических наук, профессор, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России	MAYOROV V.I., Doctor of Legal Sciences, Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
МАЛЬКО А.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове	MAL'KO A.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured worker of science of the Russian Federation, Volga Region Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia) in Saratov

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Челябинский государственный университет

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Chelyabinsk State University

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg Law Institute (Branch)
of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation

ШРУБ М.П.,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт повышения квалификации
и переподготовки Следственного комитета
Республики Беларусь

SHRUB M.P.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Advanced training and retraining Institute
of the Investigating Committee of the Republic
of Belarus (Belarus)

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский
университет МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

**Ответственность за содержание
материалов несут авторы статей.**

**Мнение редакции журнала может
не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций.**

**Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов и изданий
(категория 1 (К1) по научным специальностям:**

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки;
5.1.4. Уголовно-правовые науки**

Партнеры:

Международная ассоциация содействия правосудию;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Address of the Editorial Board, Publisher

and Printing House: Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

**Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-79556 от 07.12.2020 г.

Редактор Е.В. Карнаухова.

Технический редактор Е.К. Калашникова

Перевод на английский язык: Ю.А. Никонова.

Подписано в печать 25.12.2023. Дата выхода в свет 29.12.2023

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 13. Уч.-изд. л. 12.

Тираж 300 экз. Заказ N 087. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2023.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

ГИЛЬМУЛЛИН А.Р. Понятие правовой
ответственности в контексте рационально-
эгалитарной теории права

6

Section 1. Methodology of law enforcement activities

GIL'MULLIN A.R. The concept of legal
responsibility in the context of rational-
egalitarian theory of law

Раздел 2. Спецтема: К 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации

КИРИЧЁК Е.В. Принципы в праве: теоретико-
методологическая и конституционно-правовая
характеристика

17

Section 2. Special topic: To the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation

KIRICHEK E.V. Principles in law: theoretical-
methodological and constitutional-legal
characteristics

ИСАКОВ И.Н. Конституционный уровень
правового регулирования — основополагающий
компонент системы права
Российской Федерации

25

ISAKOV I.N. The constitutional level
of legal regulation as a fundamental
component of the legal system
of the Russian Federation

Раздел 3. Уголовный закон

ТУЛИГЛОВИЧ М.А. Судебное толкование
составов преступлений,
в которых причинение тяжкого вреда
здоровью человека не конкретизировано

37

Section 3. Criminal law

TULIGLOVICH M.A. Judicial interpretation
of the elements of crimes in which
the infliction of grievous bodily harm
to human health is not specified

Раздел 4. Государственная система и правоохранительная политика

РОНИН В.С. Об актуальных вопросах
стратегического планирования
в Российской Федерации

43

Section 4. State system and law enforcement policy

RONIN V.S. On topical issues of strategic
planning in the Russian Federation

Раздел 5. Уголовно- процессуальное обозрение

ВЕРШИННИНА С.И., ЛАЗАРЕВА В.А. О качестве
российского уголовного судопроизводства
с позиции системы менеджмента качества

51

Section 5. Criminal procedure review

VERSHININA S.I., LAZAREVA V.A.
On the quality of Russian criminal
proceedings from the perspective
of the quality management system

КРИВОЩЁКОВ Н.В. О сущности уголовно-
процессуального принуждения

66

KRIVOSHCHEKOV N.V. On the nature
of criminal procedural coercion

ДЕСЯТОВА О.В. Уголовно-процессуальное
задержание: характеристика субъектов

77

DESYATOVA O.V. Criminal-procedural
detention: characteristics of subjects

**Раздел 6. Совершенствование
правоохранительной практики**

СОФРОНОВ Д.Н. Проблемы правового механизма обеспечения эффективности контракта о конфиденциальном содействии органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность

86

**Section 6. Improving law
enforcement practice**

SOFRONOV D.N. Problems of the legal mechanism for ensuring the effectiveness of the contract for confidential assistance to the bodies conducting operational search activities

**Раздел 7. Проблемы юридической науки
и правоохранительной практики:
взгляд молодых исследователей**

НИКОНОВА Ю.А. Лингвистический аспект юридино-технического совершенствования правоприменительных актов органов внутренних дел

96

**Section 7. The problems of legal
science and law enforcement
practice: young researchers' view**

NIKONOVA Yu.A. Linguistic aspect of juridical-technical improvement of law enforcement acts of internal affairs bodies

Раздел 8. Обзоры, рецензии, критика

ВАНЮШИН Я.Л., ЛЕТАЕВА Е.А. Отзыв на диссертацию В.А. Морозова «Административно-правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в специальных учреждениях МВД России»

104

Section 8. Reviews, critiques

VANYUSHIN Ya.L., LETAEVA E.A. Review of the dissertation by V.A. Morozov "Administrative and legal status of foreign nationals and stateless persons detained in special institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia"

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

Научная специальность: 5.1.1

Понятие правовой ответственности в контексте рационально-эгалитарной теории права

Айнур Разифович Гильмуллин,

кандидат юридических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, Gilmullinainur@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9842-8587>

Аннотация. В статье представлены результаты анализа исторических и закономерных предпосылок формирования и развития понятия правовой ответственности, а также исследования современных гносеологических аспектов ответственности в праве. Особое внимание уделено подходам к пониманию юридической ответственности, ее видам и признакам, имеющим фундаментальное значение для осмысления и определения онтологических оснований данной категории. Главный акцент автором статьи сделан на раскрытии и обосновании общетеоретических (метатеоретических) положений правовой ответственности в рамках рационально-эгалитарной теории правопонимания: приводятся определения понятий «право» и «правовая ответственность», раскрывается цель, содержательные и методологические аспекты формирования и реализации последней. Обосновывается вывод об определенном гносеологическом потенциале теоретико-правовой конструкции правовой ответственности в рамках рационально-эгалитарной интерпретации права, который может быть использован на различных уровнях научного познания, как эмпирического, так и теоретического.

Ключевые слова: рационально-эгалитарная теория права, правовая ответственность, юридическая ответственность, сущность права, правопонимание

Для цитирования: Гильмуллин А.Р. Понятие правовой ответственности в контексте рационально-эгалитарной теории права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 4 (66). С. 6-16.

The concept of legal responsibility in the context of rational-egalitarian theory of law

Aynur R. Gil'mullin,

Candidate of Legal Sciences, Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia, Gilmullinainur@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9842-8587>

Abstract. The article presents the results of analyzing the historical and natural prerequisites for the formation and development of the concept of legal responsibility, as well as studying the modern epistemological aspects of responsibility in law. Particular attention is paid to approaches to understanding of juridical responsibility, its types and characteristics, which are of fundamental importance for understanding and determining the ontological foundations of this category. The main emphasis is placed on the disclosure and substantiation of general theoretical (metatheoretical) provisions of legal responsibility within the rational-egalitarian theory of legal understanding, namely, the definitions of the concepts of "law" and "legal responsibility" are given; the purpose, substantive and methodological aspects of the formation and implementation of the latter are revealed. The author substantiates the conclusion about a certain epistemological potential of the theoretical-legal construction of legal responsibility within the rational-egalitarian interpretation of law, which can be used at various levels of scientific knowledge, both empirical and theoretical.

Keywords: rational-egalitarian theory of law, legal responsibility, juridical responsibility, essence of law, legal understanding

For citation: Gil'mullin A.R. The concept of legal responsibility in the context of rational-egalitarian theory of law // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 4 (66). P. 6-16.

Категорией «ответственность» в зависимости от области социально-гуманитарных наук (этика, социология, политология, философия, юриспруденция, психология) могут определяться разнородные сущностно-содержательные установки, гарантии, которые продуцируют разные последствия для человека и общества.

Согласно Современному толковому словарю русского языка под ответственностью понимается необходимость давать отчет в своих действиях, поступках и т.п.; обязанность отвечать за их возможные последствия; отношение зависимости человека от чего-то, что воспринимается им в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий [1, с. 469]. В другом справочном издании слово «ответственность» интерпретируется как стремление быть ответственным, сделать что-либо без чужой подсказки или приказа [2, р. 722]. Для юриспруденции категория «ответственность» всегда имела фундаментальное значение и занимала особое место в системе юридического знания, образования и функционирования, являясь тем культурно-историческим феноменом, без которого право становится невысказанным (необъяснимым) и неосуществимым социальным регулятором.

Обладая внушительным аксиологическим, гносеологическим и регулятивным потенциалом в системе социального регулирования, юридическая ответственность выступает как категория научного дискурса, чрезвычайно актуальная и одновременно проблематичная при осмыслении ее онтологических начал.

Следует признать, что общетеоретические проблемы сущности юридической ответственности нередко решались и продолжают решаться абстрагированно от проблематики правопонимания, ограничиваясь лишь позитивистской (нормативистской) методологией познания и осмысления объективной реальности. Безусловно, сложившаяся в юридической науке ситуация отражается и на гносеологии юридической ответственности, и на других правовых явлениях. Это связано не столько с различной отраслевой принадлежностью первой, сколько с имеющейся неопределенностью в самой доктрине правопонимания.

В контексте вышесказанного предпринимается попытка не только раскрыть общие основания, понятие и сущность правовой ответственности в рамках современной юридической гносеологии, но и обратиться к данным категориям с позиции оригинального рационально-эгалитарного подхода к пониманию права, ранее не известного юридической науке и практике. В этом смысле нельзя не согласиться с позицией, согласно которой «право как таковое невысказанно без юридической ответственности, так как теряет свои методы обеспечения» [3, с. 18].

В целях исследования полагаем важным обозначить некоторые историко- и теоретико-доктринальные аспекты генезиса и классификации юридической ответственности, характеризующие ее закономерные аксиологические и гносеологические особенности и признаки.

Достаточно точное объяснение возникновения социальной ответственности дано Н.В. Витруком, по мнению которого, обеспечение функционирования всего общества через возможное и должное поведение индивидов и других субъектов общественных отношений является объективной предпосылкой возникновения феномена и понятия социальной ответственности [4, с. 9].

Действительно, если говорить обобщенно, то в соответствии с естественными особенностями человеческой природы поведение (свобода) членов традиционных (примитивных) обществ нередко было противоречивым, сопровождалось конфликтами и насилием, что побуждало разум человека к методологическому поиску и нахождению определенных ценностных установок для моделирования и упорядочения общественных отношений. На определенном этапе общественного развития такими ценностными установками стали выступать социальные нормы, которые обеспечивались осознанной (ценностно-смысловой) саморегуляцией (самоограниченностью) — социальной ответственностью, контролировавшей поведение (свободу) человека, а в случае необходимости понуждавшей его к повиновению перед установками, которые были необходимы, востребованы и эффективны в общественной жизни с точки зрения

обеспечения ее безопасности и защиты. Как справедливо отмечает В.А. Канке, «никто не может быть свободным настолько, чтобы не нести ответственности перед другими людьми» [5, с. 302].

Социальная ответственность в результате длительных культурных эволюций или революций трансформировалась (совершенствовалась) и приобретала более конкретные (определенные) содержание и форму. Следовательно, те установки социальной ответственности, которые проявляли эффективность и социальную востребованность, поддерживались и преобразовывались в формально-определенные, общеобязательные и гарантируемые государственным принуждением нормы, то есть трансформировались в ответственность юридическую.

При этом, если обратиться к особенностям политико-правового развития, а также к динамике эволюции социальных ценностей и установок, то можно обнаружить, что изменение содержания юридической ответственности (как и трансформация юридической свободы) не всегда носило последовательный и логичный характер, находилось в прямой зависимости от политико-правового устройства и власти государства, специфики культурных ценностей, уровня развития частной сферы общественной жизни, институтов демократии и гражданского общества и т.д. Юридическая свобода и ответственность нередко принимали форму произвола, выступали инструментом насилия либо, наоборот, защиты от насилия и произвола, гарантом безопасности, стабильности и социальной справедливости.

Переходя непосредственно к современному анализу юридической ответственности, следует отметить, что в правовой доктрине термин «юридическая ответственность», как и любая другая теоретическая конструкция, не всегда одинаково понимается и трактуется учеными-юристами. Например, Д.А. Липинский сформулировал определение данного понятия следующим образом: это «нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность по соблюдению и исполнению требований норм права, реализующая-

ся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения — обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и их реализация» [6, с. 10]. Н.В. Витрук под юридической ответственностью понимает «осознание субъектом необходимости исполнения требований правовых норм, а также наступление негативных последствий за их неисполнение» [4, с. 34]. Согласно позиции Н.А. Бобровой, юридическая ответственность есть инструмент воздействия на правонарушителей со стороны государства в виде заранее установленных им мер (санкций), то есть государственной реакции компетентных органов власти на правонарушение в виде негативной государственной оценки или реального лишения принадлежащих правонарушителю благ и (или) недополученных возможных благ [7, с. 64].

В целом в правовой доктрине сложилось несколько подходов к пониманию юридической ответственности: некоторые авторы трактуют это понятие как обязанность лица, совершившего правонарушение, претерпевать неблагоприятные последствия, лишения; другие интерпретируют его как принуждение со стороны государства; третьи сущность юридической ответственности видят в реакции государства на правомерное поведение [8, с. 405].

Выступая ядром охранительной системы, юридическая ответственность имеет в доктрине собственную теоретико-практическую классификацию (систематизацию). Несмотря на дискуссионность данного вопроса [9, с. 22], одним из оснований такой классификации выступает ее отраслевая принадлежность: уголовная, гражданско-правовая, административная, дисциплинарная, материальная и иная ответственность. При этом не исключаются случаи, когда представители отраслевых направлений на основе субъективных предпочтений самостоятельно определяют понятие юридической ответственности, тем самым усиливая неясность ее содержания и нарушая «терминологическую четкость» [10, с. 24]. Это вызывает разные реакции со стороны теоретиков права. На-

пример, Н.Н. Черногор отмечает, что представители отраслевых юридических наук «разрушают понятийно-категориальный аппарат, формируют теоретические конструкции, которые все больше приобретают черты некой множественности не согласованных между собой понятий и терминов» [11, с. 108]. При этом, по мнению Н.В. Витрука, наоборот, «новые достижения и обобщения отраслевых теорий юридической ответственности являются основой для теоретических обобщений более высокого уровня» [4, с. 319].

Далее, в качестве примера иной классификации можно привести ставшее уже традиционным для правовой науки выделение двух видов юридической ответственности: негативной (ретроспективной), то есть подразумевающей неблагоприятные последствия для лица, совершившего правонарушение (ответственность за прошлое поведение), и позитивной (перспективной), предполагающей определенное поведение лица до совершения правонарушения, направленное на недопущение правонарушений впредь (ответственность за будущее поведение).

Исходя из данной позиции, предполагается, что негативная ответственность может выступать «как специфический метод обеспечения ответственности позитивной» (Кудрявцев В.Н., 1986). В специальной литературе высказываются разные мнения и предложения относительно данной классификации. Например, взамен позитивной ответственности предлагается задействовать понятие «социального (правового) долга перед обществом, государством, гражданами» (Петрухин И.Л., 1999), или «интерсубъективной» ответственности [12, с. 46], или «функциональной», «статутной». Позитивная ответственность обозначается также как «предварительная», а негативная — как «последующая» (Ильин И.А., 1993).

Кроме того, ученые-юристы (З.А. Астемиров, Б.Т. Базылев, Н.А. Боброва, Н.В. Витрук, М.А. Краснов, В.Н. Кудрявцев, В.В. Лазарев, В.М. Лазарев, Д.А. Липинский, Е.А. Лукашева, Н.И. Матузов, А.С. Мордовец, Т.Н. Радько, М.С. Строгович, Р.Л. Хачатуров, А.П. Чирков, М.Д. Шиндяпина, Б.С. Эбзеев и другие), придерживающиеся концепции юридической ответственности

как правового явления, содержащего позитивные и негативные аспекты, являются сторонниками широкого (философско-социального) подхода в понимании юридической ответственности.

В то же время некоторые ученые не поддерживают позитивные аспекты юридической ответственности. К их числу можно отнести В.М. Баранова, по мнению которого, позитивная юридическая ответственность «разбухает до невероятных и ненужных пределов» и является «искусственной теоретической конструкцией» [13, с. 504-505]. А.С. Шабуров отмечает, что проблема позитивной ответственности не только не укладывается в рамки теории юридической ответственности, но и вообще выходит за пределы юридической проблематики [14, с. 9]. Как сторонники узкого подхода в понимании юридической ответственности позиционируются ученые, рассматривающие юридическую ответственность только в качестве государственного принуждения, наказания за неправомерное поведение, имевшее место в прошлом.

Кроме того, при классификации ответственности в праве ряд авторов (В.С. Нерсисянц, Н.В. Витрук, В.А. Кислухин и др.) предлагают учитывать деление системы права на публичное и частное, что способствует преодолению «сложившихся в советское время стереотипов» [4, с. 94] и позволяет определять «реальное существование частноправовой и публично-правовой ответственности с их особой природой и характером» [15, с. 7].

Вполне оправданной видится классификация Н.В. Витрука, основанная на античной философско-правовой доктрине о различении правовой и юридической ответственности. Правовая ответственность, как считает ученый, находит исходное, первоначальное выражение в нормах конституций, которые закрепляют правовые основы юридической ответственности. Свою классификацию Н.В. Витрук выстраивает исходя из идеи разделения права и закона, где «право организует, направляет государственную власть, которая формирует закон» [4, с. 22], и, следовательно, правовая ответственность, согласно его точке зрения, предшествует юридической ответственности.

Что касается сущности юридической ответственности, то в отечественной правовой доктрине приводится следующее ее основание: обеспечение конституционности, законности и правопорядка [4, с. 22], а также отмечается, что сущность юридической ответственности раскрывается через такие категории, как принципы, функции, правоотношения и виды юридической ответственности [6, с. 7].

Таким образом, относительный анализ предпосылок и отдельных классификационных признаков юридической ответственности, с одной стороны, позволяет сделать вывод о сложности и многогранности данной категории, развивающейся преимущественно абстрагированно (отдаленно) от какой-либо конкретной доктрины правопонимания, с другой стороны, дает возможность глубже проникнуть в ее онтологические смыслы и парадигмы, индуктивно обобщить, переосмыслить и упорядочить их в рамках требований рационально-эгалитарной теории понимания права, а именно сформулировать общее онтолого-аксиологическое представление об ответственности как о правовом явлении, обладающем рациональной сущностью и выступающем ключевым компонентом определенной концепции правопонимания.

Отсюда следует, что в рамках настоящего анализа первостепенной задачей является раскрытие и обоснование именно сущностных (системообразующих) характеристик правовой ответственности в соответствии с рационально-эгалитарным подходом к пониманию права.

Под правом в контексте рационально-эгалитарной концепции права понимается равная форма свободы и ответственности, основанных на императиве сохранения природы человека, обеспечение которой осуществляется посредством государственного регулирования общественных отношений.

Из приведенного определения (концентрированной теоретико-правовой конструкции) следует, что единым сущностным (субстанциональным) и, соответственно, мотивационным (санкционируемым) и ограничительным основанием свободы и ответственности выступает единый универсалий — императив сохранения природы человека. Подробное обоснование

данного императива стало предметом отдельного исследования [16, с. 165-166]. При этом необходимо отметить, что императив сохранения природы человека выступает индуктивной и цементирующей основой требований по обеспечению процессов устойчивой жизнедеятельности и рационального развития каждого человека. Иначе говоря, данные требования представляют собой более развернутый и транспарантный с гносеологической и утилитарно-практической точек зрения комплекс установок, образующих общий (единый) императив сохранения природы человека.

В рамках настоящего анализа правовая ответственность понимается как цивилизованный (аксиолого-правовой), основанный на сущности (как критериальном признаке) рационально-эгалитарной теории понимания права элемент регуляции общественных отношений. Отсюда следует, что выделение в юриспруденции (как в науке, так и на практике) юридической ответственности (и ее видов) не всегда предполагает ее соответствие праву (как явлению, отличному от позитивного закона) и, соответственно, правовой ответственности. Юридическая ответственность может основываться не только на соответствующей праву воле, но и на иной воле, в том числе произвольной, и выражать вседозволенность или попустительство, представлять угрозы для безопасности и стабильности, вызывать социальную деструкцию.

Например, такое приведенное выше сущностное основание юридической ответственности, как обеспечение конституционности, законности и правопорядка, являющееся, по нашему убеждению, чрезмерно общим (универсальным), может выступать критериальным основанием юридической ответственности в контексте определенного правосознания, в контексте того или иного типа правопонимания и, следовательно, содержать иной онтологический и аксиологический потенциал, иметь иную функциональную и целевую трактовку, вызывать иные последствия. С позиции же рационально-эгалитарной концепции права приведенное основание может выступать таковым только в той мере, в какой оно базируется на понимании ответственности в рамках рациональ-

но-эгалитарной теории права или соответствует ему.

Таким образом, с позиции рационально-эгалитарной концепции правопонимания допустимым является методологическое сопоставление юридической и правовой ответственности, где последняя выступает критерием по отношению к первой. Следовательно, правовая ответственность в контексте рассматриваемого правопонимания призвана упорядочивать и прогнозировать цель и содержание юридической ответственности. Именно поэтому далее, при интерпретации правовой ответственности в рамках изучаемой концепции правопонимания, первая будет позиционироваться именно как правовое явление, обладающее определенной правовой сущностью и отличающееся от юридической ответственности и иных ее интерпретаций.

С точки зрения рационально-эгалитарного подхода к праву понятие правовой ответственности определяется следующим образом: это выраженная в равной форме обязанность каждого человека по соблюдению, исполнению и претерпеванию правовых (то есть исходящих из необходимости обеспечения равной формы свободы, основанной на императиве сохранения природы человека) мер воздействия, создание и реализация которых осуществляются в процессе государственного регулирования общественных отношений.

Под термином «воздействие» в данном случае следует понимать систему действий, имеющих целью повлиять на кого-то-нибудь [17, с. 377]; оказав влияние, добиться необходимого результата [18, с. 92]. Следовательно, воздействие в рамках рационально-эгалитарного подхода к праву может быть выражено в разной физической, материальной и информационно-психологической форме: принуждение (принудительное воздействие), ограничение свободы, наказание, поощрение, информационное и психологическое влияние и убеждение, восстановление и возмещение вреда, убытков и т.д.

Исходя из приведенного выше понятия, обнаруживается определенная цель правовой ответственности, призванная выступить субстанциональным и упорядочивающим критерием для всей совокупности

юридических средств и системы гносеологических знаний (теорий), а именно принципов, задач, функций и т.д. правовой ответственности.

Н.В. Витрук отмечает, что цель позволяет более глубоко проникнуть в сущность юридической ответственности как правового явления, более точно определить его задачи, функции и обнаружить принципы [4, с. 41]. Согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой под целью следует понимать то, к чему надо стремиться, что надо делать, осуществить [18, с. 873].

Под целью правовой ответственности в ее концептуальном значении подразумевается обеспечение правомерной организации и регуляции общественных отношений посредством, с одной стороны, признания, поддержания, защиты и восстановления правовой свободы человека, с другой — предупреждения, осуждения и ограничения неправомерной (произвольной) свободы.

Отсюда следует, что государственному признанию, поддержанию, защите и восстановлению подлежит только определенная свобода — свобода, основанная на императиве сохранения природы человека. Соответственно, свобода, сопровождающаяся совершением делинквентных действий (оскорбление, грабеж, кража, убийство, мошенничество, незаконное предпринимательство и пр.), основанных на произволе и несущих опасные для человека, общества и государства риски и последствия, не может подлежать признанию, поддержанию, защите и восстановлению, она подлежит превентивному либо охранительному ограничению на основе права, а именно посредством возложения правовой ответственности. Как точно с философской точки зрения отмечено Б.Г. Юдиным, «свобода — величайшая человеческая ценность и вместе с тем это нелегкое бремя, крест, так как свобода выбора и принятие решений неизбежно связаны с постоянным риском и личной ответственностью» [19, с. 255].

Таким образом, обеспечение правовой свободы предполагает, с одной стороны, воздействие (информационное и психологическое) на общественное сознание индивидов в целях предотвраще-

ния (предупреждения) совершения нарушений правовой свободы впредь, то есть воздействие до совершения правонарушения. С другой стороны, оно предполагает защиту и восстановление нарушенной правовой свободы индивида, а также назначение наказания (взыскания) индивиду, совершившему неправомерный поступок (неправовая свобода), с целью осуждения (порицания) неправомерного поступка, исправления (ресоциализации) индивида и предупреждения совершения новых преступлений, то есть воздействие после совершения правонарушения.

Следовательно, правовая ответственность применима тогда, когда существуют объективные основания (потенциальные риски или фактические события) для нарушения правовой свободы. Именно лежащий в основании правовой свободы императив сохранения природы человека выступает определяющим детерминантом для обеспечения правового состояния: привлечения (предупреждения) к правовой ответственности и восстановления (компенсации, восполнения) правовой свободы.

Исходя из вышеизложенного сущность свободы, основанной на императиве сохранения природы человека (правовая свобода), базируется на реализации определенной рациональной (основанной на императиве сохранения природы человека) модели (содержание и мера) поведения, тогда как сущность правовой ответственности (также основанной на императиве сохранения природы человека) состоит в обязанности каждого человека по соблюдению, исполнению и претерпеванию правовых мер воздействия: превентивных (предупредительных и предупреждающих), то есть основанных на психологическом и идеологическом воздействии на сознание индивидов, и охранительных (восстановительных, компенсационных, карательных и исправительных), исходящих из необходимости обеспечения свобод, базирующихся на императиве сохранения природы человека.

Без наличия правовой ответственности правовая свобода становится бездейственной, пассивной и недостижимой. Итак, правовая ответственность есть объективное условие обеспечения правомер-

ной (основанной на правовой свободе и ответственности) организации и регуляции общественных отношений.

Отсюда следует, что обеспечение цели правовой ответственности осуществляется посредством создания и применения правовых мер воздействия, основанных:

- на информационно-психологическом влиянии на общественное сознание индивидов в целях предотвращения (предупреждения) совершения нарушений правовой свободы впредь;

- назначении правового наказания (взыскания) индивиду за совершение неправомерного поступка (нарушение правовой свободы) с целью осуждения (порицания) неправомерного поступка, ограничения свобод (личных, имущественных и иного характера), исправления (ресоциализации) индивида и предупреждения совершения новых правонарушений;

- возмещении и компенсации нанесенного вреда и убытков, возникших в результате нарушения правовой свободы.

Обеспечение цели правовой ответственности в своем утилитарном значении предполагает формирование определенных институциональных и функциональных основ, непосредственно базирующихся на правовой (разумной) обоснованности и исключении любого произвольного воздействия на человека.

Следовательно, обеспечение правовых мер государственного воздействия исходит из концептуального преобразования (модернизации) правовой системы и ее структурных и методологических элементов: принципов (презумпции невиновности, вины, гуманизма), прав и обязанностей, категорий, видов правонарушений (проступков и преступлений), наказаний и институтов (освобождения от ответственности, смягчающих и отягчающих обстоятельств, крайней необходимости и т.д.), главным образом позволяющих обеспечить противодействие процессам детерминации правонарушений, а в случае уже совершенного правонарушения – правовое (рациональное) установление всех его объективных и субъективных признаков: тяжести совершенного правонарушения, вины и мотивов индивида, события правонарушения и т.д., а также определение меры правового воздействия.

Установление всех обстоятельств правонарушения (процесс доказывания) как исключительная прерогатива и обязанность лиц, осуществляющих государственное регулирование, и условие для привлечения к правовой ответственности по своим онтологическим и аксиологическим признакам исходит из необходимости установления объективных оснований для признания свобод человека не соответствующими праву (неправовыми), то есть для обоснованного привлечения человека к правовой ответственности и недопущения произвольного ограничения его правых свобод, необоснованного привлечения к ответственности (презумпция невиновности). Обратное, как отмечается в литературе, «означало бы провозглашение "уравниловки" в сфере уголовного правосудия, призыв к "механическому правосудию"» [20, с. 149].

При этом правовая процедура установления всех обстоятельств правонарушения также должна исходить из неукоснительного соблюдения правых свобод человека, недопущения применения какого-либо произвольного воздействия со стороны лиц, осуществляющих государственное регулирование (пыток; насилия; методов, унижающих человеческое достоинство), и обеспечения безопасного и квалифицированного обращения с человеком вне зависимости от его процессуального статуса и поведения (правомерное или противоправное).

Кроме того, разумная обоснованность предполагает, что в соответствии с повышением уровня культуры населения, экономики, безопасности, профилактики и правосознания, в целом стабильности социума, сопровождающимся снижением угроз и делинквентности в обществе, уменьшением количества правонарушений, мера правовой ответственности (объем государственного воздействия) на основе объективных (рациональных) данных (статистика, аналитика, экспертные заключения и т.д.) может корректироваться: а) подвергаться актуализации в сторону смягчения правовой репрессии (индивидуализации, гуманизации, декриминализации и депенализации), б) если какое-либо правонарушение носит системный, агрессивный и тревожный характер, про-

дуцирует закономерные угрозы и вред, то изменяться в направлении усиления правовой репрессии для достижения своей цели — обеспечения свобод, основанных на императиве сохранения природы человека. Таким образом, процесс официального (публичного) установления и применения правовой ответственности в рамках рассматриваемого правопонимания предполагает постоянный анализ и мониторинг состояния социальных процессов.

Одновременно ориентация государственного воздействия на правовую (разумную) обоснованность предполагает также обеспечение государственных гарантий назначения именно правовой (а не произвольной) ответственности (то есть ответственности, основанной на императиве сохранения природы человека) и при определении ее меры лицу, совершившему правонарушение (то есть при применении санкции), и после наложения личных, имущественных и иных ограничений, осуждения и отбывания наказания.

Из этого следует, что процесс государственного регулирования общественных отношений как на уровне законотворчества, так и на уровне правоприменения должен не только основываться на необходимости публичного осуждения и порицания совершенной неправомерной свободы, но и учитывать объективные (индивидуальные) обстоятельства каждого возникшего правоотношения, в том числе связанные с личностью правонарушителя, характером общественной опасности правонарушения, обстоятельствами его совершения, смягчающими (тяжелые жизненные обстоятельства или материальное положение, раскаяние в содеянном, добровольное возмещение причиненного ущерба и т.д.) и отягчающими (активная роль в совершении преступления, особая жестокость, рецидив преступлений и т.д.) его факторами. Следует принимать во внимание объективную оценку влияния назначенного наказания как на реализацию цели правовой ответственности при назначении, наложении личных, имущественных и иных ограничений, так и на реальные возможности и перспективы ресоциализации индивида и обеспечения его свобод после прекращения отбывания наказания.

Особое методологическое значение для раскрытия и обоснования сущностной стороны правовой ответственности имеет категория «равная форма», обеспечение которой в соответствии с рационально-эгалитарной теорией права осуществляется посредством государственного регулирования общественных отношений.

Следует отметить, что категория «государственное регулирование общественных отношений» представляет собой самостоятельный общетеоретический и методологический конструкт, который нуждается в отдельном подробном теоретическом раскрытии и обосновании.

В рамках настоящей статьи, во-первых, данная категория основывается на недопустимости установления каких-либо мер государственного воздействия субъектами, не наделенными соответствующей властью и компетенцией, то есть негосударственными субъектами (частными лицами, организациями и учреждениями).

Во-вторых, равная форма ответственности – это исключительное (императивное) требование (условие) для выражения правовой ответственности, под которой следует понимать нормативное и общеобязательное предписание (закон, норма), создание, исполнение и реализация (то есть обеспечение) которого осуществляются в процессе государственного регулирования общественных отношений. Следовательно, в соответствии с равной формой ответственности устанавливается и гарантируется одинаковая нормативная обязанность каждого (то есть независимая от любых лиц) по соблюдению официальных предписаний (законов) государства.

В-третьих, равная форма, будучи обусловленной целью правовой ответственности (обеспечение правомерной организации и регуляции общественных отношений посредством, с одной стороны, признания, поддержания, защиты и восстановления правовой свободы человека, с другой стороны, предупреждения, осуждения и ограничения неправовой (произвольной) свободы), упорядочивает (связывает, систематизирует) процессы государственного управления и регулирования правовой сущности, и тем самым позволяет ограничить неправовое (произвольное, нецелесообразное и т.д.) создание и

применение мер воздействия (ответственности). Иначе говоря, посредством общеобязательной и нормативной равной формы исключается возможность создания и назначения юридической ответственности на основе чьей-либо произвольной, преследующей иную (политическую, экономическую и т.д.) цель воли (*nemo jus sibi dicere potest*)*. Из этого следует, что особое значение в процессе создания равной формы ответственности имеют технико-юридические методы и приемы ее выражения, предполагающие создание определенной (точной), непротиворечивой (однозначной) и логичной системы предписаний, в том числе не поддающейся произвольному и предвзятому усмотрению и толкованию с целью осуждения (освобождения) невинного (виновного) субъекта.

Кроме того, необходимо обратить внимание на определенный гносеологический потенциал общетеоретической (мета-теоретической) конструкции правовой ответственности в рамках рационально-эгалитарной интерпретации права, который может быть использован на различных уровнях научного познания, как эмпирического, так и теоретического. Это позволит усовершенствовать методологические и упорядочить сущностные компоненты доктрины правовой ответственности (принципы презумпции невиновности, доступности и справедливости правосудия, равенства всех перед законом, добросовестности, вины, законности, гуманизма и т.д.), а также эмпирические методы (механизм освобождения от юридической ответственности, поощрительный механизм правового регулирования и пр.) и средства (правоприменительные акты, санкции, правоотношения и пр.) правового регулирования в рамках целостного понятия правовой ответственности.

Таким образом, с позиции рационально-эгалитарного подхода к праву понятие правовой ответственности определяется как выраженная в равной форме обязанность каждого человека по соблюдению, исполнению и претерпеванию правовых (то есть исходящих из необходимости обеспечения равной формы свободы,

* «Никто не может устанавливать законы для самого себя».

основанной на императиве сохранения природы человека) мер воздействия, создание и реализация которых осуществляются в процессе государственного регулирования общественных отношений.

Теоретико-правовая конструкция правовой ответственности в своем концептуальном значении основывается на обеспечении правомерной организации и регуляции общественных отношений посредством, с одной стороны, признания, поддержания, защиты и восстановления правовой свободы человека, с другой — предупреждения, осуждения и ограничения неправовой (произвольной) свободы посредством создания и реализации правовых мер воздействия, базирующихся на информационно-психологическом влиянии на общественное сознание индивидов в целях предотвращения (предупреждения) совершения нарушений правовой свободы впредь; назначении правового наказания (взыскания) индивиду за совершение неправомерного поступка (нарушение правовой свободы) с целью осуждения (порицания) неправомерного поступка, ограничения свобод (личных, имуществен-

ных и иного характера), исправления (ре-социализации) индивида и предупреждения совершения новых правонарушений; возмещении и компенсации нанесенного вреда и убытков, возникших в результате нарушения правовой свободы.

Равная форма правовой ответственности как исключительное (императивное) требование (условие) для выражения правовой ответственности предполагает: обязанность каждого по соблюдению официальных предписаний (законов) государства; исключение установления и применения каких-либо мер государственного воздействия со стороны и от имени субъектов, не наделенных соответствующей властью и компетенцией; упорядочение процесса государственно-властного регулирования в соответствии с требованиями рационально-эгалитарного понимания права и, следовательно, ограничение возможности неправомерного (произвольного, нецелесообразного и т.д.) создания и реализации мер воздействия (ответственности) — правовое состояние (качество) регулятивного и охранительного воздействия.

Список источников

1. Современный толковый словарь русского языка. Москва: Рипол-Норинт, 2008. 959 с.
2. Oxford Advanced Larned Dictionary of Current English. Oxford, 1987. 1041 p.
3. Юридическая ответственность в правовой системе России: нормативные и правореализационные проблемы взаимосвязей, взаимодействия и противоречий / Д.А. Липинский, А.В. Малько, А.А. Мусаткина [и др.]. Москва: РИОР, 2020. 658 с.
4. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. Москва: РАП, 2008. 324 с.
5. Канке В.А. Философия. Исторический и систематический курс. Москва: Логос, 2003. 376 с.
6. Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2004. 487 с.
7. Боброва Н.А. Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности. Москва: Юрлитинформ, 2019. 541 с.
8. Теория государства и права: учебник / Российский университет дружбы народов, Юридический институт; под ред. А.А. Клишаса. Москва: Статут, 2019. 512 с.
9. Кислухин В.А. Виды юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2002. 26 с.
10. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. Санкт-Петербург, 2007. 934 с.
11. Черногор Н.Н. О теоретических проблемах юридической ответственности // Журнал российского права. 2006. N 5. С. 105-109.
12. Рикер, Поль. Герменевтика, этика, политика. Московские лекции и интервью. Москва, 1995. 159 с.
13. Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. Москва: Юристъ, 2002. 592 с.
14. Шабуров А.С. Политические и правовые аспекты социальной ответственности личности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 1992. 34 с.
15. Хаменушко И.В. Дискуссионные вопросы умножения видов юридической ответственности // Финансовое право. 2010. N 2. С. 7-10.
16. Гильмуллин А.Р. Гипотеза о разумном равенстве в свободе: основные положения // Государство и право. 2023. N 1. С. 162-167.

17. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. Москва: ОГИЗ, 1935. 1562 с.
18. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеолог. выражений. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 1986. 944 с.
19. Юдин Б.Г. Право на добровольную смерть: против и за // О человеческом в человеке: сб. ст. / под общ. ред. И.Т. Фролова. Москва: Политиздат, 1991. С. 247-261.
20. Мальцев В.В. Принципы уголовного права. Волгоград, 2001. 264 с.

References

1. Modern explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, Ripol-Norint Publ., 2008. 959 p. (In Russ.).
2. Oxford Advanced Larned Dictionary of Current English. Oxford, 1987. 1041 p.
3. Lipinskiy D.A., Mal'ko A.V., Musatkina A.A. [i dr.]. Legal responsibility in the legal system of Russia: normative and law-realization problems of interrelations, interactions and contradictions. Moscow, RIOR Publ., 2020. 658 p. (In Russ.).
4. Vitruk N.V. General theory of legal responsibility. Moscow, RAP Publ., 2008. 324 p. (In Russ.).
5. Kanke V.A. Philosophy. Historical and systematic course. Moscow, Logos Publ., 2003. 376 p. (In Russ.).
6. Lipinsky D.A. General theory of legal responsibility. Doct. Diss. Saratov, 2004. 487 p. (In Russ.).
7. Bobrova N.A. General theoretical and intersectoral aspects of legal responsibility. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 541 p. (In Russ.).
8. Theory of State and Law. Moscow, Statut Publ., 2019. 512 p. (In Russ.).
9. Kislukhin V.A. Types of legal responsibility. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2002. 26 p. (In Russ.).
10. Khachaturov R.L., Lipinsky D.A. General theory of legal responsibility. St. Petersburg, 2007. 934 p. (In Russ.).
11. Chernogor N.N. On theoretical problems of legal responsibility. Journal of Russian Law, 2006, no. 5, pp. 105-109. (In Russ.).
12. Riker, Paul. Hermeneutics, ethics, politics. Moscow lectures and interviews. Moscow, 1995. 159 p. (In Russ.).
13. Theory of State and law. Moscow, Jurist Publ., 2002. 592 p. (In Russ.).
14. Shaburov A.S. Political and legal aspects of social responsibility of the individual. Autoabstract Doct. Diss. Yekaterinburg, 1992. 34 p. (In Russ.).
15. Khamenushko I.V. Debatable issues of multiplication of types of legal liability. Financial law, 2010, no. 2, pp. 7-10. (In Russ.).
16. Gil'mullin A.R. The hypothesis of reasonable equality in freedom: the main provisions. State and law, 2023, no. 1, pp. 162-167. (In Russ.).
17. Ushakov D.N. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, OGIz Publ., 1935. 1562 p. (In Russ.).
18. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseologist. expressions. Moscow, Azbukovnik Publ., 1986. 944 p. (In Russ.).
19. Yudin B.G. The right to voluntary death: against and for. About the human in man. Moscow, Politizdat Publ., 1991. Pp. 247-261. (In Russ.).
20. Mal'tsev V.V. Principles of criminal law. Volgograd, 2001. 264 p. (In Russ.).

Раздел 2. Спецтема: К 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации

Научная специальность: 5.1.1, 5.1.2

Принципы в праве: теоретико-методологическая и конституционно-правовая характеристика

Евгений Владимирович Киричѐк,

доктор юридических наук, доцент, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, Kirichek79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2798-3812>

Аннотация. Автором статьи предпринята попытка с помощью научного инструментария, а также нормативной правовой базы показать важное значение принципов в механизме правового регулирования с точки зрения общетеоретических и конституционно-правовых представлений о них. В статье рассматриваются вопросы, связанные с толкованием принципов в праве; формулируется определение понятия принципов; предлагается все принципы подразделять на общие (фундаментальные) и специальные, развивающие общие (фундаментальные). Делается вывод о том, что: 1) являясь основой (фундаментом), принципы призваны оказывать целенаправленное, организующее воздействие на правоприменителя; 2) общим, объединяющим существующие точки зрения началом является то, что именно в принципах отражается сущность права, но не наоборот; 3) кроме традиционного подхода к пониманию их сущности, имеется осуществляемое Конституционным Судом Российской Федерации расширительное толкование закрепленных в Конституции Российской Федерации принципов, а также тех, которые не отражены в текстах нормативных правовых актов (неписанные принципы).

Ключевые слова: принципы, принципы права, правовые принципы, Конституция Российской Федерации, механизм правового регулирования, толкование норм права

Для цитирования: Киричѐк Е.В. Принципы в праве: теоретико-методологическая и конституционно-правовая характеристика // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 4 (66). С. 17-24.

Principles in law: theoretical-methodological and constitutional-legal characteristics

Evgeny V. Kirichek,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, Kirichek79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2798-3812>

Abstract. The author of the article attempts to show the importance of the principles in the mechanism of legal regulation with the help of scientific tools and regulatory legal framework in terms of general theoretical and constitutional legal concepts of them. The issues related to the interpretation of principles in law are considered in the article. The definition of the concept of principles is formulated. It is proposed to subdivide all principles into general (fundamental) and special, developmental general (fundamental). It is concluded that: 1) being the basis (foundation), the principles are intended to have a targeted, organizing effect on the law enforcer; 2) the common principle that unites existing points of view implies that principles reflect the essence of law, but not vice versa; 3) in addition to the traditional approach to understanding their essence, there is a broad interpretation of the principles, enshrined in the Constitution of the Russian Federation, as well as those that are not reflected in the texts of regulatory legal acts (unwritten principles), carried out by the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: principles, principles of law, legal principles, Constitution of the Russian Federation, mechanism of legal regulation, interpretation of the rules of law

For citation: Kirichek E.V. Principles in law: theoretical-methodological and constitutional-legal characteristics // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. N 4 (66). P. 17-24.

Сегодня сложно представить исследование какой-либо сферы жизнедеятельности человека без того, что составляет основу (фундамент) национального права — его принципов. Отечественной юридической наукой и практикой этому вопросу уделяется особое внимание. Интерес представляют как общие вопросы понимания принципов в праве, провозглашения их в нормативных правовых актах, так и особенности определения их места в системе права. Однако до сих пор отсутствует единство в понимании сущности принципов в праве как среди теоретиков права, так и среди конституционалистов.

В Большом толковом словаре современного русского языка Д.Н. Ушакова понятие «принцип» трактуется как «основное начало, на котором построено что-нибудь» [1, с. 788]. Аналогичное объяснение предлагается в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, в котором понятие принципа определяется как «основное, исходное положение какой-нибудь теории, учения, науки» [2, с. 482].

В.Н. Карташов рассматривает принципы права в качестве «исходных (базовых) нормативно-правовых требований (императивов, субимперативов)... которые являются одним из центральных элементов содержания права» [3, с. 159]. С.Н. Братусь, обращаясь к природе принципов, определяет их как ведущее начало для однородной группы социальных явлений (Братусь С.Н., 1960). А.С. Опанасенко под принципами понимает «глобальные представления о модели функционирования правовой системы...» [4, с. 37]. Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин указывают, что к этой категории относятся нормы, касающиеся основ конституционного строя [5, с. 98]. В.С. Нерсесянц [6, с. 261-262] и Б.С. Эбзеев [7, с. 198] называют их нормами особого рода.

Кроме того, высказано мнение, согласно которому принципы права являются таковыми лишь в том случае, если прямо или косвенно провозглашены в нормативных правовых актах [8, с. 56] и представляют собой нормативно-правовые предписания — начала, требования, императивы

[9, с. 6]. В то же время принципы, которые еще не закреплены, могут расцениваться, с точки зрения С.С. Алексеева, лишь как идеи правосознания (Алексеев С.С., 1963).

Особый интерес представляет позиция В.Н. Карташова, который выделяет четыре группы принципов: во-первых, доктринальные, составляющие мировоззренческую основу юридической деятельности субъектов права; во-вторых, практически-прикладные, закрепленные в актах-документах, например, верховных и конституционных судов; в-третьих, смешанные (доктринально-праксеологические); в-четвертых, собственно принципы права [3, с. 158-159].

Обращаясь к сущности принципов права, важно понимать, что таковыми они становятся, когда различные правовые идеи находят свое отражение в нормативных правовых актах или иных формах права и поэтому носят общеобязательный характер, выступая, согласно образному выражению ученых, в качестве «сгустков правовой материи» (Алексеев С.С., 1998; Власенко Н.А., 2009). В связи с этим вряд ли оправданно трактовать принципы как формы права [10, с. 26-27].

Бесспорным является то, что нормы права в сравнении с принципами права носят более конкретный характер. Вместе с тем кажущаяся очевидной абстракция принципов права вовсе не свидетельствует об отсутствии регулятивного эффекта. Являясь основой (фундаментом), они призваны оказывать целенаправленное, организующее воздействие на правоприменителя. Общим, объединяющим существующие точки зрения началом является то, что именно в принципах отражается сущность права, но не наоборот.

Говоря о роли принципов в механизме правового регулирования, следует отметить, что они способствуют повышению эффективности такого регулирования, а в отдельных случаях могут рассматриваться в качестве средств устранения пробелов, дефектов, коллизий и т.п. в праве. Примером может служить закрепленный в законодательстве (ч. 4 ст. 1, ч. 3 ст. 11 Граж-

данского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 5 ст. 3, ч. 6 ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 4 ст. 2, ч. 6 ст. 15 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и др.), а также широко используемый в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации* и Верховного Суда Российской Федерации** институт аналогии права и аналогии закона.

В конституционном праве сторонники жесткой нормативной регламентации конституционных принципов как правовых ориентиров и целевых установок делают основной акцент на том, что именно их закрепление в Конституции Российской

Федерации придает им общеобязательный характер для регулирования социально значимых процессов и нацеливает всех субъектов правоотношений на их безоговорочное соблюдение (Кутафин О.Е., 2001; Лучин В.О., 2002).

Кроме того, необходимо иметь в виду, что принципы Конституции Российской Федерации, например, по своей юридической силе не одинаковы. Так, положения глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием Российской Федерации. Это свидетельствует об их высшей юридической силе и особой охране по отношению к иным положениям Конституции, толкование которых возможно только согласно главам 1, 2, и 9 Конституции Российской Федерации.

Не лишено актуальности утверждение Н.А. Богдановой о целесообразности рассматривать принципы в двух качествах: как нормы-принципы и как идеи-принципы. Первые формируются в самом праве, носят конкретный характер, что подчеркивается четкими рамками реализации, а вторые — в сфере ее доктринального толкования, поэтому они более содержательно насыщены [11, с. 168], предрасположены к трансформации, что оказывает положительное влияние на развитие конституционного права [12, с. 23]. А.А. Джагарян, рассуждая о природе конституционных принципов, дает им развернутую характеристику как сложно организованным явлениям, не только определяющим значимость общественных отношений и оказывающим на них результативное воздействие, но и устанавливающим основные начала общего и специального правового статуса субъектов права [13, с. 2].

Вышесказанное позволяет заключить, что отношение ученых-правоведов к принципам права неоднозначно. Кроме традиционного подхода к пониманию их сущности имеет место и расширительное толкование закрепленных в Конституции Российской Федерации принципов, а также тех, которые не нашли текстуального выражения в нормативных правовых актах (неписанные принципы), осуществляемое Конституционным Судом Российской Федерации. Речь идет о принципах правовой

* См.: По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февр. 2010 г. N 4-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 11. Ст. 1255; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Миронова Юрия Николаевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2006 г. N 76-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** См.: Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим подпункта «а» пункта 7.9 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29 апреля 2003 г. N 36: решение Верховного Суда Российской Федерации от 31 янв. 2012 г. N ГКПИ11-2096. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об оставлении без изменения решения Верховного Суда Российской Федерации от 11 октября 2017 г. N АКПИ17-589, которым было отказано в удовлетворении заявления о признании частично недействующими пункта 7.12, абзаца десятого пункта 12.6 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29 апреля 2003 г. N 36: апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 18 янв. 2018 г. N АПЛ17-474 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2018. N 11.

определенности*, пропорциональности**, поддержания доверия граждан к закону и действиям государства (властей)***, ра-

* По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 235 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ИЗИ ЧАЙНА КОРПОРЕЙТ»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 апр. 2023 г. N 22-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. N 19. Ст. 3519; По делу о проверке конституционности части первой и пункта «в» части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шатило: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апр. 2023 г. N 19-П // Там же. N 18. Ст. 3389.

** По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 432, пункта 1 статьи 438, пункта 4 статьи 445, пункта 5 статьи 447 и пункта 4 статьи 448 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества «Системный оператор Единой энергетической системы»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 дек. 2022 г. N 57-П // Там же. N 1 (ч. III). Ст. 497; По делу о проверке конституционности статьи 402 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.Ф. Низамовой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 февр. 2019 г. N 10-П // Там же. 2019. N 8. Ст. 820.

*** По делу о проверке конституционности статей 248 и 249, пункта 1 статьи 251 и статьи 271 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 1 и 3 статьи 5 и пункта 2 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой общества с ограниченной ответственностью «Предприятие строительных работ энергетики»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 мая 2023 г. N 28-П // Там же. 2023. N 24. Ст. 4388; По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 19, статьи 21 Федерального закона «О почтовой связи» и пункта 2 статьи 62 Федерального закона «О связи» в связи с жалобой гражданина М.Д. Малинина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 дек. 2022 г. N 59-П // Там же. N 2. Ст. 547.

зумной сдержанности**** и др. Эти принципы также неоднократно становились предметом научных исследований [14; 15; 16]. Их еще именуют неформализованными (неписаными) принципами, напрямую взаимоувязанными с конституционным текстом, из содержания которого они проявляются благодаря Конституционному Суду Российской Федерации.

Более того, такие принципы Конституционный Суд Российской Федерации относит к категории имплицитных (неявных, скрытых, подразумеваемых). При этом в документах Конституционного Суда Российской Федерации либо непосредственно говорится о наличии конституционных имплицитных принципов, либо делается акцент на имплицитно содержащихся в Конституции Российской Федерации принципах*****.

**** По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. N 11-П // Там же. 2012. N 21. Ст. 2697; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Общероссийской общественной организации инвалидов – Российской ассоциации незрячих студентов и специалистов на нарушение конституционных прав и свобод частями 6 и 11 статьи 45 и частью 17 статьи 48 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 янв. 2017 г. N 203-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***** Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 окт. 2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. N 1-3 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 12. Ст. 1855.

Называя конституционные принципы общими установками, И.А. Алебастрова предлагает рассматривать их как резервное, «спящее» средство правового регулирования, применяемое лишь тогда, когда имеют место явные пробелы либо неточности правовых норм, при этом неписанные принципы могут быть задействованы только при условии отсутствия писаных [17, с. 12].

В конституционном праве, как представляется, все принципы можно условно разделить на две группы: 1) общие (фундаментальные) — имеющие основополагающее значение для всех отраслей права (принципы конституционно-правового статуса государства, гарантированности прав и свобод человека и гражданина, идеологического многообразия, верховенства конституции и др.); 2) специальные — развивающие общие (фундаментальные) принципы (принципы гражданства, многопартийности, организации деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, территориального устройства и др.).

Кроме того, следует отметить, что принципы конституционного права являются одновременно принципами федерального коллизионного права, которое, в свою очередь, является подотраслью конституционного права. Соответственно, принципы федерального коллизионного права, так же как и принципы конституционного права, имеют приоритетное значение при устранении коллизий и способствуют достижению оптимальной согласованности норм действующего законодательства с Конституцией Российской Федерации.

Вряд ли можно согласиться с мнением И.В. Лексина, который полагает уместным говорить о мнимости принципов, закрепленных в Конституции Российской Федерации. В частности, в качестве примера он приводит принцип федеративного устройства, сформулированный в ч. 3 ст. 5 Конституции Российской Федерации (равноправие и самоопределение народов), и делает вывод о том, что данный принцип не имеет ничего общего с государственным устройством, а является, по его глубокому убеждению, принципом международного права и мирового порядка [18, с. 2-3]. Здесь, как представляется, важно учитывать, что принципы, провоз-

глашенные в Конституции Российской Федерации, имеют достаточно высокую степень абстрагирования и обобщения и требуют их детальной конкретизации в иных нормативных правовых актах. Кроме того, они нередко выступают в качестве универсальных основ, получающих реализацию не только в границах конституционного права, но и в других отраслях права.

Не лишено дискуссионности утверждение Е.В. Вавилина о необходимости выделять принципы-методы, под которыми он понимает основополагающие направления организации правовых связей субъектов и их деятельности, указывающие на способы действия и при этом выполняющие функции регулятора правовых методов, образующих механизм реализации прав и свобод и исполнения обязанностей [19, с. 11].

Как представляется, вряд ли оправданно объединять два совершенно разных правовых понятия. Их существенная характеристика и специфика реализации позволяют с уверенностью говорить о проблематичности приведения к единому знаменателю принципов и методов. Более того, это искажает уже устоявшиеся в науке и практике подходы к пониманию принципов (основных начал, идей, положений) и методов (способов, приемов, средств правового регулирования), «размывает» пределы оснований их разграничения, классификаций и, как следствие, вносит неясность в формулирование их индивидуализированных признаков, целей и задач.

Безусловно, имеются общие признаки, присущие многим правовым явлениям, а также факторы, позволяющие говорить о сближении этих терминов под влиянием, например, государства и его органов, правовой культуры и правосознания и др. Вместе с тем изложенное также не свидетельствует о целесообразности и необходимости соединения указанных самостоятельных понятий в единую конструкцию «принципы-методы».

Принципы по отношению к методам первичны, поскольку именно они являются олицетворением основополагающих начал, идей, оказывают влияние на развитие права в целом. По справедливому утверждению Г.А. Гаджиева, принципы права представляют собой общие исходные идеи, руководящие начала права, выполняющие

в некотором смысле функции маяка. Важным свойством конституционных принципов является их способность трансформироваться в отраслевые принципы права, представляя при этом общие начала отраслевого законодательства (см., например, ч. 2 ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации). Для правовых принципов характерна инвариантность, способность обуславливать содержание не только норм существующего на данный момент законодательства, но и того, которое непременно будет принято в перспективе [12, с. 22-23].

В этом контексте заслуживающим внимания является также подход В.М. Сырых, предлагающего различать правовые принципы как элементы правовой науки и принципы права, закрепленные в нормативных правовых актах (Сырых В.М., 2000). Следуя данной логике, правильной представляется позиция, согласно которой целесообразно выделять конституционные принципы и принципы конституции [20, с. 110]. Например, в ст. 1 Конституции Российской Федерации Россия провозглашается правовым государством – это есть норма-принцип, или принцип Конституции Российской Федерации. Напротив, в тексте Конституции США вообще отсутствует упоминание о правовом государстве, то есть нет конкретной нормы-принципа, в которой нашла бы свое отражение конституционная идея. Вместе с тем этот факт не свидетельствует о том, что, согласно конституционному тексту, США не являются правовым государством. В Конституции США имеется ряд положений, подчеркивающих наличие основополагающих признаков такого государства, – это закрепление широкого спектра прав и свобод человека и гражданина, основ демократии, разделения властей и др. Таким образом, конституционный принцип-идея правового государства США находит свое отражение в отдельных нормах-принципах самой же Конституции США, указывающих на его (государства) идейный правовой статус.

Различные вариации определений принципов права, существующие в настоящее время, вполне уместны, поскольку теория государства и права формирует представления о принципах права без «привязки» к определенным отраслям права, как общие теоретические идеи, а

уже конкретная отрасль права адаптирует, формулирует ключевые принципы, исходя из присущих ей особенностей, общественных отношений и т.д.

Таким образом, подводя итог размышлениям о принципах в праве, следует сформулировать выводы:

1. Наличие множества различных точек зрения позволяет с уверенностью говорить, что толкование принципов права зависит от комплексной основы рассуждений о праве, то есть от типа правопонимания в целом. Более того, в принципах заложено объективно-субъективное начало, объясняющее объективность тем, что их наличие обусловлено существующими общественными отношениями (политическими, экономическими, социальными и др.), а субъективность – сознательно-волевой деятельностью субъектов права, результатом которой являются и собственно принципы, и источники, их провозглашающие. Следуя данной логике, формируется неоднозначное отношение к пониманию принципов как объективных закономерностей. Правильной представляется позиция, согласно которой принципы права призваны «выражать важнейшие закономерности и устои общественно-экономической формации» (Кудрявцев В.Н., 1986) или, как пишет В.Н. Карташов, «отражать существующую действительность и основные закономерности развития общества» [3, с. 160]. При таком подходе принцип права рассматривается как особая формально-определенная норма-принцип, выражающая интересы многонационального народа через волеизъявление законодателя.

2. Опираясь на существующие в отечественной науке и практике точки зрения, допустимо сформулировать определение понятия принципов в праве следующим образом: это закрепленные в нормативных правовых актах или опосредованно вытекающие из их содержания (принципы права) либо выработанные правовой наукой или сформировавшиеся в деятельности органов публичной власти (правовые принципы) ведущие ценностно-смысловые начала жизнедеятельности личности, общества и государства, обладающие универсальным регулятивным эффектом для правоприменителя в разрешении конкретного правового вопроса.

Список источников

1. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. Москва: Альта-Принт: Дом. XXI век, 2008. 1248 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеолог. выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. Москва: АСТ: Мир и Образование, 2017. 1375 [1] с.
3. Карташов В.Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. N 14. С. 158-166.
4. Опанасенко А.С. Понятие и сущность принципов права // Пробелы в российском законодательстве. 2019. N 6. С. 33-38.
5. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2015. 578 с.
6. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. Москва, 2002. 813 с.
7. Эбзеев Б.С. Конституционное право России: учебник. Москва: Проспект, 2019. 768 с.
8. Сахаров А.Б. О принципах советского социалистического права // Правоведение. 1969. N 4. С. 56-64.
9. Фролов С.Е. Принципы права (вопросы теории и методологии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001. 26 с.
10. Ершов В.В. Основополагающие общетеоретические и гражданско-правовые принципы права. Москва, 2010. 223 с.
11. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. Москва: Юристъ, 2001. 254 с.
12. Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов. Конституционные суды и законодательные органы – друзья и соперники на арене конституционной политики // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. N 2. С. 22-45.
13. Джагарян А.А. О природе конституционных принципов в национальной правовой системе // Конституционное и муниципальное право. 2009. N 17. С. 2-5.
14. Алешкова И.А., Дудко И.А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства: конституционное содержание и особенности его обеспечения в практике Конституционного Суда РФ // Образование и право. 2021. N 2. С. 44-52.
15. Гаджиев Г.А. О принципе пропорциональности и конституционной кассации // Судья. 2019. N 7. С. 56-64.
16. Киричкёв Е.В. О роли Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении принципа правовой определенности и значении его правовых позиций в свете конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2021. N 12. С. 58-62.
17. Алебастрова И.А. Конституционные принципы: форма выражения, место в системе права и его источники // Конституционное и муниципальное право. 2007. N 8. С. 12-16.
18. Лексин И.В. «Действительные» и «мнимые» конституционные принципы // Конституционное и муниципальное право. 2013. N 10. С. 2-3.
19. Вавилин Е.В. Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2009. 54 с.
20. Пугачев А.Н. Конституционные принципы и принципы конституции: методологические проблемы различения правовых явлений // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D: Экономические и юридические науки. 2014. N 13. С. 109-118.

References

1. Ushakov D.N. A large explanatory dictionary of the modern Russian language. Moscow, Al'ta-Print: Dom. XXI vek Publ., 2008. 1248 p. (In Russ.).
2. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: About 100,000 words, terms and phraseological expressions. Moscow, AST: Mir i Obrazovanie Publ., 2017. 1375 [1] p. (In Russ.).
3. Kartashov V.N. Principles of law: concept, structures, functions. Legal Technique, 2020, no. 14, pp. 158-166. (In Russ.).
4. Opanasenko A.S. The concept and essence of the principles of law. Gaps in Russian legislation, 2019, no. 6, pp. 33-38. (In Russ.).
5. Kozlova E.I., Kutafin O.E. Constitutional Law of Russia. Moscow, Prospect Publ., 2015. 578 p. (In Russ.).
6. Problems of the general theory of law and the state. Moscow, 2002. 813 p. (In Russ.).
7. Ebzееv B.S. Constitutional Law of Russia. Moscow, Prospect Publ., 2019. 768 p. (In Russ.).
8. Sakharov A.B. On the principles of Soviet Socialist law. Jurisprudence, 1969, no. 4, pp. 56-64. (In Russ.).
9. Frolov S.E. Principles of law (questions of theory and methodology). Autoabstract Cand. Diss. Nizhny Novgorod, 2001. 26 p. (In Russ.).
10. Ershov V.V. Fundamental general theoretical and civil law principles of law. Moscow, 2010. 223 p. (In Russ.).

11. Bogdanova N.A. System of science of constitutional law. Moscow, Yurist" Publ., 2001. 254 p. (In Russ.).
12. Gadzhiev G.A. Principles of law and law from principles. Constitutional courts and legislative bodies are friends and rivals in the arena of constitutional politics. *Comparative Constitutional Review*, 2008, no. 2, pp. 22-45. (In Russ.).
13. Dzhagaryan A.A. On the nature of constitutional principles in the national legal system. *Constitutional and municipal law*, 2009, no. 17, pp. 2-5. (In Russ.).
14. Aleshkova I.A., Dudko I.A. The principle of maintaining citizens' trust in the law and the actions of the state: constitutional content and features of its provision in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Education and Law*, 2021, no. 2, pp. 44-52. (In Russ.).
15. Gadzhiev G.A. On the principle of proportionality and constitutional cassation. *Judge*, 2019, no. 7, pp. 56-64. (In Russ.).
16. Kirichek E.V. On the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in ensuring the principle of legal certainty and the significance of its legal positions in the light of constitutional reform. *Constitutional and Municipal Law*, 2021, no. 12, pp. 58-62. (In Russ.).
17. Alebastrova I.A. Constitutional principles: form of expression, place in the system of law and its sources. *Constitutional and municipal law*, 2007, no. 8, pp. 12-16. (In Russ.)
18. Leksin I.V. "Real" and "imaginary" constitutional principles. *Constitutional and municipal law*, 2013, no. 10, pp. 2-3. (In Russ.).
19. Vavilin E.V. Mechanism of civil rights implementation and fulfillment of duties. Autoabstract Doct. Diss. Moscow, 2009. 54 p. (In Russ.).
20. Pugachev A.N. Constitutional principles and principles of the constitution: methodological problems of distinguishing legal phenomena. *Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences*, 2014, no. 13, pp. 109-118. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.1, 5.1.2

Конституционный уровень правового регулирования – основополагающий компонент системы права Российской Федерации

Игорь Николаевич Исаков,

кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия, iin22@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6944-1048>

Аннотация. Статья посвящена образованному в 1993 году конституционному уровню правового регулирования, выступающему в настоящее время основополагающим и эффективным компонентом системы российского права, первоосновой первичного правового регулирования. Предпринята попытка определить, насколько «прижились» в юридической деятельности: 1) институт прямого действия Конституции Российской Федерации; 2) приоритет прав человека; 3) конкретизация принципа равенства в совокупности прав личности и другие новеллы, отражающие закономерности общества. Раскрываются положения о том, что Конституция Российской Федерации выступает всеобщей и общеобязательной основой всех компонентов системы российского права и потому обладает большим регулятивным потенциалом. Ее прямое действие распространяется не только на правоприменение, но и на законотворческую, правотворческую деятельность и правосудие. Делается вывод о том, что благодаря конституционному уровню правового регулирования, определяющему конституционный смысл и содержание всех законов как первичных носителей сущностной основы Конституции Российской Федерации, решений органов местного самоуправления, предписаний органов легализованного негосударственного правотворчества, заметно модернизируется роль законодательства в системе нормативных регуляторов общественных отношений, повышается качество первичного правового регулирования.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, конституционный уровень правового регулирования, прямое действие конституции, равенство, приоритет прав человека, первичное правовое регулирование

Для цитирования: Исаков И.Н. Конституционный уровень правового регулирования – основополагающий компонент системы права Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 4 (66). С. 25-36.

The constitutional level of legal regulation as a fundamental component of the legal system of the Russian Federation

Igor N. Isakov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, National Research University “MIET”, Moscow, Russia, iin22@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6944-1048>

Abstract. The article considers the constitutional level of legal regulation formed in 1993, which currently serves as a fundamental and effective component of the system of domestic law and also the fundamental basis of primary legal regulation. An attempt has been made to determine whether the following have taken root in legal activities: 1) the institution of direct application of the Constitution of the Russian Federation; 2) priority of human rights; 3) specification of the principle of equality in the totality of individual rights and other innovations reflecting the laws of society. The article reveals that the Constitution of the Russian Federation acts as a universal and generally binding basis for all components of the Russian legal system and therefore has great regulatory potential. It is stated that its direct application extends not only to law enforcement, but also to legislative, law-making activities and justice. It is concluded that due to the constitutional level of legal regulation, which determines the constitutional sense and content of all laws as the primary carriers of the essential basis of the Russian Constitution, and also decisions of local governments and orders of legalized non-governmental law-making bodies, the role of legislation in the system of normative regulators of social relations is being noticeably modernized, as well as the quality of primary legal regulation is being increased.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, constitutional level of legal regulation, direct application of the constitution, equality, priority of human rights, primary legal regulation

© Исаков И.Н., 2023

For citation: Isakov I.N. The constitutional level of legal regulation as a fundamental component of the legal system of the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. N 4 (66). P. 25-36.

Введение

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ), принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. при участии 54,8 % избирателей, из которых 58,4 % проголосовали за, была официально опубликована и начала действовать 25 декабря 1993 г. Истекшие 30 лет показали, что в системе российского права всеобщей сущностной и общеобязательной основой всех ее компонентов являются установления Конституции РФ, на что указывает ряд авторов в своих исследованиях [1, с. 38; 2, с. 22]. Осмысление Конституции РФ в качестве конституционного уровня правового регулирования, образованного в 1993 году и выступающего основополагающим компонентом в системе права Российской Федерации, принципиально важно для юридической науки и практики и в связи с этим является целью и предметом рассмотрения данной статьи.

Как показала практика, образованию конституционного уровня правового регулирования способствовало впервые реализованное закрепление института прямого действия конституционных установлений, закрепление приоритета прав личности и их реализация на принципе равенства, другие новеллы, отражающие закономерности общественного развития и соответствующие интересам общества.

Выполняя роль основополагающего компонента нормативной системы, ее ядра, конституционные принципы и нормы выступают первоосновой первичного правового регулирования, образуют первичную нормативную базу не только для законодательства, но и для представительных органов местного самоуправления и легализованного негосударственного правотворчества. Они устанавливают основы деятельности управомоченных субъектов во всех сферах жизни общества, определяют их конституционный смысл и содержание, тогда как иные компоненты лишь конкретизируют и развивают правовое положение Конституции РФ.

Принципиально важным является и то, что всеобщие конституционные положения органически сочетаются с общими, особенными и конкретизированными нормами федеральных законов, снимающими неопределенность всеобщего и восполняющими пробелы конституционного регулирования.

Благодаря конституционному регулированию заметно модернизируется роль законодательства в системе нормативных регуляторов общественных отношений, закрепляется предметно-практическая деятельность уполномоченных субъектов в различных сферах жизни общества, происходит острая и гибкая реакция на переоценку таких основополагающих правовых ценностей, как правовое равенство и права человека. За счет региональных, муниципальных и локальных правотворческих органов предоставляется возможность удовлетворения материальных и духовных потребностей индивидов, расширения их субъективных прав по сравнению со стандартами, установленными федеральным законодательством.

Закрепление в Конституции РФ принципа равенства и его конкретизация в совокупности прав личности

Важнейшая особенность Конституции РФ состоит в том, что она, будучи всеобщей и общеобязательной основой всей системы права Российской Федерации, не только закрепляет принципы равенства и справедливости в качестве фундаментальных социально-правовых ценностей российского права, но и конкретизирует их в совокупности прав и свобод человека и гражданина. Как верно отмечает М.В. Пресняков, принцип справедливости как бы «растворен» в нормативном содержании Конституции, выражает ее «дух». «Это и ч. 3 ст. 55, согласно которой ограничения основных прав допускаются только для достижения перечисленных в Конституции РФ целей и должны быть им соразмерными; и ч. 3 ст. 17, закрепляющая, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и

свободы других лиц; и запрет издания законов, умаляющих права и свободы человека (ч. 2 ст. 55), и т.п.» [3, с. 4-5]. Сказанное в полной мере относится и к принципу равенства. В любом из компонентов конституционного статуса граждан России, по мнению Ю.В. Капрановой, прослеживается стремление к равенству [4, с. 9].

Действительно, равенство, будучи системообразующим принципом Конституции РФ, определяет ее содержание. Как отмечает В.М. Сырых, благодаря интегративным свойствам равенство выступает всеобщим фундаментальным принципом права, охватывает все элементы внутринациональной системы российского права и находится с ним в органическом единстве [5, с. 212; 6, с. 447]. В этом контексте можно отметить, что Конституция РФ закрепляет легальное определение принципа равенства, устанавливает систему основных прав человека и гражданина, в которых названный принцип находит воплощение в непосредственной практической деятельности, — закрепляются юридические, политические и, как отмечается в трудах российских правоведов, социальные гарантии действительности анализируемого принципа. В целом принципы равенства и справедливости, имеющие юридическую природу и нормативное содержание, выступают в качестве необходимых компонентов публичного интереса, реализация которого предстает ведущим направлением федеральных органов власти [3, с. 5].

Закрепленное статьей 19 Конституции РФ равенство прав и свобод человека и гражданина реально выступает как всеобщее интегративное свойство конституционных установлений и конкретизируется в системе прав и свобод, предусмотренных главой 2 Конституции РФ. Своей большей частью упомянутая система прав и свобод граждан на формально-юридическом уровне соответствует международным стандартам.

Прежде всего, закрепленная в Конституции РФ совокупность *гражданских и политических* прав обеспечивает, с одной стороны, активное участие личности в делах общества и государства, а с другой — возможность удовлетворения собственных потребностей. В частности, в соответствии с Конституцией РФ личность реально об-

ладает правом на свободный выбор труда, свободу творчества, пользование достижениями культуры, принимает активное участие в социально-экономической и культурной деятельности общества. Столь же активно личность может действовать и в сфере политики. Благодаря политическим правам, закрепленным Конституцией РФ, личность получает доступ к государственной власти. С учетом способностей и профессиональной квалификации каждому гражданину Российской Федерации предоставляются равные возможности для работы в государственном аппарате, участия в управлении делами государства, право избирать и быть избранным в представительные органы государства и местного самоуправления.

Для того чтобы каждый мог достойно реализовать свои *социально-экономические* права, Конституция РФ определяет широкий круг прав и свобод, посредством которых индивид способен развить творческие способности, получить общее и профессиональное образование, иметь гарантии от посягательств на личную жизнь и свободу. Среди прав этой группы особо значимыми являются право на жизнь и личное достоинство, получение бесплатного общего и среднего профессионального образования, а на конкурсной основе — высшего образования.

В обобщенном виде социальная значимость конституционных прав и свобод личности состоит в том, что в своей системной целостности они обеспечивают равную доступность личности к материальным и духовным благам, которыми располагает современное общество. При этом Конституция РФ создает развитую систему юридических, политических и экономических гарантий реализации прав и свобод личности.

Среди формально-юридических гарантий особое значение имеют такие принципы, как: 1) провозглашение прав и свобод высшей ценностью в качестве одной из основ конституционного строя и возложение на государство обязанности соблюдения и защиты прав и свобод человека (ст. 2 Конституции РФ); 2) установление равенства каждого перед законом и судом; 3) предоставление каждому права защищать свои права и свободы всеми не за-

прещенными законом способами, включая самозащиту. Примечательно, что Конституция РФ не просто провозглашает юридические гарантии, но и создает сеть различных государственных и общественных органов и организаций, призванных достойно защитить нарушенные права граждан.

Юридические гарантии заметно усиливаются реальным действием политических гарантий, в число которых входят процесс формирования и функционирования демократического правового государства, активное участие народа в управлении делами общества и государства, наличие государственных правоохранительных органов, призванных обеспечить в стране устойчивый правовой порядок и действенную защиту нарушенных прав и свобод граждан.

Экономические гарантии конституционных прав и свобод личности заключаются в развитой экономике, способной на должном уровне удовлетворять материальные потребности всех слоев населения, а также в действующей системе социального обеспечения. Несмотря на то, что российская экономика еще не достигла своего развитого состояния, государство принимает специальные программы, национальные проекты, направленные на обеспечение материального благополучия различных слоев населения.

Реальное воплощение конституционных прав и свобод граждан, механизмов их реализации в конкретных отношениях составляет конечную цель деятельности органов государственной власти федерального уровня и субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления, включенных в единую систему публичной власти. Подтверждением служит Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»*, в котором полномочия и порядок деятельности органов публичной власти определены таким образом, чтобы названные органы, осуществляя управление делами общества, конкретного субъекта Российской Федерации либо муниципального образования,

обеспечивали реализацию публичного интереса, в том числе максимально полное удовлетворение материальных и духовных потребностей различных слоев населения.

Итак, Конституция РФ, закрепляющая основы российской системы права в комплексном, системном виде, — от установления прав и свобод личности на принципах равноправия до их непосредственного воплощения в конкретных правоотношениях — также в комплексном, системном виде реализует свой регулятивный потенциал, обладая при этом высшей юридической силой и имея прямое действие на всей территории Российской Федерации.

В этом контексте место и значение конституционного уровня правового регулирования определяется частью 1 ст. 15, наделяющей Конституцию РФ такими качествами, как, во-первых, высшая юридическая сила, во-вторых, прямое действие и, в-третьих, применение на всей территории Российской Федерации.

Высшая юридическая сила Конституции РФ в новых социально-политических реалиях

Высшая юридическая сила Конституции РФ, действующей в современной России, характеризуется прежде всего тем, что любые правовые акты законодательства, подзаконного правотворчества и правоприменения, правотворчества представительных органов местного самоуправления, саморегулируемых организаций, иных социальных сообществ не могут и не должны содержать положений, противоречащих Конституции РФ. Указанное положение конкретизируется в ряде ее статей, закрепляющих порядок деятельности федеральных органов власти. В частности, ст. 82 Конституции РФ возлагает на Президента Российской Федерации обязанность «соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации», а согласно ст. 90 издаваемые им указы и распоряжения «не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам». В свою очередь, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации также издаются не иначе как «на основании и во исполнение Конституции».

Важное значение в характеристике высшей юридической силы Конституции РФ имеет установление в ней дей-

* См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. N 52 (ч. 1). Ст. 8973.

ственного порядка разрешения коллизий, возникающих в правотворческой и правоприменительной деятельности. Созданный в этих целях Конституционный Суд Российской Федерации как высший орган правосудия на основании ст. 125 Конституции РФ разрешает дела о соответствии Конституции РФ федеральных законов, играющих роль первичных носителей существенной основы конституционных установлений, нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, а также конституций и законов республик, уставов, законов, иных нормативных правовых актов краев, областей и других субъектов Российской Федерации.

В этом контексте справедливо полагать, что источником высшей юридической силы Конституции РФ выступает ее верховенство в системе российского права. Для подтверждения данного вывода можно выделить и такие, с нашей точки зрения, важные признаки, характеризующие верховенство Конституции РФ в качестве источника ее высшей юридической силы: 1) носит учредительный характер; 2) закрепляет первичные нормы, устанавливающие основы организации и деятельности всех сфер российского общества; 3) определяет принципы формирования и функционирования федеративного государства в качестве органа управления делами общества на началах правового демократического государства. Иные компоненты системы российского права (принятые представительными органами субъектов Российской Федерации и местного самоуправления, органами легализованного негосударственного правотворчества) могут действовать в качестве источников права лишь в той мере, в какой они соответствуют принципам и иным положениям Конституции РФ, органично дополняя и развивая их применительно к специфике соответствующего предмета правового регулирования.

Наконец, верховенство Конституции РФ определяется тем, что документ такого уровня учреждается в особом порядке от имени многонационального народа Российской Федерации. В целях обеспечения реального действия верховен-

ства Конституции РФ установлены особые порядки ее принятия и изменения, а также защиты от нарушений как на уровне законотворчества и правоприменения, так и в конкретных правоотношениях.

Вопросы прямого действия норм Конституции РФ

Безусловную новеллу представляет собой институт прямого действия конституции, который, как уже отмечалось, был впервые закреплен в Конституции РФ в 1993 году. В то же время вследствие лапидарности (предельной краткости) учредившего его положения и сравнительно непродолжительного срока действия указанный институт по ряду позиций продолжает оставаться дискуссионным. Устраняя возникшую неопределенность вступления в действие данного конституционного положения, Пленум Верховного Суда Российской Федерации 31 октября 1995 г. принял постановление N 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»* (далее – Постановление N 8), которое до сих пор не утратило своей актуальности, однако нуждается в корректировке.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации призвал суды во всех необходимых случаях применять Конституцию РФ и в качестве акта прямого действия. В частности, в Постановлении N 8 указано на четыре «необходимых случая»: 1) если закрепленные нормой Конституции РФ положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина; 2) если суд придет к выводу, что федеральный закон, действовавший на территории Российской Федерации до вступления в силу Конституции РФ, противоречит ей; 3) если суд придет к убеждению, что федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции РФ,

* О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 окт. 1995 г. N 8; ред. от 3 марта 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

находится в противоречии с соответствующими положениями Конституции РФ; 4) если закон либо иной нормативный правовой акт, принятый субъектом Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, противоречит Конституции РФ, а федеральный закон, который должен регулировать рассматриваемые судом правоотношения, отсутствует.

Изложенная позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации разделяется российскими правоведом, но интерпретируется по-разному. Например, Ю.И. Гревцов в качестве необходимого признака прямого действия конституционных норм называет их реальное и прямое применение общими судами, отмечая при этом, что норма Конституции РФ имеет прямой порядок действия лишь в случаях, когда она применяется непосредственно судами общей юрисдикции. Если эти суды не могут признать или защитить субъективное право, закрепленное конституционной нормой, опираясь только на текст этой нормы, то имеются достаточные основания для отрицания у такой конституционной нормы прямого действия [7, с. 94-96].

В.М. Антоненко под прямым действием Конституции РФ понимает ее свойство «выступать непосредственным регулятором общественных отношений без необходимости ее детализации в нормативных правовых актах» [8, с. 6].

В.В. Невинский не отрицает того, что прямое действие норм Конституции РФ осуществляется в условиях непосредственного регулирования общественных отношений. Соответственно, он признает право граждан и их объединений, органов государственной и муниципальной власти, а также судов ссылаться на нормы Конституции РФ как на нормы обычных законов. Однако, по мнению автора, прямое применение конституционных норм на практике осложняется рядом проблем [9, с. 73]. Во-первых, как полагает В.В. Невинский, многие конституционные нормы носят настолько абстрактный характер, что граждане и суды не в состоянии применять их при решении конкретного дела. В этом случае требуется специальное толкование конституционной нормы и ее адаптация к правопримени-

тельной практике. Во-вторых, на пути прямого действия норм Конституции РФ возникают препятствия в виде содержащихся в ней самой оговорок и ограничений, которые могут быть преодолены лишь посредством дополнительного правового регулирования при наступлении соответствующих социально-экономических и политических условий. В-третьих, прямое действие некоторых норм Конституции РФ, обладающих высокой степенью конкретизации и не имеющих формальных конституционных ограничений, может сдерживаться отсутствием политических решений по отдельным важнейшим вопросам жизни общества и государства [9, с. 74].

Как представляется, позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно прямого действия Конституции РФ, разделяемая российскими правоведом, при рассмотрении судами конкретных дел сведена к сфере правоприменения, в которой действуют федеральные законы. На долю прямого действия конституционных норм приходятся ситуации, не относящиеся к распространенным в судебной практике: 1) если применяемый закон является неполным, коллизионным и др.; 2) если дело, рассматриваемое на основе конституционных норм, не требует конкретизации на уровне отдельных отраслей права, и т.д.

Таким образом, новация, призванная придать особую значимость Конституции РФ официальным признанием ее актом прямого действия, имеющим всеобщее значение, *на деле сводится к отдельным исключениям*. В этом прослеживается влияние доктрин 70-х годов истекшего столетия, ограничивавших прямое действие Конституции СССР 1977 года правоприменительной деятельностью. Как полагает С.С. Алексеев, солидаризируясь с Б.А. Венгеровым, «конституционные нормы (за некоторыми исключениями) могут и должны быть предметом непосредственного судебного применения» [10, с. 190]. В свою очередь, С.Н. Братусь признает, что Конституция «может и должна иметь прямое действие. Это означает, что каждый, чьи права нарушены, если они не обеспечены конкретизирующими Конституцию правилами в текущем законодательстве, вправе прибегнуть к аппарату

принуждения для защиты своего нарушенного и охраняемого в общей форме права» [11, с. 58].

Представляется, что прямое действие Конституции РФ принципиально иное, поскольку выходит за пределы правоприменения и последовательно распространяется на законотворческую и правотворческую сферу.

Как показывает анализ, Основной закон Советского государства не содержал конкретных предписаний относительно его прямого действия. Закреплялось лишь положение о том, что Конституция СССР обладает высшей юридической силой, а все законы и иные акты государственных органов издаются на основе Конституции СССР и в соответствии с ней. Однако Конституция СССР не входила в число нормативных источников, которыми предписывалось руководствоваться общесоюзным органам в своей деятельности.

Относительно коллизий презюмировалось, что между Основным законом СССР и общесоюзными актами их нет и не может быть, соответственно, в тексте Конституции СССР 1977 года отсутствовали какие-либо предписания относительно выявления и снятия коллизионных норм. Возможность коллизий допускалась лишь на уровне республиканского законодательства (ст. 74 Конституции СССР). В случае расхождения закона союзной республики с общесоюзным законом приоритет отдавался закону СССР.

Следовательно, проблема реального действия Конституции СССР 1977 года была сведена к принципу ее верховенства без конституционного закрепления механизмов, способных обеспечить ее действие. При этом правоведы абстрагировались от проблем действия Конституции СССР 1977 года в сфере законотворчества, низведя ее предмет до узкой сферы средства преодоления пробелов в праве.

В этом контексте установления Конституции РФ, их прямое действие ставятся во главу угла всей законотворческой, правотворческой и правоприменительной деятельности государства. Однако, несмотря на это, ряд российских правоведов продолжает высказывать мнение об ограничении действия Конституции РФ сферой правоприменения, что, на наш

взгляд, является несостоятельным. Подобные доктрины умаляют революционный прорыв действующей Конституции РФ. Например, своеобразную трактовку принципа прямого действия Конституции РФ дают Е.С. Аничкин, Т.И. Ряховская и другие авторы. По их мнению, названный феномен — «это юридическое свойство норм Основного закона, имеющее легальный характер, выражающее правило действия и реализации норм Конституции независимо от наличия конкретизирующих их нормативно-правовых актов. Данное свойство ничем не ограничено, т.е. даже если необходима конкретизация норм Основного закона, это не является его исключением, так как сама конкретизация создается на основе конституционно-правовых предписаний и лишь развивает их с целью реализации, а не устанавливает. А применение Конституции РФ, особенно в деятельности судов, — это процесс, посредством которого обеспечивается это свойство» [12, с. 37].

Представляется, что такую дефиницию нельзя отнести к разряду удачных. Во-первых, фраза «юридическое свойство норм Основного закона, имеющее легальный характер» является лишней, поскольку Конституция может быть только легальной. Во-вторых, свойство как имманентный компонент качества Конституции неспособно выражать какие-либо «правила действия и реализации норм Конституции», поскольку таковые устанавливаются сознательной мыслительной деятельностью законодателя или общества. Свойства могут выражать качественные особенности Конституции, сформированные ее создателем. В-третьих, тезис о прямом, ничем не ограниченном действии Конституции, как представляется, идеализирует действительное соотношение конституционного и законодательного уровней правового регулирования. Законодатель, как это показывает многолетний опыт деятельности конституционных судов разных стран, отчасти по ошибке, а в некоторых случаях умышленно пытается ограничить демократический потенциал конституционных положений, придать им «урезанный» вид.

С этих позиций можно говорить, что термин «прямое действие Конституции РФ» не является тождественным по-

нению «правоприменение». Последнее означает не более чем одну из форм реализации права. В этом контексте В.В. Лазарев отмечает, что из высшей юридической силы Конституции, ее прямого действия и применения на всей территории Российской Федерации естественно вытекает положение о том, что конституционные нормы распространяются на законодателя, органы исполнительной власти, суды, органы местного самоуправления, которые связаны верховенством Конституции как в процессе нормотворчества, так и в процессе правоприменения [13, с. 100-101].

С этой точки зрения Конституцию РФ можно характеризовать как всеобщую сущностную основу всех компонентов системы российского права, определяющую их конституционный смысл и пределы действия. Такие компоненты, обретая конкретное содержание, сообразно специфике регулируемых отношений, остаются в сфере конституционного поля и не содержат противоречащих Конституции РФ установлений.

Между тем анализ действия Конституции РФ с 1993 по 2023 год показывает, что в процессе правоприменения неоднократно создавалось иллюзорное представление о том, что применению подлежит лишь конкретная норма, закрепленная указанным пунктом, статьей либо иной структурной единицей соответствующего акта. Например, квалификация преступлений, как правило, осуществлялась сообразно действующим статьям УК РФ. Содержание гражданского договора определялось соответствующими статьями ГК РФ и т.д. В результате оказывалось, что законы, закрепляющие нормы отраслевого регулирования, выступали ведущим источником разрешения правоприменительных, в том числе судебных дел, а их сущность, закрепленная Конституцией РФ, оставалась за пределами правоприменительного решения и не использовалась в качестве нормативной основы вынесенного правоприменительного решения. В подобных случаях основанное на законе правоприменительное решение, безусловно, является законным. Однако примененный закон по тем или иным причинам не соответствует Конституции РФ. Решение оказывается законным, но неконституционным и в силу этого неправовым.

Принцип прямого действия Конституции РФ направлен против ситуаций, когда законное решение оказывалось бы неконституционным, то есть когда вследствие ошибки правотворческого органа норма права обретает юридическую форму при полном отсутствии в ней правового содержания. В подобных случаях примененная норма признается Конституционным Судом Российской Федерации недействующей. Характерным примером является постановление от 14 января 2000 г. N 1-П, в котором Конституционный Суд Российской Федерации признал не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 10, 46, 49, 120 и 123 (часть 3) шесть статей УПК РСФСР (3, 108, 109, 112, 113, 256) в той их части, в которой они предусматривали или допускали полномочия суда возбуждать уголовное дело, в том числе в отношении нового лица, и применять к нему меру пресечения, а также возвращать в связи с этим дело для дополнительного расследования*. Неконституционность названных норм мотивировалась тем, что возбуждение уголовного дела не относится к судебной деятельности по осуществлению правосудия.

Постановлением от 17 мая 2011 г. N 8-П Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 1, абзацы первый и второй пункта 3 статьи 18 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и ст. 5 Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы...» «...не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 7 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 39 (часть 1), 41 (часть 1) и 59 (части 1 и 2), в той мере, в какой этими законоположениями допускается возмещение вреда, причиненного здоровью военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, при досрочном увольнении в связи с

* По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 янв. 2000 г. N 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. N 5. Ст. 611.

признанием негодным к военной службе вследствие увечья, полученного при исполнении обязанностей военной службы»*. Неконституционность законодательных норм мотивировалась недостаточным уровнем восполнения государством материальных потерь, связанных с невозможностью дальнейшего прохождения военной службы.

Приведенные примеры показывают, что единственной причиной принятия неконституционных предписаний является субъективный фактор, поскольку при подготовке законопроекта не были устранены коллизии либо противоречия. Как справедливо отмечают А.В. Малько, Д.А. Липинский, А.А. Иванов и Р.С. Маркунин, пробелы и коллизии, имеющиеся в российском законодательстве, обусловлены низким уровнем восприятия положений действующей Конституции РФ отечественным законодателем. По мнению авторов, это оценивается как одно из проявлений юридической аномии. На наш взгляд, такой подход подтверждает необходимость повышения «уровня восприятия Конституции РФ», чему способствует прямое действие конституционных установлений во всех видах юридической деятельности [14, с. 6].

В связи с этим, безусловно, следует учитывать, что сравнительно-правовой анализ конституционных положений и проектируемых предписаний представляет собой сложный мыслительный процесс. В частности, в постановлении Конститу-

* По делу о проверке конституционности ряда положений статьи 18 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 5 Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» и статьи 1084 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.П. Кузьменко и А.В. Орлова и запросом Избербашского городского суда Республики Дагестан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 мая 2011 г. N 8-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. N 18-П (далее – Постановление N 18-П) сделан мотивированный вывод о том, что ч. 9 ст. 246 УПК РФ является неконституционной**. В пункте 8 Постановления N 18-П отмечается: «...Статья 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, гарантируя право на судебную защиту и обжалование в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, исходит из обязанности государства обеспечить каждому рассмотрение его дела как минимум двумя судебными инстанциями. Право на рассмотрение уголовного дела судом не только первой, но и второй инстанции вытекает также из статьи 50 (часть 3) Конституции Российской Федерации, закрепляющей право каждого осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом. С учетом того, что статья 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации гарантирует равноправие сторон в судопроизводстве, такое право должно обеспечиваться и потерпевшему. Между тем часть 9 статьи 246 УПК РФ, допуская пересмотр определения или постановления суда о прекращении уголовного дела ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения лишь при наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств в соответствии с главой 49 УПК РФ, лишает стороны возможности оспорить названные судебные решения в вышестоящем суде в связи с иными основаниями, нарушая тем самым их конституционные права».

В подобных случаях Конституционный Суд Российской Федерации, чтобы сделать достоверный вывод о конституционности исследуемых норм, осуществляет, как правило, четыре процедуры: 1) определяет совокупность принципов и положений, образующих конституционную основу

** По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 дек. 2003 г. N 18-П // Там же.

исследуемых норм; 2) выявляет совокупность законодательных предписаний, не соответствующих конституционной основе; 3) называет принципы и положения Конституции РФ, которым не соответствуют исследуемые нормы; 4) приводит конкретные пояснения относительно того, в чем именно состоит несоответствие законодательного положения Конституции РФ. Представляется, что указанные процедуры в своей совокупности и образуют деятельность Конституционного Суда Российской Федерации, основанную на прямом действии Конституции РФ.

В то же время, если в этом контексте поддержать точку зрения авторов, связывающих прямое действие Конституции РФ с разрешением конкретных дел при условии пробельности или противоречивости действующего законодательства, то можно прийти к парадоксальному выводу о том, что Конституционный Суд Российской Федерации, который не рассматривает конкретные уголовные, гражданские и административные дела, осуществляет свою деятельность, не будучи уполномоченным на прямое применение Конституции РФ. Однако деятельность Конституционного Суда Российской Федерации основывается на прямом действии Конституции РФ. Более того, его деятельность является эталонной для всех законодательных, судебных, исполнительных и иных органов публичной власти.

Для того чтобы обеспечить неукоснительное соответствие Конституции РФ проектируемых положений, правотворческому органу необходимо осуществить те же процедуры, которые проводит Конституционный Суд Российской Федерации в процессе прямого применения Конституции РФ. Во-первых, на стадии подготовки концепции закона требуется определить совокупность принципов и положений, образующих конституционную основу нормативных предписаний по предмету проектируемого закона. Во-вторых, конституционная основа законопроекта используется в качестве критерия, определяющего уровень конституционности проектируемых новелл. В-третьих, подготовленный законопроект подвергается профессиональной экспертизе на предмет выявления законодательных коллизий.

Как видно, Конституция РФ выступает единственным средством установления конституционности проектируемых новелл и тем самым реализует свое прямое действие в сфере законотворчества. Соответственно, прямое действие Конституции РФ в сфере законотворчества является реально действующим принципом.

Представляется, что специфика прямого действия Конституции РФ в правоприменении, судопроизводстве и других формах правовой деятельности состоит в том, что оно применяется трояким образом: 1) в целях оценки конституционности предписаний, используемых в качестве нормативной основы правоприменительного решения; 2) для оценки конституционности принятого решения; 3) в качестве источника решения конкретных правоприменительных дел.

Как показывает 30-летний опыт деятельности судебных органов, касающейся прямого применения Конституции РФ, суды общей юрисдикции и арбитражные суды, призванные обеспечить соответствие своих решений Конституции РФ, с необходимостью брали на вооружение и берут сегодня приемы и опыт Конституционного Суда Российской Федерации. В связи с этим чрезвычайно важно, чтобы суды общей юрисдикции и арбитражные суды подвергали анализу уровень конституционности примененных в деле норм права посредством сравнительно-правового анализа, констатировали степень согласованности сопоставляемых конституционных и законодательных норм и мотивированно объяснили результаты сравнительного анализа. Интерпретируя деятельность судебных органов, в том числе Конституционного Суда Российской Федерации, основанную на прямом действии Конституции РФ, можно характеризовать ее как особую форму реализации конституционных установлений в сфере правосудия.

К первой особенности следует отнести то, что производимый судами анализ конституционности применяемых норм в случае их соответствия Конституции РФ, как правило, остается без отражения в принимаемом судебном решении, что может создавать «питательную почву» для уклонения судов от проведения данной процедуры. Как показывает опыт работы

Конституционного Суда Российской Федерации, вопрос о неконституционности норм, примененных в деле, чаще всего инициируется сторонами, несогласными с вынесенным решением. В связи с этим, чтобы активизировать суды на обязательное проведение анализа конституционности примененных норм, целесообразно рекомендовать им в обязательном порядке вносить в текст приговора, иного решения запись о том, что применяемые нормы соответствуют Конституции РФ.

Ко второй особенности следует отнести обязанность судов общей юрисдикции и арбитражных судов принимать решения, в полной мере соответствующие духу и букве Конституции РФ. Объектом исследования в данном случае выступает индивидуальное судебное решение. Однако это обстоятельство не умаляет значимости прямого действия Конституции РФ в оценке конституционности вынесенного по делу решения, так как только суд способен окончательно перевести правовые притязания в сферу практической деятельности.

Третья особенность судебного правоприменения состоит в том, что прямое действие Конституции РФ позволяет устранять пробелы в праве и рассматривать иные дела на основании непосредственного применения конституционных норм и принципов, не претендуя при этом на роль единственной формы прямого действия Конституции РФ в сфере судебного правоприменения.

Выводы и предложения

1. Конституцию РФ как органически целостный правовой документ, закрепивший новые социально-политические представления общества относительно способов его функционирования, можно характеризовать в качестве конституционного уровня правового регулирования и основополагающего компонента системы права Российской Федерации.

2. Главное достоинство Конституции РФ состоит в определении смысла и содержания всех законов и иных нормативных правовых актов. Ее установления не просто утверждают всеобщее, но и конкретизируют равенство в совокупности

прав личности, выступают общим основанием принятия норм первичного правового регулирования, образования уровней правового регулирования.

3. Закрепленное Конституцией РФ равенство выступает как реально действующий интегративный принцип. Его реализация обеспечивается государством в виде законодательного закрепления права на гарантированное получение различными категориями граждан минимальных материальных и духовных благ, а также дополнения и превышения минимальных государственных стандартов первичными нормами субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и предписаниями легализованного негосударственного правотворчества.

4. Прямое действие Конституции РФ показало себя как эффективный способ конституционного регулирования, обязывающий законодательные органы, государственные органы исполнительной власти, правосудие, представительные органы местного самоуправления обеспечивать принятие ими нормативных и правоприменительных актов в строгом соответствии с действующей Конституцией РФ. Источником прямого действия Конституции РФ выступает ее всеобщность и всеобязательность. Ни один правовой акт не может быть принят без учета Конституции РФ, приведения его положений в соответствие с конституционными принципами.

Предлагается:

1) дополнить положение о прямом действии Конституции РФ признанием подобно действию «всеобщим и всеобязательным»;

2) включить метод конституционного толкования в качестве необходимого компонента системы методов толкования нормативных правовых актов, применяемых компетентными органами государства;

3) признать обязательным компонентом судебных решений, выносимых по итогам рассмотрения дела, выводы судов о соответствии примененных ими в деле норм права Конституции РФ, а также о конституционных принципах и положениях, взятых за основу при вынесении решения по делу.

Список источников

1. Радько Т.Н. Теория функций права: монография. Москва: Проспект, 2014. 272 с.
2. Малько А.В. Теория правовых актов: необходимость и пути их создания // Государство и право. 2012. N 2. С. 15-24.
3. Пресняков М.В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. 45 с.
4. Капранова Ю.В. Конституционные основы равноправия граждан Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 190 с.
5. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 2. Логика правового исследования (Как написать диссертацию). Москва: Юстицинформ, 2004. 560 с.
6. Сырых В.М. Материалистическая теория права: избранное: в 4 т. Т. 2. Москва: Российская акад. правосудия, 2011. 1260 с.
7. Гревцов Ю.И. Прямое действие Конституции? // Журнал российского права. 1998. N 6. С. 94-99.
8. Антоненко В.М. Прямое действие Конституции Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 25 с.
9. Невинский В.В. Конституция Российской Федерации: испытание мировым опытом // Журнал российского права. 2003. N 11. С. 65-79.
10. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. Москва: Юрид. лит., 1971. 223 с.
11. Братусь С.Н. О понимании советского права // Советское государство и право. 1979. N 7. С. 56-74.
12. Аничкин Е.С., Ряховская Т.И. Прямое действие и применение норм Конституции РФ: к вопросу о разграничении понятий // Правоприменение. 2018. Т. 2. N 1. С. 31-39.
13. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / В.С. Афанасьев, В.К. Бабаев, В.П. Божьев [и др.]; отв. ред. В.В. Лазарев. 2-е изд., доп. и перераб. Москва: Спарк, 2001. 670 с.
14. Низкое качество законотворчества как одно из проявлений юридической аномии / А.В. Малько, Д.А. Липинский, А.А. Иванов, Р.С. Маркунин // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 2. С. 6-19.

References

1. Rad'ko T.N. Theory of the functions of law. Moscow, Prospect Publ., 2014. 272 p. (In Russ.).
2. Malko A.V. Theory of legal acts: the need and ways of their creation. State and law, 2012, no. 2, pp. 15-24. (In Russ.).
3. Presnyakov M.V. Constitutional principle of justice: legal nature and normative content. Autoabstract Doct. Diss. Saratov, 2010. 45 p. (In Russ.).
4. Kapranova Yu.V. Constitutional foundations of equality of citizens of the Russian Federation. Cand. Diss. Rostov-on-Don, 2001. 190 p. (In Russ.).
5. Syrykh V.M. Logical foundations of the general theory of law. In 2 volumes. Vol. 2. The logic of legal research (How to write a dissertation). Moscow, Yustitsinform Publ., 2004. 560 p. (In Russ.).
6. Syrykh V.M. Materialistic theory of law: selected. In 4 volumes. Vol. 2. Moscow, Russian Academy of Justice, 2011. 1260 p. (In Russ.).
7. Grevtsov Yu.I. Direct effect of the Constitution? Journal of Russian Law, 1998, no. 6, pp. 94-99. (In Russ.).
8. Antonenko V.M. Direct effect of the Constitution of the Russian Federation. Autoabstract Cand. Diss. Yekaterinburg, 2014. 25 p. (In Russ.).
9. Nevinsky V.V. The Constitution of the Russian Federation: a test of world experience. Journal of Russian Law, 2003, no. 11, pp. 65-79. (In Russ.).
10. Alekseev S.S. The social value of law in Soviet society. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1971. 223 p. (In Russ.).
11. Bratus' S.N. On the understanding of Soviet law. The Soviet State and Law, 1979, no. 7, pp. 56-74. (In Russ.).
12. Anichkin E.S., Ryakhovskaya T.I. Direct action and application of the norms of the Constitution of the Russian Federation: on the issue of differentiation of concepts. Law enforcement, 2018, vol. 2, no. 1, pp. 31-39. (In Russ.).
13. Afanasyev V.S., Babaev V.K., Bozhev V.P. [I dr.]. Scientific and practical commentary on the Constitution of the Russian Federation. Moscow, Spark Publ., 2001. 670 p. (In Russ.).
14. Malko A.V., Lipinsky D.A., Ivanov A.A., Markunin R.S. Poor quality of lawmaking as one of the manifestations of legal anomie. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2023, no. 2, pp. 6-19. (In Russ.).

Раздел 3. Уголовный закон

Научная специальность: 5.1.4

Судебное толкование составов преступлений, в которых причинение тяжкого вреда здоровью человека не конкретизировано

Максим Анатольевич Тулиглович,

кандидат юридических наук, доцент, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия, Хабаровск, Россия, tu-m-an@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемных вопросов квалификации преступлений, возникающих при причинении тяжкого вреда здоровью человека в случаях, когда такой вред не конкретизирован в положениях уголовного закона. Аргументируется, что причиной сложившихся противоречий являются различные подходы, используемые Пленумом Верховного Суда Российской Федерации при интерпретации таких объективных признаков, как «вред здоровью человека» и «насилие, опасное для жизни и здоровья». Исследовав материалы судебной практики, автор предлагает использовать единый подход, основанный на разграничении части и целого при конкуренции уголовно-правовых предписаний, предусматривающих неконкретизированный тяжкий вред здоровью в качестве последствия совершения преступления. Кроме того, сформулированы предложения по корректировке редакций некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: неконкретизированный тяжкий вред здоровью, вред здоровью человека, судебное толкование, состав преступления, квалификация преступлений

Для цитирования: Тулиглович М.А. Судебное толкование составов преступлений, в которых причинение тяжкого вреда здоровью человека не конкретизировано // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 4 (66). С. 37-42.

Judicial interpretation of the elements of crimes in which the infliction of grievous bodily harm to human health is not specified

Maxim A. Tuliglovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice, Khabarovsk, Russia, tu-m-an@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of problematic issues of qualification of crimes that arise when grievous bodily harm to human health is caused in cases when such harm is not specified in the articles of the criminal law. It is argued that the existing contradictions are caused by the different approaches used by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation when interpreting such objective signs as "harm to human health" and "violence dangerous for life and health." Having examined the materials of judicial practice, the author proposes to use a unified approach based on the distinction between the part and the whole in the competition of criminal law regulations, providing for unspecified grievous bodily harm to health as a consequence of committing a crime. In addition, some proposals on adjusting the editions of some resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are formulated.

Keywords: unspecified grievous bodily harm to health, harm to human health, judicial interpretation, elements of crime, qualification of crimes

For citation: Tuliglovich M.A. Judicial interpretation of the elements of crimes in which the infliction of grievous bodily harm to human health is not specified // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 4 (66). P. 37-42.

Вопросам классификации преступлений, причиняющих вред здоровью, в теории уголовного права уделяется достаточно много внимания [1, с. 6]. Однако если при квалификации преступлений правовая оценка по степени тяжести причиненного вреда не вызывает особых проблем, то в случаях, когда, в частности, тяжкий вред здоровью, причиняемый в результате совершения преступлений, не конкретизирован, возникают сложности при определении объема соответствующих понятий.

Анализ Особенной части УК РФ позволяет выделить разновидности диспозиций статей, в которых тяжкий вред здоровью не конкретизирован. Одну из таких разновидностей составляют диспозиции, включающие конструкцию «причинение вреда здоровью человека» (ч. 3 ст. 137; ч. 2 ст. 228.2; ч. 1 ст. 237; ч. 1 ст. 246; ч. 1 ст. 248 УК РФ).

Основная проблема при квалификации по данному основанию заключается в том, что интерпретация объема содержания рассматриваемого признака в официальных разъяснениях, содержащихся в различных постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, представлена по-разному.

Например, в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. N 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. N 21) не конкретизируется, однако предельно ясно указывается на возможность «причинения вреда здоровью **любой степени тяжести** (выделено нами. — М. Т.) одному или нескольким лицам в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 246; ч. 2 ст. 247; ч. 1 ст. 248; ч. 2 ст. 250; ч. 2 ст. 251; чч. 1 и 2 ст. 254 УК РФ»*.

* О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 окт. 2012 г. N 21: ред. от 15 дек. 2022 г. // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2012. N 12; 2023. N 3.

Более детальное толкование вреда здоровью представлено в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. N 21 ввиду использования в диспозиции ч. 1 ст. 247 УК РФ термина «существенный вред здоровью». Наличие обозначаемого данным термином признака увеличивает степень общественной опасности наступивших последствий. При этом существенный вред здоровью характеризуется как «тяжкий или средней тяжести вред здоровью». Используемое Пленумом Верховного Суда Российской Федерации расширительное толкование термина «вред здоровью» вряд ли можно признать удачным, поскольку это противоречит теоретическим положениям института квалификации преступлений. Так, при конкуренции части и целого предпочтение должно отдаваться целому. «Если часть представляет собой более тяжкое преступление, чем целое, содеянное должно быть квалифицировано по совокупности преступлений» [2, с. 433]. Иными словами, преступление (часть), с помощью которого совершалось другое преступление (целое), по сравнению с последним должно иметь аналогичные или менее выраженные характер и степень общественной опасности. Для того чтобы установить это соответствие, учитывая, что характер и степень общественной опасности деяния находят отражение в категориях преступления (ст. 15 УК РФ), необходимо сравнить категории преступлений, относящихся как к части, так и к целому.

Анализ санкций статей показал, что представленные составы относятся к разным категориям. Деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 248; ч. 2 ст. 250; ч. 2 ст. 251; чч. 1 и 2 ст. 254 УК РФ, признаются в законодательстве преступлениями небольшой тяжести (они предусматривают лишение свободы на срок до двух лет), а деяния, квалифицируемые по ст. 246, ч. 2 ст. 247 УК РФ, — преступлениями средней тяжести. С субъективной стороны указанные преступления могут совершаться как с умышленной, так и с неосторожной формой вины (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. N 21). Если в качестве целого рассматривать состав, имеющий признак «вред здоровью», то частью, в за-

висимости от формы вины, будут являться составы, закрепленные в ч. 1 ст. 111 или ч. 1 ст. 118 УК РФ. Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 111 УК РФ, по характеру и степени общественной опасности относится к категории тяжких, санкция устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок до 8 лет. Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ) признается преступлением небольшой тяжести, поскольку санкцией данной статьи вообще не предусматривается наказание, связанное с лишением свободы на определенный срок.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. N 14) степень тяжести вреда здоровью не только не конкретизируется, но и не позволяет с достаточной долей определенности вычлнить среди перечисляемых последствий для здоровья тяжкий вред*. Например, применительно к ст. 228.2 УК РФ в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. N 14 указано: «под причинением по неосторожности вреда здоровью человека понимается наступление последствий, связанных, например, с нарушением нормальной деятельности его органов, их физиологических функций, длительным заболеванием, возникновением наркотической зависимости». Подобные разъяснения могут вызвать затруднения при отнесении данного вреда здоровью к категории тяжкого, хотя последнее из отмеченных Пленумом последствий, безусловно, аналогично одному из последствий, предусмотренных ч. 1 ст. 111 УК РФ, — заболеванию наркоманией.

Выход из сложившейся ситуации видится в незначительном изменении содер-

жания п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. N 14. Корректировку необходимо осуществить с учетом правил конкуренции части и целого, принимая во внимание, что предусмотренные ч. 2 ст. 228.2 и ч. 1 ст. 118 УК РФ деяния относятся к преступлениям небольшой тяжести, что свидетельствует о сопоставимых характере и степени общественной опасности причинения тяжкого вреда здоровью по неосторожности, по аналогии с разъяснением, сформулированным в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. N 21.

В тексте уголовного закона прослеживается еще один способ формулирования диспозиций, в которых последствия в виде вреда здоровью не конкретизированы. Речь идет о конструкции «с применением насилия, опасного для жизни и здоровья» (п. «в» ч. 2 ст. 126; п. «в» ч. 2 ст. 127; ч. 1 ст. 162; ч. 4 ст. 166; п. «б» ч. 4 ст. 172.4; п. «в» ч. 2 ст. 206; п. «в» ч. 2 ст. 211; п. «б» ч. 3 ст. 221; п. «б» ч. 4 ст. 226; ч. 4 ст. 296; ч. 4 ст. 309; ч. 3 ст. 313; ч. 2 ст. 318 УК РФ).

Следует отметить, что данный признак не всегда охватывает причинение тяжкого вреда здоровью, и на это указывает п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Вместе с тем большинство составов, в которых совершение преступления с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, включает причинение тяжкого вреда здоровью, не требует дополнительной квалификации по соответствующим статьям главы 16 уголовного закона, предусматривающим наступление анализируемых последствий.

Данная точка зрения не вызывает больших дискуссий в научной среде, по крайней мере по большинству составов. Например, Ю.Е. Пудовочкин пишет: «Похищение человека с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (п. “в” ч. 2 ст. 126 УК РФ) предполагает, что в процессе совершения преступления (при захвате, перемещении или при удержании) к похищаемому лицу или иным лицам (в целях облегчения похищения) применялось такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого, средней тяжести либо легкого вреда здоровью. В этом случае дополнительной квалификации по статьям

* О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. N 14: ред. от 16 мая 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

об ответственности за преступления против здоровья не требуется» [3, с. 445].

В теории уголовного права подобным образом интерпретируются и другие составы. «Под применением насилия, опасного для жизни или здоровья, в п. “в” ч. 2 ст. 206 УК РФ понимается причинение тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью в ходе захвата заложника, а также создание реальной угрозы причинения вреда жизни или здоровью потерпевшего. При этом дополнительной квалификации по ст. 111, 112, 115, 117 УК РФ не требует» [4, с. 76]. Схожие формулировки используются при толковании ч. 2 ст. 211 УК РФ [5, с. 678].

Практика применения судами Российской Федерации отдельных положений уголовного закона, содержащих понятие «применение насилия, опасного для жизни или здоровья», также свидетельствует о том, что соответствующий признак охватывает причинение тяжкого вреда здоровью. В частности, «действия лица, оказавшего во время побега сопротивление представителям власти, сопряженное с применением насилия, обоснованно квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 313 и 318 УК РФ»*.

Вместе с тем анализ судебной практики показал, что толкование признака «применение насилия, опасного для жизни или здоровья» неоднозначно представлено в разъяснениях, данных высшей судебной инстанцией. В качестве примера можно привести ч. 4 ст. 166 УК РФ, в соответствии с которой применение насилия, опасного для жизни или здоровья, сопровождает неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения. В пункте 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. N 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» указывается: «под насилием, опасным для жизни или здоровья,

либо угрозой применения такого насилия при угоне (часть 4 статьи 166 УК РФ) следует понимать умышленные действия, повлекшие причинение **тяжкого** (выделено нами. — М.Т.) или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности и угрозу совершения перечисленных действий»**.

Однако в составе хищения либо вымогательства наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 229 УК РФ), применение насилия, опасного для жизни или здоровья (п. «в» ч. 3), расценивается иначе. Пункт 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. N 14 определяет, что «в тех случаях, когда указанные действия совершены с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных пунктом “в” ч. 3 ст. 229 УК РФ и ст. 111 УК РФ». Заметим, что предложенный вариант квалификации не учитывает, что санкция ч. 3 ст. 229 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет, а ч. 1 ст. 111 УК РФ — до 8 лет лишения свободы.

Следует выделить и третий вариант разъяснений, который, на наш взгляд, не вносит определенности в рассматриваемую проблему. Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. N 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. N 14) уста-

* Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2014) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24 декабря 2014 г.) // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2015. N 3.

** О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 дек. 2008 г. N 25: ред. от 24 мая 2016 г. // Там же. 2009. N 2; 2016. N 7.

навливает, что под насилием, опасным для жизни или здоровья (ч. 2 ст. 318 УК РФ), понимается такое насилие, которое повлекло причинение **тяжкого** или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а равно причинение легкого вреда его здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности*.

Однако согласно п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. N 14 «применение насилия, в результате которого представителю власти или его близкому умышленно причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, охватывается составом преступления, предусмотренного частью 2 статьи 318 УК РФ, и дополнительной квалификации по статьям 115 или 112 УК РФ не требует». В то же время ст. 111 УК РФ в разъяснении не упоминается. В связи с этим порядок согласования между собой пп. 14 и 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. N 14 не совсем понятен.

Не вносит ясности и толкование схожего состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества». В абзаце 2 п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. N 14 данному вопросу вообще не уделено внимания: «применение насилия, не опасного или опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия, совершенные в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близких, при наличии соответствующих оснований следует квалифицировать по части 2 или 3 статьи 321 УК РФ».

Подобная многовариантность при толковании положений закона высшей судебной инстанцией приводит к отсутствию единого мнения среди ученых. Например, В.В. Власенко, рассматривающий состав мародерства (ст. 356.1 УК РФ), формулирует вывод о том, что «если в ходе совершения рассматриваемого вида мародерства умышленно был причинен тяжкий

вред здоровью, то в действиях виновного будет присутствовать совокупность преступлений, предусмотренных п. “в” ч. 3 ст. 356.1 УК РФ и соответствующей частью ст. 111 УК РФ» [6, с. 38].

Данная позиция представляется спорной с учетом рассмотренной выше теории квалификации преступления (разграничение части и целого). Сравнивая таким образом общественную опасность указанных деяний, видим, что санкция ч. 1 ст. 111 УК РФ (до 8 лет лишения свободы) является менее строгой по сравнению с санкцией п. «в» ч. 3 ст. 356.1 УК РФ (от 3 до 12 лет лишения свободы). Считаем, что законодатель уже дифференцировал ответственность за мародерство и с учетом повышенной степени общественной опасности установил повышенную ответственность за совершение данного преступления с применением насилия, опасного для жизни или здоровья. На наш взгляд, дополнительная квалификация по ст. 111 УК РФ будет свидетельствовать о нарушении принципа справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ).

Вместе с тем данное правило необходимо применять в тех случаях, когда иной вариант квалификации не содержится в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что является исключением из общего правила.

Последним аргументом, подтверждающим необходимость анализа характера и степени общественной опасности деяний при конкуренции части и целого, выступает правило, которое было впервые сформулировано Верховным Судом Российской Федерации в 2023 году. В пункте 35 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. N 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» отмечается следующее: «по смыслу закона в пункте “в” части 2 статей 333 или 334 УК РФ причинение тяжкого вреда здоровью охватывает тяжкий вред здоровью по неосторожности и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью без квалифицирующих признаков. При наличии в этих случаях признаков, перечисленных в частях 2, 3 и 4 статьи 111 УК РФ, содеянное необходимо

* Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2023. N 8.

квалифицировать по совокупности указанных преступлений»*.

Представляется, что сформулированное правило квалификации по совокупности преступлений поставит точку в существующих научных дискуссиях, поскольку в нем непосредственно проявляется принцип справедливости.

Подводя итоги анализа судебного толкования составов преступлений, в которых причинение тяжкого вреда здоровью человека не конкретизировано, необходимо сделать следующие выводы:

1. При умышленном причинении тяжкого вреда здоровью в процессе совершения преступлений, предусмотренных ст. 246; ч. 2 ст. 247; ч. 1 ст. 248; ч. 2 ст. 250; ч. 2 ст. 251; чч. 1 и 2 ст. 254 УК РФ, содеянное требует дополнительной квалификации по соответствующей части ст. 111 УК РФ, поскольку в данном случае преступление (часть), с помощью которого совершалось другое преступление (целое), оказалось более тяжким деянием по сравнению с целым. Если при совершении указанных преступлений был причинен тяжкий вред здоровью по неосторожности, то содеянное охватывается диспозициями ст. 246; ч. 2 ст. 247; ч. 1 ст. 248; ч. 2 ст. 250;

ч. 2 ст. 251; чч. 1 и 2 ст. 254 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 118 УК РФ не требует.

2. Абзац 3 п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» целесообразно изложить в следующей редакции: «под причинением по неосторожности вреда здоровью человека следует понимать причинение вреда здоровью **любой степени тяжести**, в частности, наступление последствий, связанных, например, с нарушением нормальной деятельности органов человека, их физиологических функций, длительным заболеванием, возникновением наркотической зависимости;».

3. В целях соблюдения принципа справедливости при решении вопроса о наличии либо отсутствии совокупности преступлений в тех составах, в которых тяжкий вред здоровью не конкретизирован, необходимо принимать во внимание характер и степень общественной опасности как состава преступления, выступающего частью, так и состава, определяемого как целое, в том числе путем анализа санкций соответствующих статей.

* Там же. N 7.

Список источников

1. Казакова В.А. Проблемы квалификации преступлений против здоровья. Москва: РУСАЙНС, 2018. 436 с.
2. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2008. 720 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. Т. 1 / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков [и др.]; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. Москва: Проспект, 2015. 792 с.
4. Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) / П.В. Агапов, А.С. Васнецова, М.Н. Косарев [и др.]; под ред. П.В. Агапова. Москва: Проспект, 2019. 120 с.
5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин [и др.]; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2015. 1184 с.
6. Власенко В.В. Уголовная ответственность за мародерство // Законность. 2023. N 9. С. 37-43.

References

1. Kazakova V.A. Problems of qualification of crimes against health. Moscow, RUSAINS Publ., 2018. 436 p. (In Russ.).
2. Criminal law. General part. Moscow, Norma Publ., 2008. 720 p. (In Russ.).
3. Brilliantov A.V., Dolzhenkova G.D., Zhevlaikov E.N. [i dr.]. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article). In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 792 p. (In Russ.).
4. Agapov P.V., Vasnetsova A.S., Kosarev M.N. [i dr.]. Crimes of a terrorist orientation: a scientific and practical commentary on the norms of the Criminal Code of the Russian Federation (article by article). Moscow, Prospekt Publ., 2019. 120 p. (In Russ.).
5. Blinnikov V.A., Brilliantov A.V., Vagin O.A. [i dr.]. Criminal law of Russia. Parts General and Special. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 1184 p. (In Russ.).
6. Vlasenko V.V. Criminal responsibility for looting. Legality, 2023, no. 9, pp. 37-43. (In Russ.).

Раздел 4. Государственная система и правоохранительная политика

Научная специальность: 5.1.2

Об актуальных вопросах стратегического планирования в Российской Федерации

Владимир Сергеевич Ронин,

кандидат юридических наук, доцент, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, vsronin@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования теоретических, организационных и правовых аспектов некоторых актуальных вопросов института стратегического планирования в Российской Федерации, в том числе в МВД России. Рассмотрены подходы к пониманию стратегического планирования; его особенности и сущность; предложены пути решения выявленных проблем, включая конкретные предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации о стратегическом планировании. Автором сформулированы выводы о том, что сущность стратегического планирования глубже его формально-юридического понимания; учитывая вызовы и угрозы, требуется развитие стратегического планирования посредством проведения научных исследований, организационного и правового обеспечения, детальной оценки состояния объектов управления, корректировки документов стратегического планирования.

Ключевые слова: стратегическое планирование, прогнозирование, документы стратегического планирования

Для цитирования: Ронин В.С. Об актуальных вопросах стратегического планирования в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 4 (66). С. 43-50.

On topical issues of strategic planning in the Russian Federation

Vladimir S. Ronin,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, Moscow, Russia, vsronin@mail.ru

Abstract. The article presents the results of studying the theoretical, organizational and legal aspects of some topical issues of the institute of strategic planning in the Russian Federation, including in the Russian Interior Ministry. Some approaches to understanding the strategic planning, its features and essence are considered. The ways of solving the revealed problems are proposed, including specific proposals for improving the legislation of the Russian Federation on strategic planning. It is concluded that the essence of strategic planning is deeper than its formal legal understanding, and due to current challenges and threats it is required to develop strategic planning through scientific researches, organizational and legal support, detailed assessment of the state of management objects and adjustment of the strategic planning documents.

Keywords: strategic planning, forecasting, strategic planning documents

For citation: Ronin V.S. On topical issues of strategic planning in the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 4 (66). P. 43-50.

Стратегическое планирование в Российской Федерации (далее – стратегическое планирование) – новый и значимый институт, определяющий функционирование и развитие Российского государства. В настоящее время происходит становле-

ние института, а значит, требуется его совершенствование.

В формально-юридическом смысле закрепление института стратегического планирования произошло в связи с принятием Федерального закона от 28 июня

2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»* (далее – Федеральный закон о стратегическом планировании). Важным этапом становления правового института стратегического планирования стало также принятие Указа Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 г. N 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» (далее – Указ об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования)**. Для системы МВД России важное значение имеет распоряжение от 16 октября 2020 г. N 1/11674, утвердившее Методические основы по организационному обеспечению в системе МВД России подготовки, корректировки и реализации документов стратегического планирования*** (далее – Методические основы, утвержденные распоряжением МВД России от 16 октября 2020 г. N 1/11674).

Следует отметить, что в науке имеются различные точки зрения относительно сущности стратегического планирования. Например, Д.А. Афиногенов и Т.А. Полякова рассматривают стратегическое планирование как центральное звено в организационно-правовом обеспечении государственной деятельности, как основу формирования и реализации государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития [1, с. 24].

А.И. Селиванов и Д.В. Трошин, по сути, определяют стратегическое планирование как основу стратегического управления. По их мнению, документы стратегического

* О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ: ред. от 17 февр. 2023 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. N 46. Ст. 7676.

*** Об утверждении Методических основ по организационному обеспечению в системе МВД России подготовки, корректировки и реализации документов стратегического планирования: распоряжение МВД России от 16 окт. 2020 г. N 1/11674. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

планирования должны служить средством нормативно-правового закрепления основных механизмов осуществления стратегического планирования, распределения полномочий и сфер ответственности органов государственной власти и местного самоуправления, должностных лиц, научного и экспертного сообщества, участвующего в разработке стратегических проектов, представителей различных социальных групп. Сущность стратегического планирования заключается в создании условий для существования Российской Федерации в соответствии с ее ценностями на основе национальной культурной традиции [2, с. 19].

В свою очередь, В.В. Иванов называет стратегическое планирование комплексом научно-организационных мероприятий, направленных на разработку согласованных по целям, задачам, срокам, ресурсам и исполнителям государственных программ и проектов, обеспечивающих в стратегической перспективе (25 и более лет) устойчивое развитие страны по заданным направлениям [3, с. 11]. Одной из важнейших (и наиболее сложных) задач стратегического планирования является обеспечение соответствия выделяемых ресурсов определенным целям и приоритетам. Главным принципом стратегического планирования является системность – рассмотрение в комплексе всех факторов, обеспечивающих развитие государства.

Раскрывая вопрос о сущности стратегического планирования, следует обратиться к теории управления как области научного знания. Исходя из буквального толкования понятий «стратегия» и «план», стратегия, по сути, является планом. Например, в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой понятие «стратегия» определяется как искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах [4, с. 772]. При таком подходе ключевым в характеристике стратегического планирования является планирование и прогнозирование.

Следует отметить, что развитие теории и практики методологии научного прогнозирования [5, с. 6] во многом строится на некоем смешении прогнозирования и планирования [6, с. 7]. Поскольку при таком смешении прогнозирование

приобретает иной смысл, то несколько нивелируется главная проблема прогнозирования — точность прогнозов.

В рамках формально-юридического подхода, основываясь на определении, закрепленном в ст. 3 Федерального закона о стратегическом планировании, можно выделить следующие элементы характеристики стратегического планирования:

- 1) уровни стратегического планирования;
- 2) направления (сферы) стратегического планирования;
- 3) участники стратегического планирования;
- 4) виды (составляющие) деятельности по стратегическому планированию.

Фактическим выражением стратегического планирования являются документы стратегического планирования.

1. Уровни стратегического планирования.

Стратегическое планирование реализуется на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации и уровне муниципальных образований, что следует из положений ч. 2 ст. 1 Федерального закона о стратегическом планировании.

2. Направления (сферы) стратегического планирования. Федеральным законом о стратегическом планировании и Указом об утверждении Основ государственной политики в качестве генеральных направлений (сфер) стратегического планирования определены национальная безопасность и социально-экономическое развитие. Они являются разнонаправленными, но при этом одновекторными. Пунктом 2 Основ государственной политики в сфере стратегического планирования закреплена «неразрывная взаимосвязь и взаимозависимость социально-экономического развития и национальной безопасности». Однако данное положение отсутствует в числе принципов стратегического планирования в Федеральном законе о стратегическом планировании.

По справедливому мнению А.С. Новоселова, Ф.В. Фалеева и Т.В. Волянской, «эффективное стратегическое управление должно быть способно создать условия, обеспечивающие сочетание интересов различных структур, цели развития которых могут быть взаимно противоречивы. Эффективное стратегическое управление

— это нахождение баланса интересов» [7, с. 1046]. При этом в науке и правоприменении стратегическое планирование часто рассматривается только в рамках одной из указанных сфер.

В развитие вопроса о взаимосвязи генеральных направлений (сфер) стратегического планирования следует также обозначить роль принятия Президентом Российской Федерации решения о проведении специальной военной операции*. Данное решение, объективно и оперативно принятое, относится к «тактике» [4, с. 788], которая, в свою очередь, является инструментом реализации стратегии и подчинена основной цели стратегии, что существенно изменило картину стратегического планирования. В этом смысле подобная «тактическая» деятельность имеет потенциал для соответствующего правового обеспечения.

3. Участники стратегического планирования. Перечень участников стратегического планирования определен ст. 9 Федерального закона о стратегическом планировании. На федеральном уровне к ним относятся: Президент Российской Федерации; Федеральное Собрание Российской Федерации; Правительство Российской Федерации; Совет Безопасности Российской Федерации; Счетная палата Российской Федерации; Центральный банк Российской Федерации; федеральные органы исполнительной власти. На уровне субъектов федерации участниками стратегического планирования являются: законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации; высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации; высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации; исполнительные органы государственной власти субъекта Российской Федерации; контрольно-счетный орган субъекта Российской Федерации. На уровне муниципальных образований — органы местного самоуправления, а также муниципальные организации в случаях, предусмотренных муниципальными нормативными правовыми актами. Помимо

* Обращение Президента Российской Федерации. 24.02.2022 // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru>

перечисленных непосредственно участников, к таковым могут относиться и другие, если это определено нормативными правовыми актами исходя из стратегического планирования в Российской Федерации в соответствии со ст. 2 Федерального закона о стратегическом планировании.

С учетом места МВД России в системе органов исполнительной власти следует заметить некоторую особенность распределения деятельности между федеральными органами исполнительной власти. Так, все федеральные органы исполнительной власти разделены на две группы, примерно соответствующие генеральным направлениям (сферам) стратегического планирования (национальной безопасности и социально-экономического развития). В отношении первой группы федеральных органов исполнительной власти руководство деятельностью осуществляет Президент Российской Федерации. Руководство деятельностью второй группы федеральных органов исполнительной власти осуществляет Правительство Российской Федерации*.

Среди участников, определенных ст. 9 Федерального закона о стратегическом планировании, Президент Российской Федерации играет ключевую роль в вопросах стратегического планирования. По вопросам национальной безопасности содействие Президенту Российской Федерации в реализации им соответствующих полномочий оказывает Совет Безопасности Российской Федерации**.

4. *Виды (составляющие) деятельности по стратегическому планированию.* Стратегическое планирование как процесс управленческой деятельности реализуется посредством ряда ее составляющих – этапов процесса стратегического планирования, результатом которых являются соответствующие документы стратегического планирования.

Следует отметить, что Федеральный закон о стратегическом планировании и

Основы государственной политики в сфере стратегического планирования определяют разную последовательность элементов деятельности, из которой складывается стратегическое планирование. Например, в ст.ст. 1, 3, 11 и других Федерального закона о стратегическом планировании устанавливается такая последовательность: целеполагание, прогнозирование, планирование и программирование.

В свою очередь, в пп. 31, 35, 46 и других Основ государственной политики в сфере стратегического планирования определены прогнозирование, целеполагание, планирование и программирование. Подобное расхождение может способствовать возникновению проблем, в частности, в процессе правоприменения. Полагаем, что в качестве базовых должны послужить положения Основ государственной политики в сфере стратегического планирования, которые по отношению к Федеральному закону о стратегическом планировании носят уточняющий характер. Следовательно, в положения Федерального закона о стратегическом планировании необходимо внести изменения: составляющие стратегического планирования, документы стратегического планирования и т.д. должны быть изложены в последовательности, исходя из этапов цикла стратегического планирования: прогнозирование, целеполагание, планирование и программирование.

Основами государственной политики в сфере стратегического планирования (подп. «г» п. 35) отдельное место в процессе стратегического планирования отведено реализации документов стратегического планирования, мониторингу и контролю степени достижения предусмотренных в них целей, выработке мер по достижению целевых значений показателей, ресурсному обеспечению и корректировке документов стратегического планирования, разработанных сроком на шесть лет. В Федеральном законе о стратегическом планировании (ст. 3 гл. 1, гл. 12, гл. 13) также содержатся положения о реализации документов стратегического планирования, мониторинге и контроле такового. В наименовании распоряжения МВД России от 16 октября 2020 г. N 1/11674 отражен аспект такой деятельности: организационное обе-

* См.: Части 1 и 3 ст. 110 Конституции Российской Федерации.

** Часть 1 ст. 13 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ «О безопасности Российской Федерации». (См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 1. Ст. 2).

спечение не только подготовки, но также корректировки и реализации в системе МВД России документов стратегического планирования.

Согласно теории управления основа управления (управленческого процесса) — определение состояния объекта управления. Каждая из составляющих стратегического планирования как часть управленческой деятельности должна базироваться на данных о состоянии объекта управления, а также в целом состояния среды, в которой он находится. В дефинициях, содержащихся в ст. 3 Федерального закона о стратегическом планировании, о деятельности по определению состояния объекта управления не говорится, она не относится к целеполаганию, прогнозированию, планированию, программированию или иным видам деятельности. Основы государственной политики в сфере стратегического планирования и Методические основы, утвержденные распоряжением МВД России от 16 октября 2020 г. N 1/11674, также не вносят ясности в данный вопрос. В то же время, исходя из п. 35 Основ государственной политики в сфере стратегического планирования, первым этапом цикла стратегического планирования является прогнозирование.

Если руководствоваться определением прогнозирования (ст. 3 Федерального закона о стратегическом планировании), то ключевым признаком является научная обоснованность, которую можно трактовать как соответствующую деятельность, включающую определение текущего состояния объекта управления. В Основах государственной политики в сфере стратегического планирования (например, в подп. «г» п. 45) отмечается «оценка, прогнозирование, моделирование ситуации в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности», что также может служить косвенным аргументом в пользу отнесения к прогнозированию исходного вида деятельности по установлению состояния объекта управления. В документах прогно-

зирования* содержатся сведения о состоянии объекта управления.

Таким образом, согласно буквальному толкованию деятельность по определению состояния объекта управления остается за рамками процесса стратегического планирования. Иначе такая деятельность относится к прогнозированию. Представляется, что по данному вопросу следует внести уточнения в текст Федерального закона о стратегическом планировании, например, дополнив ст. 3 понятием научной обоснованности в рамках прогнозирования, включающей соответствующий вид деятельности по определению состояния объекта управления. Аналогичные изменения необходимо внести в п. 2 Методических основ, утвержденных распоряжением МВД России от 16 октября 2020 г. N 1/11674.

Одной из актуальных проблем института стратегического планирования является множественность документов, которая вызывает у правоприменителей сложности восприятия содержащейся в них информации. Обеспечению работы с документами стратегического планирования, в том числе разрешению указанной проблемы, призвана способствовать специализированная информационная система «Управление»** (далее — ГАС «Управление»). Полагаем, что без совершенствования ГАС «Управление» невозможно ни эффективное функционирование института стратегического планирования, ни дальнейшее его развитие. Для совершенствования ГАС «Управление» необходимо применение научной методологии, включая инновационные технологии обработки больших данных, машинного обучения и других [8], что требует проведения отдельных исследований.

* См., например: Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года // Минэкономразвития России: официальный сайт. URL: <https://www.economy.gov.ru>

** О федеральной информационной системе стратегического планирования и внесении изменений в Положение о государственной автоматизированной информационной системе «Управление»: постановление Правительства Российской Федерации от 27 нояб. 2015 г. N 1278 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

Одна из актуальных проблем института стратегического планирования в науке и правоприменении связана с ситуацией, когда некоторые акты Президента Российской Федерации де-юре не относятся к документам стратегического планирования, а де-факто таковыми являются. Например, А.Г. Добкин относит к документам стратегического планирования 11 указов Президента Российской Федерации, подписанных 7 мая 2012 г. [9, с. 57]. В число таких документов следует включить и Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»*.

В продолжение этой темы следует также отметить неоднозначность мнений по вопросу относимости различных актов к документам стратегического планирования. В частности, разные суждения вызывают документы, прямо не указанные в Федеральном законе о стратегическом планировании, но близкие к документам стратегического планирования, исходя из смысла данного закона, Основ государственной политики в сфере стратегического планирования и Методических основ, утвержденных распоряжением МВД России от 16 октября 2020 г. N 1/11674.

Как представляется, такие документы целесообразно выделить в отдельную группу (например, квазидокументы стратегического планирования) и учитывать в рамках общей системы документов института стратегического планирования в Российской Федерации. В частности, по отраслевому признаку (по сфере миграции) к таковым можно относить Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом**, а также в рамках реализации Стратегии государственной национальной политики – программы по

адаптации, аккультурации, интеграции переселенцев***.

Относительно вопроса о системе документов стратегического планирования в науке существует множество точек зрения. Например, В.А. Федорищев, В.В. Воронин и Д.Г. Гайнулин в характеристике системы документов стратегического планирования описывают подход, исходя из сложившейся практики Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти. В частности, авторы выделяют федеральный, отраслевой, региональный и муниципальный уровни; устанавливают взаимосвязь по вертикали и горизонтали в соответствии с их целевым назначением и типологией документов стратегического планирования; рассматривают «матричную структуру системы документов стратегического планирования»; классифицируют документы по макроэкономическому, административному, технологическому признакам; выделяют базовые документы стратегического планирования целевого назначения (стратегический прогноз Российской Федерации; стратегия социально-экономического развития Российской Федерации; стратегия пространственного развития Российской Федерации; стратегия обеспечения национальной безопасности Российской Федерации) и документы реализации государственной политики; относительно отраслевых документов отмечают, что они разрабатываются для определения целей и задач по отдельным направлениям государственной, экономической и общественной деятельности, для формирования системы мер и механизмов по достижению планируемого результата государственной политики, а также инструментов контроля ее реализации [10, с. 40].

Д.А. Афиногенов и Т.А. Полякова под системой документов стратегического планирования понимают совокупность кон-

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

** О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. N 637. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 19 дек. 2012 г. N 1666; Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»: постановление Правительства Российской Федерации от 29 дек. 2016 г. N 1532 // Там же.

цептуальных, программно-плановых, прогнозных и иных планирующих документов, разрабатываемых органами государственной власти на основе единой методологии в интересах решения долгосрочных стратегических задач развития с учетом национальной безопасности при минимальном расходовании государственных ресурсов [1, с. 24]. Проанализировав организацию стратегического планирования в органах исполнительной власти, авторы приходят к выводу о том, что оно (на момент исследования) сводится преимущественно к формированию государственных программ, федеральных целевых программ и проектов на межгосударственном, президентском, правительственном, межведомственном, межрегиональном и других уровнях и, как правило, все они различаются степенью детализации стратегии достижения запланированных (желаемых) результатов и степенью конкретизации при описании результатов. Интересна также авторская интерпретация типологии документов стратегического планирования (сущность концепции, стратегии, основ государственной политики, доктрины).

Н.Г. Жаворонкова и Ю.Г. Шпаковский делят документы стратегического планирования на документы верхнего уровня и документы, из них вытекающие (подчиненные), а также на долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные [11, с. 174].

В контексте вопроса о системе документов стратегического планирования следует обратиться к постулатам системного подхода. Так, согласно одной из интерпретаций системного подхода [12] система состоит из отдельных элементов, в совокупности образующих механизм, обладающий системным свойством (функцией, назначением). Исходя из организационно-правовых основ стратегического планирования в качестве элементов системы документов стратегического планирования следует выделять собственно документы стратегического планирования. В качестве системного свойства такой системы — обеспечение организации, безопасного функционирования и развития государства. В свою очередь, системное свойство (функцию) можно разделить на две части: 1) устойчивое социально-экономическое

развитие; 2) национальная безопасность. Документы стратегического планирования разрабатываются последовательно, циклично (политический цикл — 6 лет), с учетом своего назначения (прогнозирование, целеполагание, планирование, программирование), имеют иерархию (федеральный уровень, уровень субъектов Российской Федерации, уровень муниципальных образований) и делятся на общие и специализированные (отраслевые).

Из вышеизложенного следует ряд выводов:

1. Стратегическое планирование, по сути, представляет собой основу управленческой деятельности стратегического характера, ключевыми составляющими которой являются прогнозирование и планирование.

2. Особенности стратегического планирования проявляются посредством анализа элементов его характеристики. В частности, такие особенности проявляются по уровням, направлениям (сферам), участникам, а также процессу стратегического планирования и в конечном итоге находят выражение в документах стратегического планирования.

3. Перечисленные особенности обуславливают комплекс выявленных актуальных проблем и предложенных путей их решения, среди которых прежде всего выделяются пробелы и коллизии правового регулирования стратегического планирования, что требует внесения изменений и дополнений в законодательство о стратегическом планировании, совершенствования ГАС «Управление» посредством передовых информационных технологий и др.

4. Системный подход в проекции на документы стратегического планирования позволяет выделить: в качестве элементов системы — документы стратегического планирования; в качестве системного свойства (назначения) — обеспечение организации, безопасного функционирования и развития государства; в качестве структурно-функциональных основ — последовательность и цикличность, назначение и типологию документов стратегического планирования, их иерархию и деление на общие и специализированные.

Список источников

1. Афиногенов Д.А., Полякова Т.А. Система документов стратегического планирования: проблемы и перспективы // Вестник Академии права и управления. 2017. N 3. С. 22-32.
2. Селиванов А.И., Трошин Д.В. О методологических основаниях реализации Закона от 28.06.2014 N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Экономика. Налоги. Право. 2015. N 3. С. 18-23.
3. Иванов В.В. Методологические аспекты стратегического планирования в контексте глобальных трансформаций // Экономическое возрождение России. 2020. N 1. С. 6-14.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеолог. выражений. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 1999. 944 с.
5. Рабочая книга по прогнозированию / отв. ред. И.В. Бестужев-Лада. Москва: Мысль, 1982. 430 с.
6. Прогнозирование рисков и негативных (неблагоприятных) последствий при распространении порядка въезда иностранных граждан на основании электронной визы на всю территорию Российской Федерации: аналитический обзор / под ред. В.С. Дурнева. Москва: Московский ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2020. 42 с.
7. Новоселов А.С., Фалеев Ф.В., Волянская Т.В. Научные основы стратегического планирования и управления региональным развитием // Россия: тенденции и перспективы развития: материалы XX Национальной науч. конф. с междунар. участием. Москва, 2021. Вып. 16. Ч. 1. С. 1043-1047.
8. Большая российская энциклопедия, 2022-2023: портал. URL: <https://bigenc.ru/c/informatsionnaia-sistema-3fcfbc> (дата обращения: 15 сент. 2023 г.).
9. Добкин А.Г. О системе документов, принимаемых в рамках целеполагания при осуществлении стратегического планирования // Домашнее насилие: предупреждение и ответственность: сб. ст. по итогам II Междунар. науч.-практ. конф., 24-25 апреля 2020 г., г. Томск. Томск, 2022. С. 52-59.
10. Федорищев В.А., Воронин В.В., Гайнулин Д.Г. Структура системы документов стратегического планирования Российской Федерации // Научные труды Вольного экономического общества России. 2016. N 1. С. 37-53.
11. Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. Экологическая безопасность в системе стратегического планирования Российской Федерации // Lex Russica. 2016. N 6. С. 170-183.
12. Большая российская энциклопедия, 2004-2017: портал. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/3666383> (дата обращения: 15 сент. 2023 г.).

References

1. Afinogenov D.A., Polyakova T.A. System of strategic planning documents: problems and prospects. Bulletin of the Academy of Law and Management, 2017, no. 3, pp. 22-32. (In Russ.).
2. Selivanov A.I., Troshin D.V. On the methodological basis for the implementation of the Law of June 28, 2014 No. 172-FZ "On strategic planning in the Russian Federation". Economy. Taxes. Right, 2015, no. 3, pp. 18-23. (In Russ.).
3. Ivanov V.V. Methodological aspects of strategic planning in the context of global transformations. Economic revival of Russia, 2020, no. 1, pp. 6-14. (In Russ.).
4. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseologist. expressions. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p. (In Russ.).
5. Workbook on forecasting. Moscow, Mysl' Publ., 1982. 430 p. (In Russ.).
6. Forecasting risks and negative (adverse) consequences when extending the entry procedure for foreign citizens on the basis of an electronic visa to the entire territory of the Russian Federation: an analytical review based on the results of research work. Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, 2020. 42 p. (In Russ.).
7. Novoselov A.S., Faleev F.V., Volyanskaya T.V. Scientific foundations of strategic planning and management of regional development. Russia: trends and development prospects. Moscow, 2021. Issue 16. Part 1. Pp. 1043-1047. (In Russ.).
8. Great Russian Encyclopedia, 2022-2023: portal. Available at: <https://bigenc.ru/c/informatsionnaia-sistema-3fcfbc> (Accessed September 15, 2023). (In Russ.).
9. Dobkin A.G. On the system of documents adopted within the framework of goal setting in the implementation of strategic planning. Domestic violence: prevention and responsibility. Tomsk, 2022. Pp. 52-59. (In Russ.).
10. Fedorishchev V.A., Voronin V.V., Gaynulin D.G. Structure of the system of strategic planning documents of the Russian Federation. Scientific works of the Free Economic Society of Russia, 2016, no. 1, pp. 37-53. (In Russ.).
11. Zhavoronkova N.G., Shpakovsky Yu.G. Environmental safety in the strategic planning system of the Russian Federation. Lex Russica, 2016, no. 6, pp. 170-183. (In Russ.).
12. Great Russian Encyclopedia, 2004-2017: portal. Available at: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/3666383> (Accessed September 15, 2023). (In Russ.).

Раздел 5. Уголовно-процессуальное обозрение

Научная специальность: 5.1.4

О качестве российского уголовного судопроизводства с позиции системы менеджмента качества

Светлана Ивановна Вершинина,

доктор юридических наук, доцент, Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия, svetlana-vershinina@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3501-3632>

Валентина Александровна Лазарева,

доктор юридических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия, v.a.lazareva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению уголовного судопроизводства с позиции международной системы менеджмента качества, используемой в теории управления в целях повышения эффективности любого организационного процесса. Констатируется несовершенство уголовно-процессуального законодательства, постоянное реформирование которого делает его все более противоречивым и бессистемным. Выход из этого положения авторы статьи видят в поиске новых, нестандартных подходов, соответствующих современным достижениям социальных наук. Изменение фокуса исследования с правового на управленческий позволило выявить причины существующих в уголовно-процессуальной деятельности проблем, которые обусловлены прежде всего дефектами действующего законодательства, и на основе апробированного международным сообществом процессного подхода предложить направления повышения качества данной деятельности. В результате проведенного исследования обосновывается тезис о возможности использования как методологической основы реформирования российского уголовного судопроизводства требований (критериев) международной системы менеджмента качества, позволяющих выделить не менее двух обособленных процессов – предварительное расследование и судебное производство, каждый из которых должен получить в законе самостоятельное и однозначное правовое оформление в части закрепления целей, задач и принципов деятельности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, система менеджмента качества, эффективность правового регулирования, цели уголовного судопроизводства, результат уголовного процесса, досудебное производство, судебное производство

Благодарности: авторы выражают благодарность доктору экономических наук, профессору, директору Института финансов, экономики и управления Тольяттинского государственного университета Максиму Олеговичу Искоскову за консультационную помощь по вопросам системы менеджмента качества при проведении исследования.

Для цитирования: Вершинина С.И., Лазарева В.А. О качестве российского уголовного судопроизводства с позиции системы менеджмента качества // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 4 (66). С. 51-65.

On the quality of Russian criminal proceedings from the perspective of the quality management system

Svetlana I. Vershinina,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Togliatti State University, Togliatti, Russia, svetlana-vershinina@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3501-3632>

Valentina A. Lazareva,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, Samara, Russia, v.a.lazareva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Abstract. The article considers the criminal proceedings from the perspective of the international quality management system, used in management theory in order to increase the efficiency of any organizational process. The imperfection of criminal procedural legislation is stated, in particular, its constant reforming makes it increasingly contradictory and unsystematic. According to the authors, the solution of this problem lies in searching new, non-standard approaches corresponding to the modern achievements of social sciences. The change in the research focus from legal to managerial allows the authors to identify the causes of existing problems in criminal procedural activities, stemming primarily from the deficiencies in the existing legislation, as well as to suggest the ways of improving the quality of criminal procedural activities, basing on the procedural approach approved by the international community. The conducted research substantiates the thesis of the possibility of using the requirements (criteria) of the international quality management system as a methodological basis for reforming the Russian criminal proceedings. The use of these criteria allows to distinguish at least two separate processes – preliminary investigation and judicial proceedings, each of them should receive an independent and unambiguous legal formalization in terms of fixing the goals, tasks and principles of this activities.

Keywords: criminal proceedings, quality management system, effectiveness of legal regulation, goals of criminal proceedings, result of criminal procedure, pre-trial proceedings, judicial proceedings

Acknowledgments: the authors express their gratitude to Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the Institute of Finance, Economics and Management of Togliatti State University Maxim Olegovich Iskoskov for his advisory assistance on the quality management system during the research.

For citation: Verzhinina S.I., Lazareva V.A. On the quality of Russian criminal proceedings from the perspective of the quality management system // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. N 4 (66). P. 51-65.

Введение

Эффективность любой правоприменительной деятельности обусловлена в той или иной степени различными объективными и субъективными факторами, но главенствующее значение всегда имеет качество правовых норм, регулирующих соответствующие общественные отношения. Тот факт, что уголовно-процессуальный закон как основной источник уголовно-процессуального права периодически подвергается редактированию и изменениям, не может быть связан с какими-либо негативными оценками. С точки зрения теории управления это обычная практика, нацеленная на совершенствование действующих порядков, процедур, процессов. Однако вызывает озабоченность количество вносимых в УПК РФ изменений, которое явно выходит за пределы разумного, при этом вносимые новеллы часто не имеют серьезного научного обоснования. Как от-

мечается в публикациях ученых, уголовно-процессуальное законодательство в целом нуждается в совершенствовании, но особое беспокойство вызывает качество правового регулирования досудебного производства [1, с. 27]. Найти причину сложившейся ситуации, определить направления совершенствования процессуальной деятельности и повышения ее эффективности – невыполнимая задача до тех пор, пока не будет ясного осознания целей, сущности, содержания и структуры процессуальной деятельности.

К сожалению, данные вопросы не были разрешены в законодательстве. И в уголовно-процессуальной науке уже в течение длительного времени они также не получают общепризнанного понимания [2, с. 101; 3, с. 115; 4, с. 26; 5, с. 109; 6, с. 15; 7, с. 142], что свидетельствует о необходимости поиска новых подходов и методов решения.

Одним из таких подходов, на наш взгляд, является изменение фокуса исследования, выход за пределы правовой плоскости и рассмотрение проблем уголовного судопроизводства с позиции субъекта, управляющего данным процессом. Изменение парадигмы исследования с правовой на управленческую позволяет использовать достижения теории менеджмента, а именно концепцию управления качеством, в рамках которой разработаны стандарты системы менеджмента качества, нацеленные на повышение качества организационных процессов. Учитывая, что принципы системы менеджмента качества (системный подход, процессный подход, ориентация на потребителя и другие) применимы к любой деятельности, в том числе юридической, представляется логичным и оправданным использование данного стандарта при оценке качества уголовного процесса как самостоятельного вида государственно-правовой деятельности. Дополнительно следует отметить, что уголовный процесс представляет собой упорядоченную, многократно повторяющуюся деятельность специальных субъектов, преобразующую информацию о совершенном или готовящемся преступлении в определенный социально значимый результат – признание лица виновным либо невиновным.

Основная часть

В теории менеджмента и в экономической науке с середины XX века активное развитие получила концепция всеобщего управления качеством, направленная на разработку стратегии повышения качества всех организационных процессов. Первоначально концепция была предложена американскими учеными Ф. Тейлором, А. Шукертом и У. Э. Демингом и заключалась в том, что любая деятельность может рассматриваться как технологический процесс и, значит, может быть улучшена посредством использования циклической модели управления, включающей в себя четыре последовательных стадии – планирование, реализацию, проверку и коррекцию [8, с. 292]. В 80-е годы XX века на основе данной концепции была сформирована система международных стандартов качества (ISO 9000), введение которой позволило мировому сообществу значительно улучшить результаты произ-

водственных и технологических процессов [9, с. 26; 10, с. 54]. На ее основе в начале XXI века созданы новые поколения международных стандартов ISO 9001:2015.

Ядро системы менеджмента качества составляют семь принципов, один из которых обозначен как процессный подход. Разработанный теорией менеджмента процессный подход исходит из того, что любая осознанная деятельность представляет собой процесс, а эффективность любых процессов зависит от их управляемости [11, с. 127], при этом сам процессный подход к управлению рассматривается и как инструмент повышения эффективности и управляемости деятельности [12, с. 62], и как способ (метод) делегирования полномочий, позволяющий каждому участнику нести персональную ответственность в рамках своих компетенций [13, с. 41].

Суть процессного подхода заключается в том, что осуществляемые виды деятельности разных участников, обеспечивающие достижение общей цели, должны функционировать как согласованная управляемая система, выстроенная с учетом определенных правил и закономерностей, то есть как процесс. Каждый процесс имеет выраженные границы – точки начала и окончания, так называемые входы в процесс и выходы из процесса в виде конкретных действий, объектов или информации. Чтобы достичь качества процесса, необходимо определить все осуществляемые в нем виды деятельности, отделив основные от производных или связанных с ними; установить последовательность и взаимодействие осуществляемых действий [14, с. 86]. При этом особое внимание в процессном подходе уделяется ресурсам, необходимым для осуществления самого процесса, а также распределению полномочий между участниками процесса*.

Теория управления ориентирована преимущественно на изучение технологических и бизнес-процессов, однако многие ее положения вполне применимы к социальным процессам, в том числе юридическим. Данное утверждение

* Пункт 4.4 ГОСТ Р ИСО 9001-2015 «Системы менеджмента качества. Требования». (См.: Справ.-правовая система «КонсультантПлюс»).

основано на п. 4.4 ГОСТ Р 57189-2016/ISO/TS 9002:2016*, закрепляющем понятие процесса как совокупности повторяющихся, взаимосвязанных и взаимодействующих видов деятельности, преобразующих входы в намеченные результаты (выходы) и имеющих встроенные средства управления и контро-

ля за результатами деятельности. Помимо категорий «вход — выход», «ресурсы» и «участники», в структуре любого процесса выделяют такие ключевые элементы, как источник входа, получатель выхода и средства управления процессом. Схематично матрицу управления процессом можно показать следующим образом:

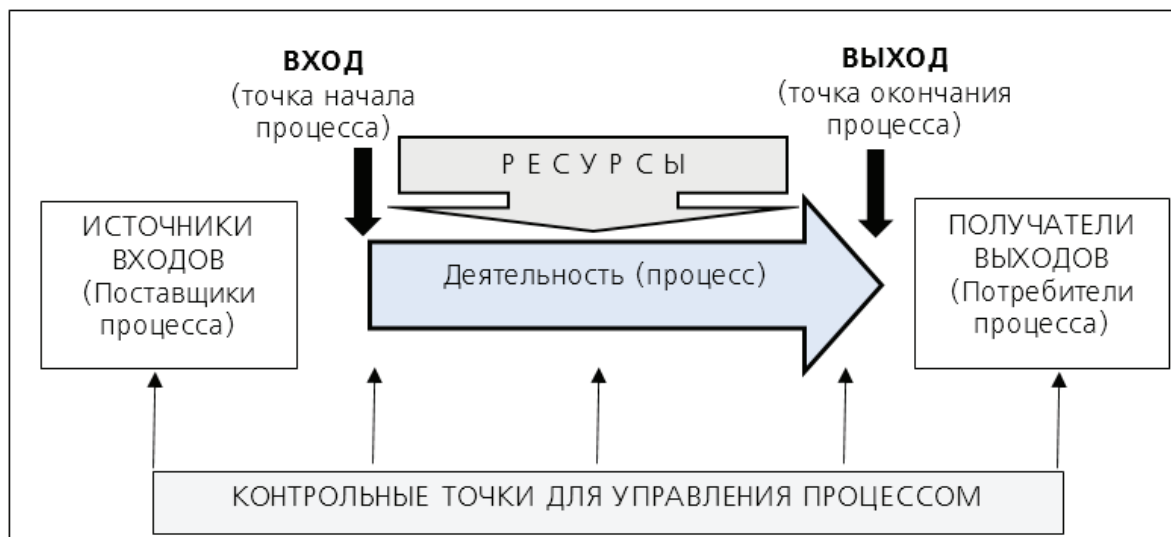

Рис. Матрица управления процессом

К началу XXI века лишь около 200 российских предприятий получили международный сертификат на соответствие требованиям ISO 9001, но уже с 2008 года на территории Российской Федерации введена добровольная сертификация, и количество организаций, соблюдающих данный стандарт, увеличивается. В настоящее время в Российской Федерации действует идентичный международному стандарту ИСО 9001:2015 «Системы менеджмента качества. Требования» ГОСТ Р ИСО 9001-2015 «Системы менеджмента качества. Требования», утвержденный приказом Росстандарта от 28 сентября 2015 г. N 1391-ст. Он позволяет проходить сертификацию организациям промышленного сектора, авиационной, космической и оборонной промышлен-

ности**, образования***, организациям других отраслей, а также органам государственной власти**** и органам местного самоуправления*****.

Для настоящей статьи наибольший интерес представляет внедрение стандарта в деятельность органов местного управления. Как обозначено в нормативных документах, целью внедрения

** Системы менеджмента качества организаций авиационной, космической и оборонной промышленности. Требования к проведению аудита: ГОСТ Р 56570-2021 // Там же.

*** Системы менеджмента качества. Руководящие указания по применению ГОСТ Р ИСО 9001-2001 в сфере образования: ГОСТ Р 52614.2-2006 // Там же.

**** Пункт 16 приказа ФАС России от 26 декабря 2022 г. N 1031/22 «Об утверждении Положения об Управлении государственной службы Федеральной антимонопольной службы». (См.: Справ.-правовая система «КонсультантПлюс»).

***** Системы менеджмента качества. Руководящие указания по применению ИСО 9001 в органах местного самоуправления: ГОСТ Р 52614.4-2016/ИСО 18091:2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

* Системы менеджмента качества. Руководство по применению ИСО 9001:2015: ГОСТ Р 57189-2016/ISO/TS 9002:2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

системы менеджмента качества на уровне муниципального управления является «повышение доверия граждан к органам власти на всех уровнях управления и к государственной системе в целом», а сама система менеджмента качества рассматривается как «один из инструментов обеспечения доверия граждан к органам власти»*.

Следует предположить, что рост доверия граждан к органам, осуществляющим уголовное судопроизводство, непосредственно связан с повышением эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Именно эти цели должны лежать в основе реформирования уголовного процесса, поскольку результаты изучения общественного мнения свидетельствуют о крайне низком уровне доверия к правосудию и оценке его эффективности**.

Анализ практики применения стандартов качества в зарубежных странах и в Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что система менеджмента качества помогает усовершенствовать деятельность любой организации, увидеть ее проблемные и «узкие места», устранить их и получить наиболее полезный и выгодный результат. При этом содержащееся в стандартах понятие «организация» не связано с организационно-правовой формой юридического лица, а используется в широком смысле — как «лицо или группа людей, связанных определенными отношениями, имеющих ответственность, полномочия и выполняющих свои функ-

ции для достижения целей»***. Соответственно, восприятие деятельности органов расследования, прокуратуры и суда как обособленного организационного процесса — уголовного судопроизводства дает основания для применения к оценке этого процесса критериев системы менеджмента качества. Справедливости ради следует отметить, что попытки применить процессный подход к оценке отдельных видов деятельности, связанных с уголовным судопроизводством, уже предпринимались в научной литературе [15, с. 108; 16, с. 41]. Однако по отношению к уголовному судопроизводству как единому, цельному объекту управления такой анализ не проводился.

В качестве базовых положений процессного подхода, позволяющих оценить результативность и эффективность любой деятельности, в том числе уголовно-процессуальной, выступают следующие правила системы менеджмента качества:

1) регламентация, или документирование, — правило, означающее, что процесс должен быть стандартизирован (регламентирован). Регламент — это документ, отвечающий на вопросы о том, какова цель процесса, о начале и завершении процесса, о результате процесса, участниках процесса, а также о месте процесса в системе более высокого уровня. Наличие регламента позволяет контролировать, изменять и совершенствовать процесс;

2) востребованность — это правило, согласно которому каждый процесс завершается результатом, вытекающим из целей процесса, при этом результаты процесса необходимы лицу или лицам, поименованным как потребители процесса;

3) локализация — правило, означающее, что процесс имеет начало (вход) и окончание (выход), которые определяют его границы. Вход в процесс зависит от активности лиц, выступающих в качестве поставщика процесса, а его выход востребован потребителями процесса;

4) персонифицированная ответственность означает, что, хотя в осуществлении процесса принимают участие различные

* Пункт 0.1 ГОСТ Р 52614.4-2016/ИСО 18091:2014 «Системы менеджмента качества. Руководящие указания по применению ИСО 9001 в органах местного самоуправления». (См.: Справ.-правовая система «КонсультантПлюс»).

** По данным Независимого исследовательского центра, уровень недоверия граждан к судебной системе с 2018 по 2020 год вырос с 50 до 70 % // АНО «Независимый исследовательский центр»: сайт. URL: <http://исследовательский-центр.рф>; неудовлетворенность уровнем правосудия подтверждают 50 % опрошенных специалистами Левада-Центра // Левада-Центр: сайт. URL: <https://www.levada.ru/2020/05/20/verhovenstvo-prava>

*** Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь: ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лица, ответственность за результат возлагается на одно лицо, являющееся организатором и руководителем этого процесса и именуемое владельцем процесса;

5) обязательность контроля предусматривает наличие показателей результативности и эффективности для каждого вида деятельности в границах процесса; показатели влияют на оценку результатов, их соответствие целям процесса и дальнейшее повышение результативности и эффективности процесса [17].

Несложно увидеть, что перечисленные правила процессного подхода логичны, разумны и легко гармонизируют с принципами уголовного процесса и общими условиями его осуществления. Как дополнительный аргумент применения системы менеджмента качества к уголовному судопроизводству выступает то обстоятельство, что сама уголовно-процессуальная деятельность воспринимается законодателем целостно, как единая система процессуальных действий и решений, то есть как единый, устойчивый и целенаправленный процесс. Это означает, что для анализа и совершенствования уголовного судопроизводства можно использовать инструментарий, разработанный в рамках процессного подхода для повышения качества управления техническими, технологическими и социальными системами.

Сформулировав и обосновав таким образом тезис о принципиальной применимости рассмотренных выше постулатов системы менеджмента качества к уголовному процессу, необходимо определиться с используемой терминологией, соотнести термины процессного подхода системы менеджмента качества с уголовно-процессуальными понятиями. При наложении нормативных положений УПК РФ, раскрывающих содержание уголовного судопроизводства, на макет управления процессом обнаруживается сущностное сходство между следующими терминами:

– вход в процесс – принятие решения о возбуждении уголовного дела;

– источник входа (поставщик процесса) – следователь (дознатель), возбуждающий уголовное дело;

– выход из процесса – решение суда по существу обвинения и применения норм УК РФ;

– получатель выхода (потребитель процесса) – лицо, заинтересованное в результате судопроизводства;

– процесс – уголовно-процессуальная деятельность различных по функциональным характеристикам участников судопроизводства;

– владелец процесса – должностное лицо, ведущее производство по делу;

– средства управления процессом – контрольные и надзорные функции отдельных участников процесса; контрольные точки для статистики, анализа и обобщения практики; изменение правового регулирования.

Далее следует перейти к проектированию базовых положений процессного подхода на уголовное судопроизводство.

1. Регламентация, или документирование процесса. Истоки уголовного судопроизводства как объекта управления заложены Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция РФ). Обеспечивая правовое регулирование уголовного судопроизводства в соответствии со ст. 71 Конституции РФ, Российская Федерация выступает в роли субъекта управления, целью которого является организация наиболее оптимальной и эффективной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, разрешению уголовно-правовых споров и применению к виновным лицам уголовного наказания. В таком аспекте уголовно-процессуальный закон – это свод правил, регламент, стандарт, планирующий и упорядочивающий данный процесс, а Федеральное Собрание Российской Федерации, следуя логике системы менеджмента качества, – высшее руководство, управляющее данным процессом посредством установления единых для всех требований к порядку судопроизводства, а также путем внесения необходимых изменений и дополнений в действующий закон при выявлении его дефектов. Это означает, что совершенствование уголовного судопроизводства как правоприменительной деятельности непосредственно связано с совершенствованием уголовно-процессуального законодательства. Чем качественнее правовая регламентация уголовного судопроизводства, чем более совершенен закон, тем эффективнее и результативнее уголов-

но-процессуальная деятельность органов предварительного расследования, прокурора и суда.

Задача законодателя в качестве высшего руководства заключается в том, чтобы УПК РФ как нормативный правовой акт, регламентирующий процедуру производства по уголовному делу, содержал однозначные ответы на вопросы о цели процесса, его начале и окончании, результатах процесса и субъектах, руководящих процессом и участвующих в получении этого результата. По верному замечанию А.П. Попова, законодатель должен обеспечить эффективное достижение той цели, для которой закон издается, чтобы результаты его применения были именно такими, какие для него планировались [18, с. 182]. К сожалению, ни один из обозначенных вопросов не имеет четкого ответа в тексте УПК РФ, на что уже обращалось внимание выше. Конечно же, такая ситуация не может не сказаться на качестве и эффективности уголовно-процессуальной деятельности.

Несмотря на выявленные проблемы в содержании уголовно-процессуального законодательства в части закрепления основных целеполагающих установок, с формальной точки зрения уголовное судопроизводство имеет свой регламент в форме федерального закона, обладающего высшей юридической силой (УПК РФ), следовательно, оно может быть оценено с точки зрения его соответствия требованиям системы менеджмента качества.

2. Востребованность процесса означает наличие соответствующего целям социально значимого результата, необходимого конкретному лицу или лицам – «потребителям процесса». Отсутствие в законе, регламентирующем процесс, четко обозначенных целей не позволяет определить эффективность и качество полученных результатов и соотнести их с плановыми ожиданиями. Как верно отмечают А.А. Давлетов и Н.В. Азаренок, цель нужна тому, кто осуществляет деятельность, кто отвечает за ее ход и результат [19, с. 124]. Но большую проблему создает отсутствие в законе указаний на потребителей процесса, то есть на заинтересованных в результатах процесса лиц. Неопределенность в этом вопросе, неочевидность этих лиц

для осуществляющих процесс субъектов не позволяет последним ориентироваться на запросы и ожидания «потребителей».

Несмотря на очевидность данных положений, в действующем УПК РФ они не нашли своего закрепления. Попытку сформулировать в законодательстве цель процесса через его назначение вряд ли можно считать удачной. «Размытость» используемых формулировок значительно усложняет понимание того, что является целью процессуальной деятельности и на достижение какого результата направлено уголовное судопроизводство. Так, акцент в п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ на потерпевших от преступлений создает иллюзию того, что целью всей процессуальной деятельности является защита потерпевших от преступлений, хотя очевидно, что лицо становится потерпевшим, когда в отношении его уже совершено преступление. Не может быть целью и возмещение потерпевшему вреда при производстве по уголовному делу, поскольку такая задача в рамках уголовного судопроизводства не имеет ни основного, ни обязательного характера. Не меньше вопросов возникает, если в качестве цели уголовного судопроизводства рассматривать «защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод». Полагаем, что положение, закрепленное в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, является одним из условий достижения цели, но не целью уголовно-процессуальной деятельности.

Поскольку существование уголовного процесса обусловлено преступностью, а разработка и принятие УПК РФ вызваны необходимостью реализации норм УК РФ, целью уголовного процесса следует считать применение уголовного закона к лицам, совершившим преступления, то есть решение вопроса о справедливом наказании лица, признанного судом виновным. Однако понимаемая таким образом цель уголовного процесса обеспечивается исключительно на его судебных стадиях, где суд является владельцем процесса. Но в законе нет ответа на вопрос о том, кто является потребителем результата судебной деятельности. Цель и потребитель досудебного производства выражены в законе более четко. Говоря словами классика, предварительное расследование прово-

дится «для того, чтобы установить само событие преступления и совершившее его лицо» (Строгович М.С., 1968). Потребителем в этом случае является прокурор, которому передаются достигнутые в ходе расследования результаты и который их использует для начала нового процесса – судебного производства.

Отличие целей, результатов, владельцев и потребителей в досудебном и судебном производстве означает, что каждое из обозначенных производств является обособленным, самостоятельным процессом. Их объединение в рамках понятия «уголовное судопроизводство», допущенное в законодательстве, является необоснованным и неверным как с позиции системы менеджмента качества, так и с точки зрения здравого смысла.

Из сказанного следует два вывода: 1) российский уголовный процесс, несмотря на декларирование его единства и целостности, состоит по меньшей мере из двух самостоятельных процессов: досудебного производства и судебного производства; 2) потребителем досудебного процесса является прокурор, принимающий результаты предварительного расследования; потребитель судебного производства законодательно не обозначен.

3. Локализация процесса означает, что процесс имеет начало (вход) и окончание (выход), которые определяют границы процесса. Все, что находится между началом и окончанием, является процессом и осуществляется под руководством владельца процесса. Но ни начало, ни окончание уголовного судопроизводства не имеют в законе четкого и однозначного обозначения.

Согласно ст. 156 УПК РФ предварительное расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, то есть официальным началом уголовного процесса является вынесение постановления о возбуждении уголовного дела. Однако в соответствии с разделом VII УПК РФ «Возбуждение уголовного дела» деятельность следователя (дознателя) начинается с момента получения из определенных законом источников сообщения о совершенном преступлении. Это стало особенно заметно после серии изменений ст. 144 УПК РФ, которыми начало уголовного про-

цесса фактически передвинуто на этап получения первичного сообщения о преступлении, поскольку для его проверки были допущены следственные и другие процессуальные действия. Сложившаяся ситуация конфликта между *de jure* и *de facto* в определении начала уголовного процесса вызывает множество ненужных проблем и дискуссий, еще больше «размывающих» границы уголовного процесса, и препятствует его четкой и понятной локализации.

Следующий элемент системы менеджмента качества, непосредственно связанный с категорией «вход», – источник входа, или поставщик процесса. Согласно логике процессного подхода поставщиком процесса не может быть лицо, выполняющее функции владельца процесса. Поставщик процесса инициирует процесс, но не может его осуществлять. Указанное правило полностью игнорируется УПК РФ. Определив началом уголовного судопроизводства момент вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, закон допустил наложение на одно лицо (следователя, дознавателя) двух статусов, различаемых в системе менеджмента качества, – поставщика процесса и владельца процесса. Если руководствоваться действующим УПК РФ, то лицо сначала инициирует процесс, принимая решение о возбуждении уголовного дела, а затем оно же в качестве владельца досудебной части производства осуществляет его. Исходя из логики управления, такая модель не может эффективно функционировать.

Для устранения выявленного дефекта достаточно в качестве начальной точки рассматривать получение сообщения о преступлении из установленных источников. Главный же вывод, следующий за утверждением о том, что уголовный процесс начинается с момента получения сообщения о преступлении, заключается в ненужности возбуждения уголовного дела как самостоятельной, отдельной стадии уголовного процесса.

Не менее проблематичен для понимания уголовного судопроизводства с позиций процессного подхода термин «выход», то есть результат процесса. Наличие нескольких должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу (то есть владельцев), означает, что каждое долж-

ностное лицо работает на свой результат и, следовательно, в рамках уголовного судопроизводства наблюдается несколько «выходов», так как деятельность владельцев осуществляется не одновременно, а последовательно, поэтапно: каждое следующее должностное лицо начинает производство только после окончания производства предыдущим должностным лицом. Здесь отчетливо проявляется еще одна закономерность процессного подхода: выход одного процесса является входом в другой процесс*. Это дополнительный аргумент против рассмотрения уголовного судопроизводства как единого и целостного процесса.

Важное значение имеет правильное понимание юридической силы результатов расследования. Для этого полезно было бы отказаться от наименования расследования как «предварительного»: оно основное и никакого другого расследования не существует. Здесь возможно говорить о предварительном характере результатов досудебного производства лишь как о невозможности официального признания человека виновным на их основании. Тем не менее важно понимать, что, завершая расследование составлением обвинительного заключения, акта, постановления, государство в лице органа расследования формирует тем самым утверждение именно о виновности обвиняемого и на этом основании ставит вопрос о его наказании.

Этот вывод окончательный с позиции тех представляющих государственную власть органов и должностных лиц, которые проводили расследование: если у органа расследования есть хоть малое сомнение в виновности обвиняемого, то предварительное расследование не может быть завершено направлением материалов в суд. Момент утверждения прокурором итогового обвинительного документа придает содержащемуся в нем утверждению о виновности обвиняемого характер государственного, а значит, официального обвинения.

Последний элемент, определяющий содержание правила локализации про-

цесса, обозначен как потребитель процесса, то есть лицо, не участвующее в процессе, но заинтересованное в получении его результата. Именно для потребителя осуществляется весь процесс, он ожидает окончания процесса, принимает результаты и оценивает их эффективность. Идентификация потребителя досудебного производства, как показано выше, не вызывает сложностей. В таком качестве выступает прокурор, принимающий результаты расследования на основании возложенных на него полномочий. По каждому завершеному расследованию прокурор оценивает качество полученных материалов и достаточность доказательственной базы для инициирования судебного процесса. Утвержденный прокурором обвинительный акт (заключение, постановление) является входом в следующий процесс, в котором прокурор выступает уже в качестве инициатора судебного производства, или, если использовать терминологию системы менеджмента качества, — поставщика судебного процесса.

Вопрос о том, для кого осуществляется судебный процесс и кто является его потребителем, требует отдельного изучения. С одной стороны, если совокупную деятельность следователя (дознателя), прокурора и суда рассматривать как реакцию на обращение пострадавшего лица (заявителя), то основным потребителем уголовного судопроизводства будет заявитель, обратившийся с сообщением о преступлении и ожидающий восстановления своих нарушенных прав. С другой стороны, не во всех преступлениях присутствует пострадавший, но все преступления являются общественно опасными, что придает им публично-правовой характер и возлагает на государство обязанность по их предупреждению и пресечению. Соответственно, вопрос об идентификации потребителя судебного производства должен решаться с позиции организации публичной власти.

Согласно Конституции РФ носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, объединенный понятием «гражданское общество». Делегируя государству полномочия по обеспечению безопасности и правопорядка, осуществлению уголовного преследования

* См.: Пункт 3.4 ГОСТ ИСО 9000-2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь.

виновных лиц и применению к ним мер уголовной ответственности, гражданское общество рассчитывает на то, что это будет осуществлено справедливо и обоснованно. Если общество поручает государству такую деятельность, то оно и должно принимать ее результаты. А это означает, что именно гражданское общество является тем потребителем, который наибольшим образом заинтересован в результатах уголовно-процессуальной деятельности. В качестве потребителя уголовного судопроизводства гражданское общество оценивает деятельность государства в этом направлении, формирует свое позитивное либо негативное отношение к ее результатам и в целом к государственной власти. Соответственно, повышение качества уголовного судопроизводства с точки зрения его результатов обеспечивается, в частности, посредством изучения, анализа и обобщения мнения российских граждан относительно справедливости, обоснованности и законности судопроизводства, выявления дефектов в правовом регулировании процессуальных отношений и осуществления на этой основе корректирующих действий по устранению недостатков как в законодательстве, так и в правоприменительной деятельности.

Как видно, правило локализации процесса полностью проигнорировано законодателем: нет четкого обозначения границ процесса, то есть его начала и окончания; неверно обозначен субъект, инициирующий уголовный процесс; нет понимания о потребителе судебного производства. Без решения этих основополагающих вопросов организовать эффективную деятельность вряд ли возможно.

4. Правило персонализированной ответственности возвращает нас к понятию «владелец процесса», поскольку эта категория системы менеджмента качества в российском уголовном процессе, если говорить обо всей системе процессуальной деятельности (от входа до выхода), особенно трудно различима. Учитывая, что в процессуальную деятельность вовлекается значительное количество участников, идентификация «владельца» — должностного лица, руководящего данным процессом и отвечающего за его результаты, приобретает все большую значимость, тем более что

в разных частях уголовно-процессуальной деятельности соответствующие полномочия закон возлагает не только на следователя (дознателя), прокурора, судью или суд, но и на вышестоящих по отношению к ним должностных лиц и суды. Именно поэтому в соответствии со ст. 133 УПК РФ ответственность за вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, независимо от вины должностного лица, в полном объеме несет государство.

Однако если государственно-властных участников рассматривать применительно к статусу владельца процесса, то из всего их многообразия выделяются те, которые непосредственно обеспечивают достижение результата процесса, а именно следователь (дознатель) в досудебном производстве и суд — в судебном. Каждый из названных субъектов руководит своей частью процесса и несет личную ответственность за законность и качество получаемого результата. При установлении нарушений должностное лицо несет дисциплинарную, а в ряде случаев — уголовную ответственность.

Возложение личной ответственности предполагает не только наличие полномочий на руководство процессом, но и самостоятельность в принятии решений. Использование в законодательстве модели организации деятельности органов расследования привело к тому, что не только дознаватель, но и следователь не являются самостоятельными при принятии значительной части процессуальных решений, таких как выбор направления расследования, производство следственных действий, избрание меры пресечения, квалификация преступления и т.д. Наделение вышестоящего должностного лица процессуальными полномочиями нивелировало границы между процессуальными и служебными отношениями субъектов расследования и привело к «размытости» зон ответственности каждого из них. Законодателю следует определиться и выбрать одну из моделей организации деятельности: либо следователь (дознатель) получает процессуальную самостоятельность и несет личную ответственность за результаты расследования, либо полномочия (и ответственность) возлагаются на руководителя органа расследования, который привлекает своих сотрудников к их выполнению.

Следующий, не менее важный вопрос касается ответственности владельца процесса — следователя (дознателя) и суда. Полагаем, что, ориентируясь на положения УПК РФ, орган расследования несет ответственность за полноту установления обстоятельств совершенного преступления, за достаточность для этого доказательств, за соблюдение установленного порядка производства предварительного расследования. Указанная ответственность лежит на следователе (дознателе) вплоть до принятия прокурором решения об утверждении обвинения. Проверив качество полученных материалов, удостоверившись в их законности и достаточности для поддержания обвинения в суде, прокурор принимает результаты расследования и утверждает обвинительный акт (заключение, постановление). На этом досудебное производство как процесс, а значит, и ответственность следователя (дознателя), завершается.

Направляя обвинение в суд, прокурор инициирует новый процесс — судебное производство. Суд как владелец судебного процесса несет ответственность за достижение целей этого производства — разрешение вопроса о виновности или невиновности подсудимого в совершении преступления при обеспечении установленной законом процедуры. Однако использование термина «ответственность суда» нуждается в определенном пояснении, так как персонифицированность ответственности применима лишь к должностным лицам и не может возлагаться на государственный орган. При единоличном составе суда такой вопрос не возникает, при коллегиальном же в качестве субъекта ответственности, полагаем, должен выступать судья, выполняющий функции председательствующего в судебном заседании.

Итак, уголовно-процессуальным законодательством предусмотрена ответственность должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Однако повышение результативности деятельности владельцев процесса требует корректировки в части обеспечения их процессуальной самостоятельности и четкого разграничения между ними зон ответственности.

5. Обязательность контроля — последний принцип и незаменимый атрибут процессного подхода, проявляющийся в постоянном, систематическом контроле со стороны внешних (по отношению к процессу) субъектов, наделенных соответствующими полномочиями. Эффективность уголовного процесса требует не только своевременной и качественной оценки всех контрольных точек, которые должны быть выделены в досудебном и судебном производстве, но и определения эффективных средств контроля и критериев оценки качества. Основная ошибка законодателя, на наш взгляд, в том, что четкие критерии оценки качества процессуальной деятельности не выработаны. При этом контроль за процессуальной деятельностью трансформировался в саму процессуальную деятельность, а решение задачи устранения недостатков и ошибок расследования перенесено на следующий, не предназначенный для этого судебный этап.

Учитывая невозможность в рамках настоящей статьи не только сформулировать, но и обозначить нуждающиеся в решении вопросы, укажем лишь направление дальнейших исследований. Полагаем целесообразным разделить процессуальный контроль на контроль деятельности и контроль результата. Контроль деятельности (текущий контроль) в уголовном процессе возлагается на руководителя следственного органа, органа дознания или подразделения дознания. Наличие у руководителей органов расследования контрольных функций за процессом ставит под сомнение участие этих должностных лиц в самом процессе, что следует учитывать при реформировании законодательства.

В определенной мере контролирующим органом является потребитель процесса — тот самый субъект, который принимает результат деятельности: если результат не соответствует ожиданиям (потребностям) потребителя процесса, то он не будет им принят. В противном случае неправильно оцененный результат не может быть использован в качестве входа в следующий процесс, что наглядно продемонстрировано на примере принятия прокурором материалов, содержащих результаты расследования, и последующего решения вопроса об их судебной перспек-

тиве. Если прокурор не обеспечил контрольную функцию и утвердил обвинительное заключение, составленное с нарушением требований закона (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ), то предусмотрен дополнительный контрольный механизм, а именно: суд откажет в назначении судебного разбирательства и вернет уголовное дело прокурору. Такую функцию суда можно рассматривать двояко: и как контроль результатов досудебного процесса, и как контроль входа в судебный процесс. Невыполнение судом этой контрольной функции ведет к невозможности постановления приговора или к его последующей отмене.

Контроль качества и эффективности судебной деятельности осуществляют лица, участвующие в судебном разбирательстве, то есть стороны, имеющие возможность инициировать продолжение судебной деятельности до вступления приговора в законную силу, а в некоторых случаях и после. Жалоба на приговор, процедура ее рассмотрения и разрешение есть формы текущего контроля качества деятельности по осуществлению правосудия. Контроль качества в целом результата судебной деятельности оценивается обществом и выражается в его отношении к атрибутам государственной власти.

В завершение следует подчеркнуть, что показатели (критерии) оценки качества досудебного и судебного процесса должны найти такое четкое воплощение в законе, которое исключало бы разность подходов, субъективизм и саму возможность не обнаружить или проигнорировать ошибки.

В свете обозначенных различий в целях и задачах, решаемых в ходе досудебного производства и на судебных стадиях уголовного процесса, на обсуждение может быть поставлен вопрос о единстве системы принципов уголовного процесса. В действующей сегодня системе принципов уголовного судопроизводства есть положения, такие как осуществление правосудия только судом, независимость судей, разумный срок уголовного судопроизводства, свобода оценки доказательств, которые касаются исключительно судебной деятельности. Их влияние на досудебное производство если и имеется, то в достаточно опосредованной форме. Как мини-

мум следует указать на неограниченность срока расследования и отсутствие возможности ходатайствовать о его ускорении, как это предусмотрено статьей 6.1 УПК РФ для уголовного дела, находящегося в суде. Вопрос о том, распространяются ли они на те формы судебной деятельности в досудебном производстве, которые принято называть судебным контролем, не имеет однозначного ответа, в том числе в связи с отсутствием в ст. 5 УПК РФ легального толкования понятия правосудия и дискуссионностью этого понятия в теории*.

Сказанного, как представляется, достаточно для тезисного обозначения наиболее важных правовых последствий, которые должны наступить в результате признания автономности досудебного и судебного производства, а именно:

– размежевание (обособление) понятий «уголовное судопроизводство» и «уголовный процесс», которые должны соотноситься как часть и целое;

– определение собственного предмета правового регулирования для досудебного производства с закреплением целей, задач и принципов расследования и уголовного преследования;

– определение собственного предмета правового регулирования для судебного производства, также с указанием целей, задач и принципов уголовного правосудия;

– решение вопроса о системе и структуре досудебного производства, в том числе уточнение поводов и основания для возбуждения уголовного преследования.

Заключение

1. Проведенный с позиции системного подхода менеджмента качества анализ российского уголовного судопроизводства показал, что понимание уголовно-процессуальной деятельности как единой совокупности действий и решений различных участников, обеспечивающих достижение общего результата, является методологической (теоретико-правовой и управленческой) ошибкой, обусловленной игнорированием принципиальных различий между ее подсистемами – досу-

* Обозначив проблему, мы не можем уделить ей достаточного внимания в рамках настоящей статьи.

дебным и судебным процессами, каждый из которых имеет собственное начало и окончание, уникальные цели и результаты деятельности, специфический состав руководителей и участников процесса, разные контрольные инструменты и критерии оценки результата. Именно эта системная ошибка, как представляется, лежит в основе многочисленных проблем уголовно-процессуального законодательства, пытающегося соединить принципиально различные процессы. Как результат — недостаточная эффективность правоприменительной деятельности и, соответственно, низкий уровень доверия населения.

2. Использование системного подхода позволит дифференцированно подойти к правовому регулированию досудебного и судебного производства; законодательно закрепить стоящие перед каждым производством цели, задачи и принципы, на которых они основаны; выработать критерии эффективности каждого процесса; определить средства, обеспечивающие достижение результата, соответствующего закрепленным в законе целям деятельности.

3. Решение этой научной задачи представляется реальным в силу при-

знаваемого всеми смешанного характера отечественного уголовного процесса, имеющего четкое деление на две части — досудебную и судебную, каждая из которых направлена на решение конкретных процессуальных задач. Обозначенная законом преемственность в деятельности должностных лиц, сменяющих друг друга, создает основу для юридического оформления не менее двух (возможно, и более) основных процессов, где выход из одного процесса — досудебного служит входом в другой самостоятельный процесс — судебный. Это означает, что судебное производство должно начинаться заново — в суд передается лишь официальное обвинение (а не тома уголовного дела, как в настоящее время), которое еще предстоит доказывать путем представления и исследования доказательств в условиях состязательности и равноправия сторон. Тем самым обеспечивается независимость суда от органов обвинительной власти и сформированных ею материалов, свобода оценки доказательств, непосредственность их исследования, равенство сторон и появляется шанс окончательно ликвидировать пресловутый обвинительный уклон.

Список источников

1. Смирнов А.В. О задаче реформирования предварительного расследования в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2018. N 1. С. 27-33.
2. Божьев В.П. К вопросу о соотношении норм Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации // Государство и право. 2002. N 9. С. 101-112.
3. Михайловская И.Б. Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // Государство и право. 2005. N 5. С. 111-118.
4. Барабанов П.К. К вопросу о назначении уголовного судопроизводства // Правоведение. 2008. N 3. С. 22-29.
5. Качалова О.В. Назначение уголовного судопроизводства сквозь призму материального права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. N 3. С. 109-112.
6. Володина Л.М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации. Москва: Юрлитинформ, 2018. 296 с.
7. Иванов В.И. Исследование назначения, целей и задач уголовного процесса системным методом // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. N 4. С. 142-151.
8. Орехов С.А., Аль-Хамдави А. А. Т. Развитие концепций менеджмента качества // Инновации и инвестиции. 2018. N 2. С. 292-295.
9. Никулина О.В., Ладыгина Е.И. Сравнительный анализ систем качества в условиях инновационного развития (на примере России, США, Японии) // Экономический анализ: теория и практика. 2013. N 37. С. 26-31.
10. Блаженкова Н.М., Аль Гарбави Х. Р. Влияние системы менеджмента качества (СМК) на развитие экономических секторов в свете международной конкуренции (Сравнительное исследование России и ЕС) // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. 2016. N 1. С. 54-58.
11. Биннер Х. Управление организациями и производством: от функционального менеджмента к процессному: пер. с нем. Москва: Альпина паблишерз: Группа Технополис, 2010. 282 с.
12. Пирожков В.А. Внедрение процессного управления: анализ практики, проблем и перспектив // Вестник Пермского университета. Сер.: Экономика. 2007. Вып. 9. С. 62-65.

13. Абуев Н.М., Курицына Н.И. Процессный подход в управлении таможенными органами // Экономические исследования и разработки. 2020. N 3. С. 41-45.
14. Визгунов А.Н. О реализации принципов процессного подхода в рамках системы управления качеством // Качество в производственных и социально-экономических системах: сб. науч. тр. 4-й Междунар. науч.-техн. конф., г. Курск, 21-22 апреля 2016 г. Курск, 2016. С. 86-88.
15. Гаврилов С.Н. Реализация процессного подхода к качеству квалифицированной юридической помощи в условиях цифровизации // Lex russica. 2022. Т. 75. N 2. С. 108-120. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.108-120
16. Чижов М.В. Применение процессного подхода для совершенствования судебной деятельности: проблемы и перспективы внедрения // Российское правосудие. 2020. N 5. С. 41-49.
17. Останкова В.А. Процессный подход к системе менеджмента качества // Справочник: образовательный портал. Дата написания статьи: 12.11.2022. URL: <https://spravochnick.ru> (дата обращения: 24 янв. 2023 г.).
18. Попов А.П. Место уголовно-процессуальных нормативных актов в обеспечении достижения цели уголовного процесса // Пробелы в российском законодательстве. 2017. N 1. С. 181-186.
19. Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Назначение, цель и задачи уголовного судопроизводства // Правоведение. 2013. N 1. С. 124-134.
20. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. Москва: Наука, 1968. 516 с.

References

1. Smirnov A.V. On the task of reforming the preliminary investigation in the criminal process. Criminal proceedings, 2018, no. 1, pp. 27-33. (In Russ.)
2. Bozh'ev V.P. On the question of the correlation of the norms of the Criminal and Criminal Procedure Codes of the Russian Federation. State and Law, 2002, no. 9, pp. 101-112. (In Russ.)
3. Mikhailovskaya I.B. The social purpose of criminal justice and the purpose of criminal proceedings. State and Law, 2005, no. 5, pp. 111-118. (In Russ.)
4. Barabanov P.K. On the issue of the appointment of criminal proceedings. Jurisprudence, 2008, no. 3, pp. 22-29. (In Russ.)
5. Kachalova O.V. Appointment of criminal proceedings through the prism of substantive law. Legal science and law enforcement practice, 2016, no. 3, pp. 109-112. (In Russ.)
6. Volodina L.M. The purpose of criminal proceedings and the problems of its implementation. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 296 p. (In Russ.)
7. Ivanov V.I. Investigation of the purpose, goals and objectives of the criminal process by a systematic method. Actual problems of Russian law, 2021, vol. 16, no. 4, pp. 142-151. (In Russ.)
8. Orekhov S.A., Al'-Hamdavi A. A. T. Development of quality management concepts. Innovation and investment, 2018, no. 2, pp. 292-295. (In Russ.)
9. Nikulina O.V., Ladygina E.I. Comparative analysis of quality systems in the conditions of innovative development (on the example of Russia, USA, Japan). Economic analysis: theory and practice, 2013, no. 37, pp. 26-31. (In Russ.)
10. Blazhenkova N.M., Al' Garbavi H. R. The influence of the quality management system (QMS) on the development of economic sectors in the light of international competition (Comparative study of Russia and the EU). Bulletin of UGUES. Science, education, economics, 2016, no. 1, pp. 54-58. (In Russ.)
11. Binner H. Management of organizations and production: from functional management to process management. Moscow, Alpina publishers: Technopolis Group Publ., 2010. 282 p. (In Russ.)
12. Pirozhkov V.A. Introduction of process management: analysis of practice, problems and prospects. Bulletin of Perm University. Series: Economics, 2007, issue 9, pp. 62-65. (In Russ.)
13. Abuev N.M., Kuritsyna N.I. Process approach in the management of customs authorities. Economic research and development, 2020, no. 3, pp. 41-45. (In Russ.)
14. Vizgunov A.N. On the implementation of the principles of the process approach within the quality management system. Quality in production and socio-economic systems. Kursk, 2016. Pp. 86-88. (In Russ.)
15. Gavrilov S.N. Implementation of the process approach to the quality of qualified legal assistance in the conditions of digitalization. Lex russica, 2022, vol. 75, no. 2, pp. 108-120. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.183.2.108-120. (In Russ.)
16. Chizhov M.V. Application of the process approach to improve judicial activity: problems and prospects of implementation. Russian justice, 2020, no. 5, pp. 41-49. (In Russ.)
17. Ostanokova V.A. Process approach to the quality management system. Handbook: Educational portal. Date of writing the article: 12.11.2022. Available at: <https://spravochnick.ru> (Accessed January 24, 2023). (In Russ.)
18. Popov A.P. The place of criminal procedural regulations in ensuring the achievement of the goal of the criminal process. Gaps in Russian legislation, 2017, no. 1, pp. 181-186. (In Russ.)
19. Davletov A.A., Azarenok N.V. Purpose, purpose and objectives of criminal proceedings. Jurisprudence, 2013, no. 1, pp. 124-134. (In Russ.)
20. Strogovich M.S. Course of Soviet criminal procedure. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1968. 516 p. (In Russ.)

Вклад авторов:

Вершинина С.И. — идея исследования, определение основных направлений исследования, анализ научной литературы и нормативных источников, сбор эмпирического материала, написание текста и научное редактирование статьи;

Лазарева В.А. — определение основных направлений исследования, анализ научной литературы и нормативных источников, сбор эмпирического материала, написание текста и научное редактирование статьи.

Contributions of authors:

Vershinina S.I. — idea of the study, determination of the main directions of research, analysis of scientific literature and normative sources, collection of empirical material, writing the text and scientific editing of the article;

Lazareva V.A. — determination of the main directions of research, analysis of scientific literature and normative sources, collection of empirical material, writing the text and scientific editing of the article.

Научная специальность: 5.1.4

О сущности уголовно-процессуального принуждения

Николай Витальевич Кривощёков,

кандидат юридических наук, доцент, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, Krivoschyokov.nikolaj@yandex.ru

Аннотация. В представленной статье на основе комплексного подхода рассматриваются понятие и признаки государственного принуждения. В качестве его разновидности анализируются сущность и специфические черты уголовно-процессуального принуждения, раскрывается его значимость для достижения целей и решения задач уголовного судопроизводства. На основе целеполагания принудительного воздействия предлагается классификация уголовно-процессуального принуждения с последующим рассмотрением проблемных аспектов регламентации и применения отдельных средств принудительного воздействия в отношении участников уголовно-процессуальной деятельности. Автором обоснован тезис о невозможности эффективной реализации уголовно-процессуального принуждения без надлежащей правовой регламентации, закрепляющей обязанности участников и санкции за их невыполнение, и механизма реализации.

Ключевые слова: принудительное воздействие, уголовно-процессуальное принуждение, мера принуждения, следственное действие, процессуальное действие

Для цитирования: Кривощёков Н.В. О сущности уголовно-процессуального принуждения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 4 (66). С. 66-76.

On the nature of criminal procedural coercion

Nikolay V. Krivoshchekov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, Krivoschyokov.nikolaj@yandex.ru

Abstract. The concept and signs of the state coercion are considered in the article through an integrated approach. The nature and specific features of the criminal procedural coercion as a kind of the state coercion are analyzed. Its importance for achieving the main goals and solving the tasks of criminal proceedings is revealed. Basing on the goal-setting of coercive influence the classification of criminal procedural coercion with the subsequent consideration of problematic aspects related to regulation and application of the particular means of coercive influence in respect of the participants of criminal procedural activity, is proposed. The thesis about the impossibility of effective implementation of criminal procedural coercion without proper legal regulation, enshrining the participants' obligations and penalties for their non-compliance, as well as the implementation mechanism, is substantiated.

Keywords: coercive influence, criminal procedural coercion, coercive measure, investigative action, procedural act

For citation: Krivoshchekov N.V. On the nature of criminal procedural coercion // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 4 (66). P. 66-76.

Исторически сложившаяся система социальной организации человечества в форме государства не может существовать без воздействия на поведение людей с целью обеспечить права и законные интересы граждан и юридических лиц, нормальное функционирование государства и его институтов. Сущность воздействия

государства на поведение человека состоит в формировании такой модели общественных отношений, в которой каждый субъект наделяется равными правами и обязанностями, что обеспечивает достижение поставленных при воздействии целей. При этом характер воздействия на участников общественных отношений опреде-

ляется методом правового регулирования (сочетанием применяемых методов): воздействие государства на людей реализуется посредством применения методов убеждения и принуждения. Принципиально значимым представляется не только соотношение данных методов, но и содержание и механизм реализации каждого метода воздействия — на основе решения указанных вопросов создается научно подтвержденная теоретическая конструкция, определяющая развитие правовых институтов и систематизацию практики их применения.

Значимость верного выбора такой модели и раскрытия ее элементов еще более возрастает в областях регулирования противоправного поведения людей, как материальных, так и процессуальных. В частности, в сфере уголовного судопроизводства, которая в силу публичности уголовного процесса находится под безусловным контролем со стороны государства, воздействие осуществляется государством в лице специально уполномоченных субъектов (государственных органов и должностных лиц), в связи с чем подлежит нормативной регламентации.

Убеждение и принуждение являются противоположными по сути и одновременно взаимосвязанными методами социального регулирования и применяются во всех отраслях правового регулирования. Это обусловлено общими закономерностями развития общества, неразрывным единством средств убеждения и принуждения, их разумным сочетанием в организации социальной жизни. Взаимосвязь и взаимозависимость убеждения и принуждения вытекают из единства цели их применения — упорядочение отношений и решение конфликтной ситуации, а также их природы, которая заключается в воздействии на лицо (группу лиц). При этом убеждение и принуждение противоположны по своему характеру, основаниям и механизму воздействия.

Степень сочетания убеждения и принуждения в области государственного регулирования устанавливается в зависимости от политико-правовой природы государства на конкретном историческом этапе развития [1, с. 60]. Иными словами, соотношение убеждения и принуждения

определяется в текущем моменте жизни общества, вопрос о преобладании одного из данных методов принципиален и значим для всего государства; его решение проявляется в теоретических воззрениях в области права, реализованных в действующем законодательстве и правоприменительной практике. Сказанное в равной мере следует отнести как к праву в целом, так и к его отдельным отраслям. Альтернативы убеждению и принуждению в целом отсутствуют, поскольку эти методы носят универсальный характер, а иные (манипулирование, поощрение и др.), по сути, развивают их отдельные аспекты.

Исследованию рационального сочетания убеждения и принуждения в системе социально-правового регулирования посвящено большое количество философских, психологических и правовых научных трудов. С философских позиций одной из характеристик принуждения является его использование для ограничения индивидуальной воли субъекта [2, с. 179]. Социологический подход к сочетанию убеждения и принуждения подразумевает перспективу применения принуждения для подчинения субъекта и оказания таким способом манипулятивного воздействия на него [3, с. 284]. В теории права советского периода была выработана позиция, согласно которой принуждение выступает по отношению к убеждению второстепенным и реализуется в особой процессуальной форме [4, с. 304-307; 5, с. 64]. При этом правоведами единодушно подчеркивается приоритет роли права в определении критериев правомерного и неправомерного поведения.

В развитие данной позиции выдвигается тезис о том, что соотношение убеждения и принуждения должно быть основано на положениях закона в пользу убеждения, поскольку оно предполагает достижение целей правового регулирования посредством неприменения инструментов, подавляющих волю субъекта. Вместе с тем следует подчеркнуть, что полный отказ от метода принуждения вне рамок утопической социальной модели объективно невозможен в силу вероятных диаметрально противоположных интересов государства и личности, на которую осуществляется воздействие. Вследствие это-

го значимость принуждения в отдельных сферах правового регулирования остается весьма высокой.

Кроме того, убеждение и принуждение в правовой литературе нередко рассматриваются в качестве главных методов управленческой деятельности, реализуемых в области государственной власти. Однако такой подход имеет контекстный характер, не связанный с основной темой настоящей статьи.

Особое внимание правовой науки уделено принуждению, так как именно данный метод воздействия на субъекта сопряжен с теми или иными нарушениями или ограничениями прав и свобод, регламентированных установленными государством нормативными предписаниями. Лексическое значение слова «принуждение» связывается с такими категориями, как «волевое воздействие», «средство давления»; слово «принудить» трактуется как «заставить сделать что-либо» [6, с. 709].

Следует отметить, что в литературе принуждение рассматривается с разных точек зрения. Социальная значимость принуждения лежит в основе дефиниций «государственное принуждение» и «правовое принуждение», она обусловлена обязательностью его существования в любом социуме в качестве необходимого элемента социальной организации. Необходимость в принуждении появляется там и тогда, где и когда проявляется противоречие в волевых установках и желаемых результатах деятельности определенных лиц (социальных групп). Как верно отмечает А.Н. Жеребцов, в социальном аспекте принуждение следует рассматривать в качестве метода воздействия, который обеспечивает совершение людьми действий вопреки их воле, в интересах принуждающего [7, с. 256].

При анализе социального принуждения как абстрактной модели безотносительно к нормам поведения, принятым в обществе (например, нормам этики и морали), в качестве его элементов можно выделить следующие: сущностью социального принуждения является преодоление воли человека посредством совершения системы действий (поступков); определяющим моментом принуждения выступает его цель — вынудить человека совершить

какие-либо действия или отказаться от их совершения, при этом цель принуждения может быть как положительной по отношению к общественным правилам, так и отрицательной (нарушать те или иные правила общественного поведения); стороны воздействия — лицо (лица — группа лиц), осуществляющее (осуществляющие) принуждение, и лицо (лица), подвергающееся (подвергающиеся) принуждению.

Государственное принуждение выступает частным случаем социального принуждения, применение которого сопряжено с императивным установлением надлежащей модели поведения лица (группы лиц). В теории права отмечается, что принуждение предполагает подавление воли субъекта, выступает закономерным следствием реализации властных отношений: «признаками принуждения являются отрицание воли подвластного, выдвижение (установление) обязательных требований к нему, непредоставление ему свободы выбора, установление санкций за несоблюдение правил поведения» [8, с. 201]. Последнее суждение, на наш взгляд, не в полной мере отражает специфику государственного принуждения, которое в связи с участием государства приобретает особые признаки.

Принципиальным в этом случае является участие государства в качестве воздействующего субъекта. Следует подчеркнуть, что государственное принуждение появляется лишь с момента организации социума в государство. Причиной вступления государства в отношение с субъектом является необходимость защиты и обеспечения интересов государственной власти — как в области эффективности деятельности различных государственных институтов, так и в сфере защиты социально ориентированных прав и интересов личности и объединений людей. Сущность воздействия остается прежней, однако ввиду участия государства как принуждающего субъекта, преследующего при этом общественно значимые цели, система действий (принуждение) приобретает «классический» признак принуждения — его обеспеченность силой, возможностью применения тех или иных средств для преодоления сопротивления субъекта, в отношении которого реализуется принуж-

дение: «сущность государственного принуждения состоит в игнорировании, а часто и в подавлении воли лица, к которому оно применяется» [9, с. 10]. Соответственно, принуждение необходимо в конструкции юридической ответственности. Само понятие «ответственность» подразумевает применение к правонарушителю принудительных мер в качестве санкции за противоправное поведение.

Рассматриваемая конструкция носит теоретический характер. Для практического наполнения ее содержания необходимо уточнить, что принуждение как система действий реализуется определенными субъектами, выступающими от имени государства, прежде всего специально созданными государственными структурами. В частности, функции принуждения в значительной мере возлагаются на правоохранительные органы; кроме того, полномочия по реализации принуждения могут быть возложены на представителей государственных органов и негосударственных организаций, в том числе в области уголовного судопроизводства. Например, в случае избрания предусмотренной ст. 104 УПК РФ меры пресечения — наблюдение командования воинской части — ее применение (то есть реализацию мер, предусмотренных уставами Вооруженных Сил Российской Федерации) фактически осуществляет командир воинской части (подразделения), в которой подозреваемый (обвиняемый) проходит воинскую службу или находится на военных сборах.

Далее, любая государственная деятельность имеет правовую форму. В большей степени это относится к принуждению, в процессе которого подавление воли лица происходит путем вторжения в сферу его прав и интересов, установленных законом, и одновременно эти права и законные интересы являются объектом охраны со стороны государства. Соответственно, основания принуждения, порядок применения и возможные механизмы обеспечения его реализации должны быть закреплены в законе.

Заметим, что последнее суждение послужило основой для выдвижения тезиса о существовании правового принуждения, отличного от государственного [7, с. 256; 9, с. 7-8; 10, с. 10]. Сторонники приведенной

точки зрения отделяют правовую составляющую принуждения, рассматривая государственное принуждение как проявление активной роли государства в общественной жизни. Думается, данный подход закономерен в случае, когда государственное принуждение рассматривается как метод управления обществом в «глобальном» его понимании, и правовое регулирование такого управления выступает в качестве одного из возможных к применению, видоизменяемых в случае необходимости инструментов государственной власти. Однако в приведенной выше трактовке принуждения как системы целенаправленных действий государства выделение «правового» принуждения в качестве самостоятельного вида вряд ли возможно и целесообразно. Государственное принуждение как форма реализации государственной власти невозможно без правовой составляющей, равно как система правовых норм является порождением государства и обеспечивается аппаратом государства.

Однако нельзя согласиться и с суждением о том, что «...в настоящее время приходится говорить о самостоятельном существовании принудительной деятельности государственных органов в отрыве от права, о деятельности государства, основанной не на праве, а на чем-то другом» [10, с. 10]. Вне правовой сферы деятельность государства невозможна, поэтому применение принуждения, не предусмотренного правом, властными субъектами от имени государства является произволом и нарушением правовых предписаний, которое допускает не государство, а конкретное должностное лицо.

Таким образом, государственное принуждение — это всегда принуждение правовое в том смысле, что оно неразрывно связано с правом и не может существовать вне права: принуждение закреплено в законе, регламентировано законом и обеспечено указанными в законе средствами. В таком контексте теряет смысл предложенное А.Н. Жеребцовым двойное понимание правового принуждения — как принуждения, осуществляемого посредством права, и как принуждения, осуществляемого на основе права [7, с. 256].

Подводя итог данной части исследования, следует подчеркнуть установлен-

ную еще С.Н. Кожевниковым неразрывную связь и единство государственного и правового принуждения [12, с. 48], которые также ставят под сомнение необходимость выделения правового принуждения в качестве самостоятельной теоретической дефиниции. Государственное принуждение можно определить как разновидность социального принуждения, которая представляет собой осуществляемую на правовой основе деятельность специально уполномоченных государством субъектов по преодолению воли человека и понуждению его к совершению определенных действий (отказу от совершения определенных действий), направленную на защиту социально ориентированных прав и интересов личности и объединений людей, а также обеспечение эффективности деятельности государственных институтов.

Правовая составляющая принуждения легла в основу общепринятого деления государственного принуждения на виды в зависимости от предмета правового регулирования и, как следствие, отраслевой принадлежности регулирующих его норм: «Отраслевые виды принуждения» представляют собой обусловленные спецификой предмета и метода правового регулирования отрасли права и закрепленные в ней меры государственного (государственно-правового) принуждения» [7, с. 256]. Наиболее часто принуждение применяется в областях правоотношений, в которых одной из сторон выступает государство. Уголовно-процессуальное принуждение является отраслевым и, как разновидность государственного принуждения, обладает его признаками, которые приобретают в сфере уголовного судопроизводства собственные характерные особенности.

Прежде всего следует выделить направленность уголовно-процессуального принуждения на достижение целей и решение задач уголовного судопроизводства. Объем настоящей статьи не позволяет подробно проанализировать дискуссию о соотношении назначения (ст. 6 УПК РФ), целей и задач уголовного судопроизводства, поэтому надлежит остановиться на тезисе о том, что в уголовном судопроизводстве принуждение необходимо, в первую очередь для того, чтобы обеспечить защиту прав и законных интересов личности и ор-

ганизаций, осуществить уголовное преследование лица, совершившего преступление, создать условия для беспрепятственного движения уголовного дела, а также пресечь и предупредить преступления и другие правонарушения. В связи с этим необходимо использование принудительных средств, находящихся за рамками материально-правового регулирования.

Соответственно, закономерность появления мер процессуального принуждения может быть обоснована как с точки зрения превентивного воздействия на лицо, совершившее преступление, так и с позиций обеспечения надлежащего порядка процессуальной деятельности. С помощью принуждения может быть подавлено антисоциальное поведение, обеспечено доминирование воли властвующего субъекта, восстановлена социальная справедливость [13, с. 24]. Например, мера юридической ответственности предусмотрена ст. 118 УПК РФ, устанавливающей санкции за нарушение участниками порядка уголовного судопроизводства, а также за нарушение меры пресечения – залога; обязательство о явке (ст. 112 УПК РФ) призвано обеспечить явку подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля к дознавателю, следователю или в суд; при производстве обыска в любом случае подлежат изъятию предметы и документы, запрещенные в гражданском обороте (ч. 9 ст. 182 УПК РФ), – данное действие пресекает совершение преступлений и иных правонарушений, связанных с незаконным хранением таких предметов и документов, и т.д. Наряду с указанным, следует выделить и предупредительную (превентивную) функцию принуждения, которая реализуется, в частности, путем избрания в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения на основании предположения о том, что он может скрыться от органов предварительного расследования или суда.

Необходимо подчеркнуть, что применяемые принудительные средства ввиду важности решаемых уголовным судопроизводством задач могут носить серьезный характер, вплоть до вторжения в сферу конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Уголовно-процессуальное принуждение как воздействие на субъектов пре-

творяется в жизнь в форме конкретных действий и решений, так или иначе затрагивающих права и законные интересы тех лиц (физических и юридических), в отношении которых оно применяется. В литературе принято считать, что в зависимости от сферы интересов лица, в отношении которого применяется принуждение, и от того, какие права и законные интересы при этом затрагиваются, такое воздействие может быть психологическим (угроза применения санкций, наступления негативных последствий для субъекта), физическим (ограничение личной свободы) или имущественным [14, с. 8-10]. В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 188 УПК РФ при вызове на допрос свидетеля или потерпевшего в повестке указываются последствия его неявки без уважительных причин, и угроза применения в данном случае принудительного привода (ст. 113 УПК РФ) обязывает указанных участников выполнить требование должностного лица о явке. При избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) такой меры пресечения, как заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ), безусловно, ущемляются неприкосновенность личности, свобода ее передвижения и ряд других прав, при этом для реализации данной меры применяется физическое воздействие. Предусмотренная ст. 115 УПК РФ иная мера уголовно-процессуального принуждения – наложение ареста на имущество – ограничивает право собственности.

С учетом публичного характера уголовно-процессуального принуждения немаловажным представляется вопрос о его участниках. Правом применения принудительных мер обладают уполномоченные государством участники уголовного судопроизводства, ведущие уголовный процесс.

Здесь интересна теория принуждения в отношении этих субъектов – принуждение как воздействие со стороны государственных органов и должностных лиц, осуществляющих контроль и надзор. Такими (надзорными и контрольными) полномочиями обладают прокурор (ст. 37 УПК РФ), руководитель следственного органа (ч. 1 ст. 39 УПК РФ), начальник подразделения дознания (ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ), начальник органа дознания (ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ). Однако приведенное на-

правление деятельности должностных лиц обусловлено реализацией присущих им в силу должностного и профессионального интереса организационно-распорядительных функций; несмотря на регламентацию в уголовно-процессуальном законе, оно в большей мере относится к надзорной и управленческой деятельности и нуждается в самостоятельной проработке.

Также следует выделить проблему, связанную с субъектами, к которым может применяться уголовно-процессуальное принуждение. Так, в законодательстве прямо указано на возможность использования принудительного воздействия в отношении лиц, которые не только не являются подозреваемыми (обвиняемыми), но и вообще могут не быть участниками уголовного судопроизводства. Например, ч. 3 ст. 115 УПК РФ позволяет наложить арест на имущество, которое находится у «других лиц», не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия; ч. 2 ст. 184 УПК РФ дает возможность следователю (дознавателю) произвести личный обыск лица, находящегося в помещении или ином месте, в котором проводится обыск, и т.д. Для более подробного освещения данного вопроса следует обратиться к анализу системы принуждения в уголовном процессе.

В первую очередь необходимо отметить, что речь идет не о мерах уголовно-процессуального принуждения, предусмотренных главами 12-14 УПК РФ, а о принуждении как таковом. В научной литературе предлагается двоякое понимание уголовно-процессуального принуждения – в широком и узком смысле: в узком смысле – это меры уголовно-процессуального принуждения (задержание лица по подозрению в совершении преступления, меры пресечения и иные меры уголовно-процессуального принуждения), в широком – принуждение необходимо делить на виды [15, с. 26]. Соглашаясь с данным подходом в целом, следует отметить допущенную авторами терминологическую неточность: слово «мера» в одном из своих значений тождественно слову «пропорция», а в другом – слову «средство», что отражает в рассматриваемом контексте (в отношении «узкого» понимания при-

нуждения), во-первых, наличие согласованной системы определенных действий, в которую включены разные по степени воздействия средства принуждения. Во-вторых, возлагаемые на лицо правоограничения должны отвечать критерию пропорциональности, соответствовать виду пресекаемого или предупреждаемого нарушения и его тяжести. Таким образом, в предлагаемой выше градации «узкое» понимание принуждения является частным случаем, разновидностью принуждения в широком смысле. На наш взгляд, О.И. Цоколовой и Е.С. Кузьменко точно определена современная позиция относительно принуждения в уголовном процессе: «Уголовный процесс при всех стремлениях свети ограничения прав и свобод участников процесса к минимуму без принуждения невозможен, и принуждение проявляется не только в соответствующих мерах, предусмотренных гл. 12-14 УПК РФ. Без принуждения невозможен целый ряд следственных (например, обыск), а также процессуальных (например, привлечение в качестве обвиняемого) действий» [16, с. 3].

В теории уголовно-процессуального принуждения еще с 50-х годов XX века предлагаются различные классификации способов принудительного воздействия (по применявшейся на тот момент терминологии – мер уголовно-процессуального принуждения), в научной литературе проведен их доскональный анализ. Не вдаваясь в подробности различных воззрений на данный вопрос, в контексте темы настоящей работы на основе рассмотренного выше целеполагания принуждения в уголовном судопроизводстве представляется актуальной классификация, вытекающая из предложенной В.А. Михайловым:

1) принуждение, направленное на предупреждение и пресечение противоправной (в том числе преступной) деятельности. К нему можно отнести меры принуждения – задержание лица по подозрению в совершении преступления, меры пресечения и отдельные меры принуждения, включенные в группу «иных» мер уголовно-процессуального принуждения (глава 14 УПК РФ), – временное отстранение от должности (ст. 114 УПК РФ); такие действия, как запрет на разглашение данных предварительного расследования

(ст. 161 УПК РФ), и некоторые другие – в зависимости от конкретной следственной ситуации (например, уже упомянутый выше личный обыск – ст. 184 УПК РФ – может быть произведен в случае, когда есть основания полагать, что у лица, находящегося в месте производства обыска, при себе имеются изъятые из оборота предметы);

2) принуждение, направленное на обеспечение доказательственной деятельности властных субъектов, ведущих уголовный процесс, включает, в частности, возможность принудительного проникновения в жилище или иное помещение для производства следственных действий (ст.ст. 176, 182, 183 и др. УПК РФ), принудительное помещение в медицинский стационар для производства судебно-медицинской или психиатрической экспертизы (ст. 203 УПК РФ) и др.;

3) принуждение, носящее обеспечительный характер [17, с. 6-7].

В последней группе в зависимости от направленности обеспечительной деятельности можно выделить меры воздействия, обеспечивающие участие в уголовном процессе обвиняемого и других лиц (в частности, ст.ст. 112-113 УПК РФ); направленные на обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением (в частности, ст.ст. 115-116, 160.1 УПК РФ); обеспечивающие надлежащий порядок производства процессуальных действий (ст.ст. 118, 257-258 УПК РФ).

Уголовно-процессуальное принуждение как разновидность государственного воздействия, направленного на преодоление воли обязанного субъекта, неизбежно обусловлено возможным наступлением для обязанного лица негативных последствий. Точной представляется предложенная А.В. Гриненко категория «перспективной юридической ответственности», наступающей в случае невыполнения лицом предусмотренных уголовно-процессуальным законом требований уполномоченного субъекта, ведущего уголовный процесс. При этом вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что указание на «перспективную юридическую ответственность» прямо или косвенно содержится в уголовно-процессуальных правоположениях [18, с. 147]. Еще З.Ф. Коврига подчер-

кивала, что специфика ответственности, наступающей за нарушение уголовно-процессуальных норм, в том числе регламентирующих порядок применения мер процессуального принуждения, состоит в том, что они могут быть обеспечены санкциями не только уголовно-процессуального, но и иных отраслей права (уголовного, административного и др.) [19, с. 97-101]. Так, в случае дачи потерпевшим или свидетелем заведомо ложных показаний, а также отказа от дачи показаний данные участники могут быть привлечены к уголовной ответственности (ст.ст. 307-308 УК РФ).

Однако основной проблемой являются недостатки в правовой регламентации принудительных уголовно-процессуальных средств, в том числе пробелы в установлении нормативно регламентированных последствий невыполнения участниками уголовно-процессуальной деятельности своих обязанностей. Как следствие, аппарат принуждения «пробуксовывает», а отдельные меры принуждения в силу зависимости от воли обязанного лица вообще приобретают частноправовые признаки. Подобная «свобода» в использовании механизма реализации уголовно-процессуального принуждения так или иначе присутствует во всех отмеченных выше разновидностях принуждения.

В частности, конструктивные недостатки нормативной регламентации порядка избрания меры пресечения прослеживаются в ст.ст. 102-105 УПК РФ. Из контекста норм, регламентирующих такие меры пресечения, как личное поручительство (ст. 103 УПК РФ) и присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ст. 105 УПК РФ), следует, что для применения указанных мер пресечения обязательно согласие лиц, берущих на себя обязанности по надзору за надлежащим поведением подозреваемого (обвиняемого). В процессе расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних имеют место случаи отказа родителей от дачи письменного обязательства о присмотре за несовершеннолетним; личное поручительство стало редким явлением, в том числе ввиду нежелания поручителей брать на себя ответственность за правомерность поведения подозреваемого (обвиняемого).

Одна из наиболее часто применяемых мер пресечения — подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ) фактически «отдана на откуп» подозреваемому (обвиняемому). Например, по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного пп. «б» и «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (кража, совершенная с проникновением в жилище с причинением значительного ущерба потерпевшему), был задержан гражданин Н., в отношении которого следователь вынес постановление об избрании меры пресечения — подписки о невыезде и надлежащем поведении. Однако в процессе ознакомления с постановлением об избрании меры пресечения Н. в присутствии защитника после подписи в постановлении написал, что с мерой пресечения не согласен, и отказался составлять подписку. Следователь зафиксировал это, составив протокол, и направил в суд ходатайство об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу. По итогам рассмотрения ходатайства суд отказал в его удовлетворении, указав, что в отношении Н. возможно применить иную, более мягкую, чем заключение под стражу, меру пресечения. По истечении срока задержания Н. был освобожден из-под стражи. В дальнейшем Н. не явился по вызову следователя для участия в следственном действии (предъявление для опознания), а после задержания и доставления к следователю обжаловал действия последнего, указав, что его задержание и доставление незаконны, так как по данному уголовному делу у него нет никакого процессуального статуса*.

Аналогичная ситуация сложилась и относительно диспозиции ст. 104 УПК РФ, устанавливающей, что избрание в качестве меры пресечения наблюдения командования воинской части допускается только с согласия подозреваемого, обвиняемого (ч. 2 ст. 104 УПК РФ).

Таким образом, следователь (дознатель) фактически может избрать одну из «оставшихся» мер пресечения — запрет определенных действий, залог, домашний арест или заключение под стражу

* Уголовное дело N 2022/773****, находится в производстве УМВД России по г. Тюмени.

(ст.ст. 105-108 УПК РФ), причем все они ущемляют конституционные права и свободы человека и гражданина.

Остается актуальным вопрос о принуждении в рамках доказательственной деятельности, в частности о том, возможно ли производство следственных действий против воли участников процессуальной деятельности. Позиции ученых-процессуалистов по данному вопросу принципиально различаются. Например, В.А. Семенов указывает, что «...принудительный характер свойственен всем следственным действиям, но в разной степени» [20, с. 56], а в работах других ученых обосновывается отсутствие принуждения в ряде следственных действий (допрос, очная ставка и некоторые другие) [21, с. 142-144].

Поддерживая позицию ряда авторов относительно принуждения как неотъемлемого элемента следственных действий, заметим, что процессуальная регламентация порядка отдельных следственных действий дает их участникам возможность противодействовать деятельности следователя (дознателя). Неоднозначным является вопрос применения насилия при производстве освидетельствования (ст. 179 УПК РФ) в случае возражения осматриваемого лица; по мнению ряда процессуалистов, положениям ч. 4 ст. 164 УПК РФ противоречит предусмотренное ст. 202 УПК РФ получение образцов для сравнительного исследования (в частности, образцов почерка, образцов биологического происхождения и некоторых других).

Несмотря на ряд научных изысканий, теоретическая дискуссия так и не завершена, уголовно-процессуальное законодательство остается в неизменном состоянии. На практике это ведет к неоднозначному толкованию уголовно-процессуального закона и различиям в реализации его положений. Более того, рассматриваемый недостаток приобретает системный характер – все чаще возникают ситуации отказа участников уголовного процесса от участия в следственных действиях, злоупотребления своими правами. Например, неясны последствия отказа подозреваемого (обвиняемого) от участия в предъявлении для опознания; не урегулирован вопрос о совершении опознаваемым действий, ставящих под сомнение доказательственное

значение опознания. При назначении судебно-медицинской экспертизы не установлена ответственность за неявку к эксперту лица, в отношении которого вынесено постановление о назначении судебной экспертизы.

В качестве основных причин отмеченных проблем, безусловно, можно назвать дефекты уголовно-процессуального законодательства, не устанавливающего четко обязанность участников уголовно-процессуальной деятельности выполнять требования должностного лица, ведущего уголовный процесс, а также фактическое отсутствие санкций за уголовно-процессуальные нарушения. Соответственно, теряется обеспеченность уголовно-процессуального принуждения нормативной базой и, как следствие, сама возможность использования в отношении участника процессуальной деятельности принудительных средств.

Подводя итог, можно сформулировать следующие выводы:

1. Соотношение убеждения и принуждения определяет политику государства в регулируемой сфере деятельности и эффективность ее практической реализации.

2. Государственное принуждение – это разновидность социального принуждения, оно представляет собой осуществляемую на правовой основе деятельность специально уполномоченных государством субъектов по преодолению воли человека и понуждению его к совершению определенных действий (отказу от совершения определенных действий), направленную на защиту социально ориентированных прав и интересов личности и объединений людей, а также обеспечение эффективности деятельности государственных институтов.

3. Уголовно-процессуальное принуждение как отраслевая разновидность государственного принуждения имеет характерные особенности – выраженный публичный характер и направленность на достижение целей и решение задач уголовного процесса; применение уполномоченными властными субъектами в отношении участников уголовно-процессуальной деятельности; жесткая регламентация законом оснований, порядка и условий применения; обеспеченность силой государства.

4. Недостаточность государственного обеспечения уголовно-процессуального принудительного воздействия ведет к недостижению целей уголовного судопроизводства. В числе основных проблем в этом отношении можно назвать либеральный характер отдельных нормативных предпи-

саний, позволяющий участникам уголовно-процессуальной деятельности уклоняться от участия в процессуальных действиях, а также приобретающее системные признаки отсутствие санкционного механизма за нарушение норм уголовно-процессуального законодательства.

Список источников

1. Алексеев С.С. Теория права. Москва: БЕК, 1995. 320 с.
2. Чукин С.Г., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: учебник. Москва: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. 233 с.
3. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2001. 384 с.
4. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2014. 464 с.
5. Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2003. 843 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва: Мир образования, 2008. 736 с.
7. Жеребцов А.Н. Административно-правовая обязанность в охранительном правоотношении правового принуждения, не связанного с осуществлением юридической ответственности // Общество и право. 2012. N 4. С. 255-262.
8. Сырых В.М. Теория государства и права: учебник. Москва: Юстицинформ, 2006. 704 с.
9. Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991. 117 с.
10. Майоров В.И., Коркин А.В. Административное принуждение: понятие, место и формы выражения // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. N 4. С. 8-20.
11. Бахрах Д.Н. Принуждение и ответственность по административному праву: учеб. пособие. Екатеринбург, 1999. 144 с.
12. Кожевников С.Н. Государственное принуждение: особенности и содержание // Советское государство и право. 1978. N 5. С. 47-53.
13. Иванова С.А. Принцип социальной справедливости в правоприменительной деятельности (теоретические аспекты реализации) // Государство и право. 2006. N 1. С. 19-26.
14. Бахрах Д.Н. Административная ответственность: учеб. пособие. Москва: Юриспруденция, 1999. 110 с.
15. Меры уголовно-процессуального принуждения на досудебных стадиях: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / А.В. Травников, А.В. Лаков, Э.К. Кутуев, В.С. Латыпов. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. 159 с.
16. Цоколова О.И., Кузьменко Е.С. Принуждение в уголовном процессе: современные проблемы и тенденции (о результатах международной научно-практической конференции) // Проблемы предварительного следствия и дознания: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 5-6 декабря 2019 г. Москва: ВНИИ МВД России, 2020. Т. 29. С. 3-5.
17. Михайлов В.А. Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве Российской Федерации. Москва: Центр информ. технологий ИЗП, 1997. 643 с.
18. Гриненко А.В. О соотношении понятий «убеждение», «принуждение» и «ответственность» в уголовном судопроизводстве: размышления о книге Зои Филипповны Ковриги «Уголовно-процессуальное принуждение» (Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1975. – 175 с.) // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. N 2. С. 143-148.
19. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1975. 175 с.
20. Семенцов В.А. Ограниченный характер принуждения при производстве следственных действий в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Проблемы предварительного следствия и дознания: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 5-6 декабря 2019 г. Москва: ВНИИ МВД России, 2020. Т. 29. С. 53-61.
21. Быков В.М., Ткачева Н.В. Принуждение при производстве следственных действий // Право и политика. 2005. N 5. С. 136-145.

References

1. Alekseev S.S. Theory of law. Moscow, BEK Publ., 1995. 320 p. (In Russ.).
2. Chukin S.G., Sal'nikov V.P., Balahonskiy V.V. Philosophy of law. Moscow, 2002. 233 p. (In Russ.).
3. Ledyayev V.G. Power: a conceptual analysis. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2001. 384 p. (In Russ.).
4. Morozova L.A. Theory of state and law. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2014. 464 p. (In Russ.).
5. Polyakov A.V. General theory of law: phenomenological-communicative approach. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2003. 843 p. (In Russ.).
6. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. Moscow, Mir obrazovaniya Publ., 2008. 736 p. (In Russ.).
7. Zherebtsov A.N. Administrative legal obligation in the protective legal relationship of legal coercion not related to the implementation of legal liability. Society and Law, 2012, no. 4, pp. 255-262. (In Russ.).
8. Syrykh V.M. Theory of state and law. Moscow, Yustitsinform Publ., 2006. 704 p. (In Russ.).
9. Seregina V.V. State coercion under Soviet law. Voronezh, 1991. 117 p. (In Russ.).
10. Mayorov V.I., Korkin A.V. Administrative coercion: concept, place and forms of expression. Law and order: history, theory, practice, 2016, no. 4, pp. 8-20. (In Russ.).
11. Bakhrakh D.N. Coercion and liability in administrative law. Ekaterinburg, 1999. 144 p. (In Russ.).
12. Kozhevnikov S.N. State coercion: features and content. Soviet State and Law, 1978, no. 5, pp. 47-53. (In Russ.).
13. Ivanova S.A. The principle of social justice in law enforcement activities (theoretical aspects of implementation). State and Law, 2006, no. 1, pp. 19-26. (In Russ.).
14. Bakhrakh D.N. Administrative responsibility. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 1999. 110 p. (In Russ.).
15. Travnikov A.V., Lakov A.V., Kutuev E.K., Latypov V.S. Measures of criminal procedural coercion at the pre-trial stages. Moscow, YuNITI-DANA: Zakon i parvo Publ., 2020. 159 p. (In Russ.).
16. Tsokolova O.I., Kuz'menko E.S. Coercion in criminal proceedings: modern problems and trends (on the results of the international scientific and practical conference). Problems of preliminary investigation and inquiry. Moscow, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. Vol. 29. Pp. 3-5. (In Russ.).
17. Mikhailov V.A. Criminal procedural measures of restraint in legal proceedings of the Russian Federation. Moscow, 1997. 643 p. (In Russ.).
18. Grinenko A.V. On the relationship between the concepts of "persuasion," "coercion," and "responsibility" in criminal proceedings: reflections on Zoya Filippovna Kovriga's book "Criminal Procedural Coercion" (Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 1975. – 175 p.). Judicial Power and criminal process, 2016, no. 2, pp. 143-148. (In Russ.).
19. Kovriga Z.F. Criminal procedural coercion. Voronezh, Voronezh State University Publishing House, 1975. 175 p. (In Russ.).
20. Sementsov V.A. Limited nature of coercion during investigative actions in the pre-trial stages of criminal proceedings. Problems of preliminary investigation and inquiry. Moscow, All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. Vol. 29. Pp. 53-61. (In Russ.).
21. Bykov V.M., Tkacheva N.V. Coercion during investigative actions. Law and Politics, 2005, no. 5, pp. 136-145. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.4

Уголовно-процессуальное задержание: характеристика субъектов

Ольга Васильевна Десятова,

кандидат юридических наук, доцент, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, olya.desyatova.80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1422-6874>

Аннотация. Статья посвящена характеристике субъектов, полномочных осуществлять задержание по подозрению в совершении преступления. На основе действующего законодательства и мнений ученых автором проанализирован состав субъектов, правомочных осуществлять фактическое задержание, который, как правило, не совпадает с установленным уголовно-процессуальным законом перечнем должностных лиц – участников уголовного судопроизводства, уполномоченных составлять протокол задержания подозреваемого. Отмечается, что фактическое задержание по подозрению в совершении преступления до возбуждения уголовного дела, осуществленное сотрудниками полиции (за исключением дознавателей), рассматривается как совершенное органом дознания. Изучен вопрос о наличии (отсутствии) у должностных лиц, перечисленных в части 3 статьи 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, полномочий осуществлять задержание лица по подозрению в совершении преступления. Проанализировав правовую природу (уголовно-правовую или уголовно-процессуальную) так называемого гражданского ареста, автор статьи приходит к выводу о том, что надлежащее правовое регулирование такого рода действия отсутствует.

Ключевые слова: субъект задержания, фактическое задержание, уголовно-процессуальное задержание, гражданский арест

Для цитирования: Десятова О.В. Уголовно-процессуальное задержание: характеристика субъектов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 4 (66). С. 77-85.

Criminal-procedural detention: characteristics of subjects

Olga V. Desyatova,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen, Russia, olya.desyatova.80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1422-6874>

Abstract. The article is devoted to the characteristics of subjects authorized to carry out detention on suspicion of committing a crime. Basing on the current legislation and the scientists' opinions, the author analyzes the range of subjects authorized to carry out actual detention, which, as a rule, does not coincide with the list of officials, established by the criminal procedure law – participants in criminal proceedings, authorized to draw up a protocol of the suspect's detention. It is noted that the actual detention on suspicion of committing a crime before the initiation of a criminal case, carried out by police officers (except for inquiry officers) is considered as conducted by the body of inquiry. The question of whether the officials, listed in Part 3 of Article 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, have (or do not have) the authority to detain a person on suspicion of committing a crime is studied. Basing on the analysis of the legal nature (criminal-legal or criminal-procedural) of the so-called civil arrest, the author of the article states the lack of proper legal regulation of this kind of action.

Keywords: subject of detention, actual detention, criminal-procedural detention, civil arrest

For citation: Desyatova O.V. Criminal-procedural detention: characteristics of subjects // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 4 (66). P. 77-85.

Институт задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, является одним из самых спорных и недостаточно разработанных в науке институтов

уголовно-процессуального права, несмотря на то, что ему посвящены исследования, выполненные в разные исторические периоды. Данное положение обусловлено рядом объективных обстоятельств, важнейшее из которых – сложность содержания правоотношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся при реализации этого института.

Определенное влияние на понимание сущности института задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, оказывают многоэтапность процедуры задержания, неоднозначность возможных вариантов толкования допустимой последовательности принятия процессуальных решений о задержании (составлении протокола задержания) и возбуждении уголовного дела. Требуется разработки вопрос, связанный с определением процессуального статуса должностных лиц, на которых в установленных законом случаях возлагаются отдельные полномочия органа дознания (ч. 3 ст. 40 УПК РФ), в том числе по задержанию лица по подозрению в совершении преступления. Отсутствует процессуальный механизм задержания лица по подозрению в совершении преступления гражданами, не наделенными законодательством полномочиями на осуществление данного действия.

Вышеперечисленные факторы обусловили необходимость теоретического изучения имеющихся проблем, предполагающего учет того, что последствием применения рассматриваемого института задержания является внесудебное ограничение конституционного права на свободу личности.

Согласно ч. 1 ст. 91 УПК РФ субъектами производства задержания по подозрению в совершении преступления являются орган дознания, дознаватель и следователь. Если исходить из буквального толкования данной правовой нормы и понимания уголовно-процессуального задержания как трехэтапной процедуры (момент фактического задержания – доставление задержанного в орган дознания или к следователю – разбирательство с задержанным и принятие по его результатам процессуального решения о составлении протокола задержания или об освобождении задержанного), то можно сделать вывод о том, что данное законодательное

положение относится к заключительному этапу – разбирательству с доставленным и составлению протокола задержания, так как именно это действие является юридическим фактом, порождающим возникновение нового участника уголовного судопроизводства – подозреваемого.

Вместе с тем фактическое задержание по подозрению в совершении преступления и доставление задержанного могут осуществить: 1) сотрудники правоохранительных органов, реализующие в соответствующий момент административно-правовые функции; 2) сотрудники правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность; 3) иные лица, не выполняющие правоохранительную функцию.

Вследствие этого термин «субъект производства задержания» толкуется в широком и узком смысле. В широком смысле данный термин включает все этапы рассматриваемой процедуры, в узком – только последний этап, предусмотренный ст. 91 УПК РФ. Применительно к настоящей статье данный термин рассматривается в широком смысле.

К сотрудникам правоохранительных органов, выполняющим на момент фактического задержания административно-правовые функции, следует отнести также сотрудников, которые в силу своих служебных полномочий обычно не осуществляют предварительное расследование и оперативно-розыскную деятельность (сотрудники патрульно-постовой службы, дорожно-патрульной службы в системе органов внутренних дел; инспекторский состав Федеральной таможенной службы, сотрудники пограничного контроля Федеральной пограничной службы ФСБ России и т.д.).

Принято считать, что в случае, если фактическое задержание произведено данными лицами, то оно носит административно-правовой характер, поскольку в определенный момент ими исполнялись именно административные функции (по охране общественного порядка и общественной безопасности, таможенный контроль и т.д.). Однако такое мнение вряд ли можно оценить как бесспорное, поскольку в момент фактического задержания имеют место уголовно-процессуальные правоотношения.

ношения. Кроме того, необходимо иметь в виду, что сотрудники данной группы, хотя и не осуществляют оперативно-розыскную деятельность или предварительное расследование, но, как правило, входят в состав органов дознания в том понимании, в каком последние определены в п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ (так, строевые подразделения патрульно-постовой службы, дорожно-патрульной службы и др. входят в состав полиции, которая является органом дознания; органы ФТС России, ФСБ России, ФСИН России и др. наделены правом производства оперативно-розыскной деятельности и, следовательно, являются органами дознания).

Таким образом, следует признать, что даже если на момент фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления сотрудник правоохранительного органа выполняет административно-правовые функции или не находится при исполнении служебных обязанностей, он не перестает быть сотрудником органа дознания. В связи с этим отсутствует противоречие в том, что в момент фактического задержания возникают уголовно-процессуальные отношения, хотя этому непосредственно предшествовала административно-правовая деятельность. Административная деятельность полиции, как правило, предшествует другим видам деятельности, в том числе уголовно-процессуальной.

Наконец, правоохранительная практика сложилась таким образом, что если в процессе разбирательства с задержанным выясняется, что им совершено деяние, имеющее признаки не преступления, а административного правонарушения, то принимается решение об административном задержании, в связи с чем составляется протокол задержания в порядке ст. 27.4 КоАП РФ, и именно с этого момента возникают административно-процессуальные правоотношения.

Если фактическое задержание производится сотрудниками, обладающими полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности, то теоретико-правовой вопрос о правомерности такого задержания не возникает. В данном случае основной вопрос — о задержании как следствии провокации преступления и

наличии данных, указывающих на признаки преступления.

Наибольший интерес представляют проблемы так называемого гражданского ареста, то есть задержания, производимого физическим лицом, не наделенным для этого специальными полномочиями, но готовым аргументировать суду обоснованность задержания. В УПК РФ отсутствуют правовые нормы, регламентирующие данные отношения. Согласно разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»* (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 19), правовой основой для производства «гражданского ареста» является ст. 38 УК РФ, в соответствии с которой не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер. В пункте 19 постановления Верховного Суда РФ N 19 указано, что право на задержание лица, совершившего преступление, имеют не только уполномоченные на то представители власти, но и иные лица, в том числе пострадавшие от преступления, или ставшие его непосредственными очевидцами, или лица, которым стало достоверно известно о его совершении. Между тем такого рода разъяснение вряд ли можно считать бесспорным [1, с. 112].

Прежде всего необходимо отметить, что по смыслу ст. 2 и ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации обязанность защиты личности от всех видов противоправных посягательств на ее права, свободы

* О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сент. 2012 г. N 19; ред. от 31 мая 2022 г. // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2012. N 11; 2022. N 7.

и законные интересы несет государство. В силу этого уголовное судопроизводство имеет публично-правовой характер (за исключением осуществления уголовного преследования в частном порядке); публично-правовой является и правоохранительная деятельность, включающая, в частности, выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений.

Частью 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации установлено право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. При этом право каждого защищать всеми не запрещенными законом способами права и свободы других лиц Конституция Российской Федерации не предусматривает.

Таким образом, возникает вопрос о соответствии пункта 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 19 Конституции Российской Федерации. Кроме того, ст. 38 УК РФ лишь исключает уголовную ответственность за причинение вреда лицу, совершившему преступление, при задержании этого лица и отсутствии при этом в действиях задерживающего (задерживающих) признаков превышения необходимой обороны. Вместе с тем она не затрагивает другую сторону задержания – правомерность ограничения свободы передвижения одного лица другим при наличии указания в ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации о том, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

Разумеется, названная норма УК РФ не определяет круг лиц, осуществляющих задержание, и, следовательно, можно сделать вывод, что ее содержание охватывает и тех, кто не имеет специально установленных законом полномочий по задержанию. Однако с этим вряд ли можно согласиться, поскольку, во-первых, это противоречит ч. 2 ст. 45 и ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации. Во-вторых, если в таком вопросе, как задержание по подозрению в совершении преступления, исходить из принципа «разрешено все, что прямо не запрещено законом», то становятся непонятными цели закрепления полномочий по указанному задержанию в специальных федеральных законах, определяющих статус правоохранительных органов

(Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»*, Федеральный закон от 3 июля 2016 г. N 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»** и др.).

Вызывает сомнения и легитимность Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 19. Как известно, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не являются нормативными правовыми актами. Кроме того, согласно п. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» Верховный Суд Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики***. Перечисленные в пп. 22 и 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 19 обстоятельства и условия, связанные с оценкой правомерности задержания, представляют собой не «разъяснения судебной практики», а восполнение законодательного пробела.

Например, в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 19 указывается: «задерживающее лицо должно быть уверено, что причиняет вред именно тому лицу, которое совершило преступление (в частности, когда задерживающий является пострадавшим либо очевидцем преступления, на задерживаемого прямо указали очевидцы преступления как на лицо, его совершившее, когда на задерживаемом или на его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления)». В данном случае описывается, по сути, субъективная сторона действий по задержанию («уверенность»), что выходит за пределы обычного разъяснения судебной практики.

Федеральным конституционным законом от 5 февраля 2014 г. N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» возможность восполнения законодательных пробелов или толкования законов посредством принятия постановлений Пленума

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

** Там же. 2016. N 27 (ч. I). Ст. 4159.

*** О Верховном Суде Российской Федерации: федер. конституционный закон от 5 февр. 2014 г. N 3-ФКЗ: ред. от 14 июля 2022 г. // Там же. 2014. N 6. Ст. 550; 2022. N 29 (ч. I). Ст. 5200.

Верховного Суда Российской Федерации не предусмотрена. Сомнения в правомерности «гражданского ареста» возникают еще и потому, что в Российской Федерации задержание по подозрению в совершении преступления является институтом уголовно-процессуального права и вопрос о субъектах этого института вряд ли может регулироваться нормами материального (уголовного), а не процессуального права. На основе совокупности изложенных доводов можно сделать вывод о том, что в настоящее время в отечественном праве вопрос о «гражданском аресте» остается неурегулированным.

В связи с этим следует отметить зарубежный опыт регламентации «гражданского ареста». Например, в Австралии, Канаде, Швеции* данный институт образован нормами материального права. В Великобритании и Израиле регулирование «гражданского ареста» осуществляется включением соответствующих норм в отдельные законы в уголовно-процессуальной сфере**. Однако в большинстве государств (Венгрия, Греция, Дания и др.) «гражданский арест» является предметом правового регулирования кодифицированного уголовно-процессуального законодательства***. Таким образом, в ряде

зарубежных государств «гражданский арест» является институтом уголовно-процессуального права.

В то же время согласно ст. 3 Конституции Российской Федерации «народ осуществляет свою власть непосредственно...», а ч. 5 ст. 32 указывает на то, что «граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия». Согласно ст. 8 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. N 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» любой гражданин имеет право оказывать содействие органам внутренних дел (полиции) в соответствии с законодательством Российской Федерации. При этом настоящий Федеральный закон, определяя статус только народных дружинников, не конкретизирует такую форму участия граждан, как содействие органам внутренних дел (полиции). Полагаем, что законодательное урегулирование правовой основы «гражданского ареста» должно происходить в рамках данной формы участия граждан в охране общественного порядка.

В теории существует также проблема задержания по подозрению в совершении преступления в тех случаях, когда субъектами являются должностные лица, перечисленные в ч. 3 ст. 40 УПК РФ. Она заключается в относительной неясности уголовно-процессуального статуса указанных субъектов.

Ряд исследователей, например, А.А. Чувилев и Ан.А. Чувилев, основываясь на субъектах, определенных в ст. 40 УПК РФ «Органы дознания», рассматривают капитанов морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, руководителей геологоразведочных партий и зимовок, начальников российских антарктических станций и сезонных полевых баз, а также глав дипломатических представительств и консульских учреждений как органы дознания с ограниченными процессуальными полномочиями [2, с. 121]. Сторонники другой позиции — В.И. Качалов и О.В. Качалова полагают, что названные должностные лица к органам дознания не относятся [3, с. 238].

С точки зрения А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского, перечисленные должностные лица являются полноценными органами дознания [4, с. 326]. Например,

* Закон Австралии о преступлениях // Федеральный реестр законодательства Австралии: официальный сайт. URL: <http://www.legislation.gov.au>; Уголовный кодекс Канады // Министерство юстиции Канады: официальный сайт. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca>; Уголовный кодекс Швеции // Парламент Королевства Швеция: официальный сайт. URL: <http://www.riksdagen.se>

** Закон Великобритании о полиции и доказательствах по уголовным делам // Официальный сайт правовой информации Великобритании. URL: <http://www.legislation.gov.uk>; Уголовно-процессуальный закон Израиля // Юридический факультет Университета Хайфы: сайт. URL: <http://weblaw.haifa.ac.il>

*** Уголовный (общая часть) и уголовно-процессуальный кодексы Венгерской Народной Республики: пер. с венгер. / под ред. и с предисл. В.Ф. Кириченко. М.: Изд-во иностр. лит., 1953. XI, 136 с.; Уголовно-процессуальный кодекс Греческой Республики // Министерство юстиции Греческой Республики: сайт. URL: <http://www.ministryofjustice.gr>; Закон об отправлении правосудия Королевства Дания // Официальный сайт правовой информации Королевства Дания. URL: <https://www.retsinformation.dk>

говоря об органах дознания, в единый перечень включаются должностные лица, как названные в ч. 1 ст. 40 УПК РФ, так и определенные частью 3 данной статьи.

По мнению вышеуказанных авторов, должностных лиц, перечисленных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, сложно рассматривать в качестве полноценных органов дознания. Такой вывод основывается на нескольких факторах. Во-первых, указанные должностные лица не вошли в общий перечень органов дознания, который определен ч. 1 ст. 40 УПК РФ. Во-вторых, основная деятельность этих лиц не связана с правоохранительной деятельностью, разновидностями которой являются оперативно-розыскная деятельность и предварительное расследование, то есть их предназначение предопределяет второстепенный характер уголовно-процессуальных функций по отношению к содержанию основной деятельности. В-третьих, такие полномочия уголовно-процессуальный закон возлагает на рассматриваемых субъектов в ограниченном объеме по сравнению с органами дознания, перечисленными в ч. 1 ст. 40 УПК РФ.

Согласно ч. 3 ст. 40 УПК РФ должностные лица наделены полномочиями возбуждать уголовные дела и производить неотложные следственные действия, причем лишь в конкретном месте, на которое в данный момент распространяется юрисдикция соответствующего должностного лица. Применение мер процессуального принуждения, в том числе задержания по подозрению в совершении преступления, уголовно-процессуальный закон в прямой нормативной формулировке к их полномочиям не относит. Следовательно, если развивать точку зрения, согласно которой должностные лица, определенные в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, не являются органом дознания, а лишь наделяются отдельными процессуальными полномочиями в определенных законом ситуациях, то следует вывод о том, что эти должностные лица не имеют права на задержание лиц по подозрению в совершении преступлений в том понимании задержания, которое вытекает из ст.ст. 91 и 92 УПК РФ, то есть они не вправе принимать процессуальное решение (составлять протокол задержания).

Очевидно, что в случае совершения преступления, прежде всего тяжкого или особо тяжкого, на морском или речном судне, находящемся в дальнем плавании, то есть за пределами территории Российской Федерации, в месте расположения геологоразведочных партий и зимовок, антарктических станций и сезонных полевых баз, на территории дипломатических представительств и консульских учреждений России, то есть за пределами территории Российской Федерации или в местах, удаленных от органов дознания, перечисленных в ч. 1 ст. 40 УПК РФ, как правило, возникает необходимость в задержании лица (если оно известно) по подозрению в совершении преступления. Это обусловлено потребностью решения сразу нескольких задач: пресечения совершения таким лицом других преступлений; обеспечения производства неотложных следственных действий; дальнейшей передачи задержанного компетентному органу предварительного расследования в соответствии с правилами подсудности уголовных дел (ст.ст. 150 и 151 УПК РФ).

В отсутствие установленного в уголовно-процессуальном законодательстве полномочия задерживать лиц по подозрению в совершении ими преступления капитаны морских судов ранее руководствовались ч. 2 ст. 69 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации, которая наделяла их таким правом. Однако Федеральным законом от 14 июня 2011 г. N 141-ФЗ в ч. 2 ст. 69 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации были внесены изменения, касающиеся приведения в соответствие с ч. 3 ст. 40 УПК РФ, то есть положения о возбуждении уголовных дел и проведении неотложных следственных действий и упоминание о полномочии по задержанию были исключены. Невозможно и применение ст. 67 («Поддержание порядка на судне») Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации, поскольку она прямо предусматривает право капитана «изолировать лицо, действия которого не содержат признаков преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, но создают угрозу безопасности судна или находящихся на нем людей и имущества».

Что касается процессуальных полномочий капитанов речных судов, то в законодательстве используется иная концепция. Часть 4 ст. 31 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации устанавливает, что в случае обнаружения на судне, находящемся в плавании, признаков преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, капитан судна обязан задержать лицо, подозреваемое в совершении такого преступления, до передачи его компетентным органам в ближайшем порту или ближайшем населенном пункте.

Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 40 УПК РФ условием наделения процессуальными полномочиями капитанов морских и речных судов является нахождение судна в дальнем плавании. Однако в Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации отсутствует определение понятия дальнего плавания. В связи с этим при выяснении наличия данного условия для осуществления капитаном морского судна уголовно-процессуальных полномочий следует руководствоваться действующим в настоящее время примечанием приложения N 3 к Инструкции о порядке выдачи дипломов и квалификационных свидетельств на звания лиц командного состава морских судов специалистам, окончившим военно-морские учебные заведения, утвержденной приказом Министра морского флота СССР от 20 февраля 1991 г. N 172*.

В Кодексе внутреннего водного транспорта Российской Федерации данное условие отсутствует, вследствие чего расширяются уголовно-процессуальные полномочия капитанов речных судов, установленные ч. 3 ст. 40 УПК РФ. В данном случае возникает противоречие между нормативными правовыми актами одинаковой юридической силы, которое в свое время послужило для Конституционного Суда Российской Федерации в качестве предмета рассмотрения. В постановлении от 29 июня 2004 г. N 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьями 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запро-

сом группы депутатов Государственной Думы» Конституционный Суд Российской Федерации указал: «...установление новых норм, регулирующих уголовно-процессуальные отношения, – согласно самой сути и природе уголовно-процессуального закона – должно быть согласовано с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации... Вместе с тем приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед другими обычными федеральными законами не является безусловным, а ограничен рамками специального предмета регулирования, которым... является порядок уголовного судопроизводства, т.е. порядок производства (досудебного и судебного) по уголовным делам на территории Российской Федерации»**.

Данная правовая позиция была в дальнейшем уточнена в ряде решений Конституционного Суда Российской Федерации***, в которых указывалось, что приоритет уголовно-процессуального закона не распространяется на случаи, когда в иных (помимо УПК РФ) федеральных законах устанавливаются дополнительные гарантии прав и законов отдельных категорий лиц, в том числе обусловленные их особым правовым статусом.

В рассматриваемой ситуации положения ст. 31 Кодекса внутреннего водно-

** См.: Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2004. N 4.

*** См., например, определения Конституционного Суда Российской Федерации: от 8 нояб. 2005 г. N 439-О по жалобе граждан С.В. Бородин, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; от 2 марта 2006 г. N 54-О по жалобе общества с ограниченной ответственностью «Аудиторская фирма "АристаЛюКС"» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7, 75 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; от 15 мая 2007 г. N 371-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Васильева Дмитрия Львовича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 7, частью шестой статьи 162 и статьей 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://ksrf.ru>

* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

го транспорта Российской Федерации, по нашему мнению, «вмешиваются» в регулирование уголовно-процессуальных отношений и, согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. N 13-П, не имеют приоритета перед нормами УПК РФ, регулирующими уголовно-процессуальный институт задержания.

На наш взгляд, ст. 31 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации и ст. 69 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации регулируют полномочия субъектов, участвующих в задержании лиц, совершивших преступление, которые образуют первый из этапов рассматриваемой процедуры. В связи с этим, как представляется, внесение изменений и приведение их в соответствие с УПК РФ не требуется. По нашему мнению, подобным образом должен решаться вопрос относительно субъектов задержания в широком смысле слова, не наделенных полномочиями в порядке ст. 91 УПК РФ.

Аналогично не разрешен вопрос о полномочиях глав дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации осуществлять задержание лиц по подозрению в совершении преступления на территории данных органов. В разъяснении заместителя директора Правового департамента МИД России отмечается, что указанные выше должностные лица обладают полномочиями по возбуждению уголовных дел и выполнению неотложных следственных действий по уголовным делам о преступлениях, совершенных на территории дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации. «В настоящее время правовое регулирование порядка реализации данных полномочий отсутствует.

При наличии оснований для возбуждения уголовного дела глава дипломатического представительства (консульского учреждения) должен руководствоваться требованиями статьи 146 УПК России» [5, с. 44-45].

Таким образом, относительно вопроса о полномочии должностных лиц, указанных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, по производству задержания в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ необходимо констатировать наличие правовой неопределенности.

В заключение следует сформулировать несколько выводов:

1) состав субъектов, правомочных осуществлять фактическое задержание, как правило, не совпадает с установленным уголовно-процессуальным законом перечнем должностных лиц — участников уголовного судопроизводства, уполномоченных составлять протокол задержания подозреваемого;

2) фактическое задержание по подозрению в совершении преступления до возбуждения уголовного дела, осуществленное сотрудниками полиции (за исключением дознавателей), исходя из положений п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ, должно в правовом смысле рассматриваться как совершенное органом дознания;

3) действующими нормами уголовно-процессуального права Российской Федерации вопрос о наличии (отсутствии) у должностных лиц, перечисленных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, полномочий осуществлять задержание лица по подозрению в совершении преступления, остается неразрешенным;

4) вопрос о правовой природе (уголовно-правовой или уголовно-процессуальной) «гражданского ареста» продолжает быть дискуссионным, надлежащее правовое регулирование отсутствует.

Список источников

1. Сумин А.А. Задержание по подозрению в совершении преступления: некоторые правовые вопросы // Вестник Московского университета МВД России. 2016. N 4. С. 112-114.
2. Чувилев А.А., Чувилев Ан.А. Правоохранительные органы: учеб. пособие. Москва: Юриспруденция, 2000. 174 [2] с.
3. Качалов В.И., Качалова О.В. Правоохранительные органы Российской Федерации: учеб. пособие. Москва: МГИУ, 2007. 321 с.
4. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: КНОРУС, 2008. 704 с.
5. Сумин А.А., Химичева О.В. Задержание подозреваемого (актуальные теоретико-правовые проблемы): учеб. пособие. Москва: Московский ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2018. 100 с.

References

1. Sumin A.A. Detention on suspicion of committing a crime: some legal issues. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016, no. 4, pp. 112-114. (In Russ.).
2. Chuvilev A.A., Chuvilev An. A. Law enforcement agencies. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2000. 174 [2] p. (In Russ.).
3. Kachalov V.I., Kachalova O.V. Law enforcement agencies of the Russian Federation. Moscow, 2007. 321 p. (In Russ.).
4. Smirnov A.V., Kalinovsky K.B. Criminal procedure. Moscow, KNORUS Publ., 2008. 704 p. (In Russ.).
5. Sumin A.A., Khimicheva O.V. Detention of a suspect (current theoretical and legal problems). Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, 2018. 100 p. (In Russ.).

Раздел 6. Совершенствование правоохранительной практики

Научная специальность: 5.1.4

Проблемы правового механизма обеспечения эффективности контракта о конфиденциальном содействии органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность

Дмитрий Николаевич Софронов,

Союз Торгово-промышленная палата Вологодской области, Вологда, Россия, sdn_35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1676-5863>

Аннотация. В статье рассматривается правовой механизм обеспечения надлежащего исполнения контрактных обязательств лицами, оказывающими содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. В результате проведенного анализа констатируется, что в рамках существующей модели правового регулирования отношений указанных субъектов контракт о конфиденциальном содействии не является правовым инструментом, который способен реально ограничить свободу воли конфиденциально содействующего лица при выполнении им контрактных обязательств, предусматривающих его непосредственное участие в подготовке и проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий. Обосновывается, что в рамках правотворческого процесса корректировка правового механизма регулирования конфиденциальных правоотношений, направленная на усиление юридической ответственности конфиденциально содействующих лиц за неисполнение контрактных обязательств, не приведет к неопределяемому повышению его эффективности. Решение проблемы неукоснительного соблюдения лицами указанной категории обязанностей, предусмотренных контрактом, находится в плоскости организационно-тактических мер, нацеливающих правоприменителя на достижение соответствующего результата посредством методов убеждения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, конфиденциальное содействие, контракт

Для цитирования: Софронов Д.Н. Проблемы правового механизма обеспечения эффективности контракта о конфиденциальном содействии органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 4 (66). С. 86-95.

Problems of the legal mechanism for ensuring the effectiveness of the contract for confidential assistance to the bodies conducting operational search activities

Dmitrij N. Sofronov,

Union Chamber of Commerce and Industry of the Vologda region, Vologda, Russia, sdn_35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1676-5863>

Abstract. The article discusses the legal mechanism for ensuring the proper fulfillment of contractual obligations by persons assisting on a confidential basis to the bodies, conducting operational search activities. Basing on the analysis, it is stated that within the existing model of legal regulation of relations of the specified subjects, a contract for confidential assistance is definitely not the legal instrument that can actually limit the free will of a confidentially assisting person in fulfilling his contractual obligations, providing for his direct participation in preparing and conducting the specific operational search activities. It is substantiated that within the law-making process, the adjustment of the legal mechanism for regulating confidential legal relations, aimed at strengthening the legal responsibility of confidentially assisting persons for failure to fulfill contractual obligations, does not necessarily imply increase of its effectiveness. It is stated that the solution of the problem of strict compliance with the obligations, stipulated by the contract for the persons of this category, is in the plane of organizational and tactical measures that aim the law enforcer at achieving the corresponding result through persuasion methods.

© Софронов Д.Н., 2023

Keywords: operational search activities, confidential assistance, contract

For citation: Sofronov D.N. Problems of the legal mechanism for ensuring the effectiveness of the contract for confidential assistance to the bodies conducting operational search activities // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 4 (66). P. 86-95.

В соответствии с ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»* (далее — Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности») лица, содействующие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, дифференцируются на две категории: 1) оказывающие помощь (содействие) на основании заключенного контракта (далее — на контрактной основе) и 2) оказывающие помощь (содействие) без заключения контракта (далее — на бесконтрактной основе).

Из этого следует, что в российском законодательстве признается особая значимость контракта в сфере правового регулирования рассматриваемых правоотношений. В связи с этим объяснимо то внимание, которое в юридической литературе уделяется проблеме определения правовой природы контракта о конфиденциальном содействии [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Однако, как представляется, вследствие смещения акцентов на эту тематику не получил должного осмысления правовой механизм обеспечения действенности контрактных обязательств. Полагаем, что при его отсутствии или неработоспособности утрачивается императивность контрактных обязательств, приобретающих характер декларативности. В результате нивелируются принципиальные отличия между контрактным и бесконтрактным содействием на конфиденциальной основе, связанные с возможностью возложения на лиц, заключивших контракт с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, более широкого круга обязанностей, неукоснительное выполнение

которых обеспечивается правовыми средствами, прежде всего предусматривающими наступление юридической ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение любой из сторон рассматриваемых правоотношений своих обязательств.

Актуальность данной проблематики обусловлена ее теоретической и практической значимостью. Объективные представления о недостатках правового регулирования контрактных правоотношений позволяют учитывать данный фактор при определении оптимальных способов их преодоления в процессе осуществления соответствующими компетентными органами повседневной правоприменительной деятельности, а также выработать наиболее приемлемые пути их устранения в рамках правотворческого процесса.

Принято считать, что контракт выступает одним из условий, обеспечивающих длительность и устойчивость правоотношений конфиденциального содействия [7, с. 190; 8, с. 25; 9, с. 193; 10, с. 232], позволяет детально определить и закрепить взаимоотношения сторон, условия и виды сотрудничества [7, с. 190; 8, с. 25], выполнение лицами, «располагающими большими разведывательными возможностями, а также способными систематически выполнять сложные задания по выявлению и раскрытию преступлений независимо от времени их выполнения» [11, с. 49], ведение активной разведывательно-поисковой деятельности [9, с. 193; 10, с. 232]. Схожей позиции придерживаются А.Ю. Крипулевич и А.В. Новиков [12, с. 728].

Не вызывает сомнений то, что данные выводы основаны на анализе практического опыта органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Кроме того, в п. 2.1 определения Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2014 г. N 2980-О также отмечается, что заключение контракта предполагает долгосрочное сотрудничество конфиденциально содействующих лиц с органами,

* Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. N 144-ФЗ: ред. от 29 дек. 2022 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 33. Ст. 3349; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

осуществляющими оперативно-розыскную деятельность*.

Вместе с тем необходимо акцентировать внимание на том, что представленные критерии не закреплены в нормативных предписаниях Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», вследствие чего являются оценочными, не имеющими императивного характера, безусловно определяющими выбор формы закрепления правоотношений между рассматриваемыми субъектами. Не случайно Конституционный Суд Российской Федерации, а также исследователи применительно к анализируемому фактору используют слова «предполагает» и «как правило». Даже признание того, что указанные характеристики (устойчивость, длительность и т.п.) в большей степени относятся к конфиденциально содействующим лицам на контрактной основе, не исключает соответствие всем перечисленным параметрам отношений, установленных органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, со значительным кругом лиц, оказывающих им помощь на условиях бесконтрактного негласного содействия.

Конечно, контракт может заключаться и при оказании конфиденциального содействия на разовой основе. Однако этот фактор не является принципиально значимым для анализируемой проблематики. Полагаем, что действенность правового механизма обеспечения надлежащего исполнения контрактных обязательств конфиденциально содействующим лицом не зависит или, как представляется, не должна зависеть от долгосрочности контрактных обязательств.

Правовые предписания, регламентирующие функционирование института конфиденциального содействия, закреп-

ленные в ч. 5 ст. 6, п. 2 ч. 1 ст. 15, ч. 4 ст. 16, ст.ст. 17 и 18, ч. 3 ст. 24 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», не дифференцируют содействующих лиц на какие-либо категории по критерию их допуска к подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий в зависимости от формы закрепления с ними конфиденциальных правоотношений. Отсутствие контракта не является юридическим препятствием для использования помощи указанных лиц при подготовке и проведении любого из оперативно-розыскных мероприятий, перечисленных в ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Идентичный подход используется и при закреплении в ч. 1 ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» общих обязанностей конфиденциально содействующих граждан. Лица, содействующие как на контрактной, так и на бесконтрактной основе, обязаны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также не вправе предоставлять заведомо ложную информацию органам, которым оказывается помощь на соответствующих условиях. Тем самым законодательство демонстрирует, что форма закрепления анализируемых правоотношений между компетентными органами и лицами, оказывающими им содействие на конфиденциальной основе, не имеет принципиального значения для определения допустимости их участия в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также возложения на лиц указанной категории общих обязанностей.

Отличие правового статуса лица, содействующего на контрактной основе, проявляется лишь в наличии дополнительных привилегий в сфере социально-правовой защиты, предусмотренных чч. 2, 6, 8 и 9 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Важным аспектом является закрепление в ч. 2 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» положения, в соответствии с которым государство гарантирует лицам, содействующим на контрактной основе, выполнение своих обязательств, предусмотренных контрактом. Акцент на этом особо значим

* Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дворянкина Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями части седьмой статьи 8, статьи 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 дек. 2014 г. N 2980-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в связи с тем, что в контракте могут быть определены обязанности, которые прямо не закреплены в нормах федеральных и ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих рассматриваемые правоотношения. Согласно ч. 1 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» лица, содействующие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, находятся под защитой государства. Причем в п. 2.1 определения Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2014 г. N 2980-О обращается внимание на то, что лица указанной категории находятся под защитой государства независимо от наличия или отсутствия контракта.

При любой форме закрепления отношений с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, на лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, распространяются положения, предусмотренные ч. 4 ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В то же время в ч. 2 ст. 18 данного закона конкретизируется, что государство гарантирует изъявившим согласие содействовать по контракту правовую защиту, связанную не только с правомерным выполнением общественного долга, но и с выполнением возложенных на них обязанностей. Как представляется, это не свидетельствует о том, что лица, содействующие на бесконтрактной основе, не имеют права на правовую защиту в порядке действия ч. 1 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в случае возникновения такой необходимости. Посредством закрепления в ч. 2 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» анализируемого предписания законодательно подтверждается, что правовые гарантии распространяются не только на обязательства перед содействующими лицами, которые возложены на государство федеральными и ведомственными нормативными правовыми актами, но и на обязательства, взятые им на себя в рамках заключенного контракта с лицами указанной категории.

В частях 6, 8 и 9 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплены социально-правовые гарантии содействующим по контракту

лицам, связанные с возможностью включения в трудовой стаж периода их сотрудничества с соответствующими компетентными органами, а также предусмотрены выплаты в случае гибели лиц указанной категории либо получения ими травмы, ранения, контузии, увечья, наступивших в связи с участием в проведении оперативно-розыскных мероприятий. Из формулировки ч. 5 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» следует, что получение содействующими лицами вознаграждений и других выплат не ставится в прямую зависимость от формы закрепления отношений конфиденциального содействия. В связи с этим данный фактор не является атрибутивным критерием контрактных правоотношений.

Исходя из вышеизложенного, закономерен вывод о том, что положения, закрепленные в чч. 2, 6, 8 и 9 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», выполняют прежде всего стимулирующую функцию, призванную заинтересовать физических лиц в оказании органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, помощи в борьбе с преступностью в рамках содействия на конфиденциальной основе. При этом предоставление указанных социально-правовых гарантий лицам, содействующим на контрактной основе, является своего рода компенсацией реальных и потенциальных издержек, продиктованных дополнительными обязательствами, которые берет на себя лицо, привлекаемое к конфиденциальному содействию на контрактной основе.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» содержит общие требования, регламентирующие рассматриваемые правоотношения. Полномочия конкретных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, перечень которых закреплен в ч. 1 ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», регулируются также нормами специальных законов и подзаконных актов. Анализ правовых норм, закрепленных в федеральных законах: от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»*, от 3 апреля

* См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

1995 г. N 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»*, от 27 мая 1996 г. N 57-ФЗ «О государственной охране»**, от 10 января 1996 г. N 5-ФЗ «О внешней разведке»*** и других нормативных правовых актов, не относящихся к категории документов ограниченного доступа, позволяет констатировать, что они не вносят значимых разъяснений, определяющих суть, содержание и особенности правоотношений конфиденциального содействия на контрактной основе, существенно дополняющих модель, сформулированную в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». Имеющиеся в них отличия носят частный характер и продиктованы спецификой целей и задач, поставленных законодателем перед соответствующими органами, их компетенцией и функциями.

В юридической литературе обращается внимание на то, что «процедуры заключения и исполнения контракта о сотрудничестве регламентируются носящими закрытый характер ведомственными нормативными актами» [7, с. 191]. Вследствие этого конфиденциально содействующие и привлекаемые к конфиденциальному содействию лица не могут быть ознакомлены с их содержанием, в том числе с предписаниями, регулируемыми контрактными правоотношениями. В условиях отсутствия прямого доступа к указанным правовым актам и невозможности удостовериться в законности содержания предлагаемого к заключению контракта о конфиденциальном содействии следует исходить из того, что нормы ведомственных нормативных правовых актов призваны детализировать и конкретизировать законы [13, с. 16, 29], «помогая тем самым созданию условий для реализации их предписаний, организационно обеспечивать реализацию положений норм законов» [14, с. 12, 17].

Таким образом, ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие рассматриваемые правоотношения, должны соответствовать духу и букве Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и иных выше-

указанных специальных законов, не подменяя закон и не расширяя «полномочия оперативно-розыскной службы» [15; 16, с. 18]. В связи с этим нормы ведомственных нормативных правовых актов, конкретизирующие положения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» о контрактных правоотношениях, должны соответствовать предусмотренным им принципам и подходам: добровольность конфиденциального содействия; отсутствие дифференциации конфиденциально содействующих лиц на основании критерия их допуска к подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий; запрет на привлечение отдельных категорий лиц к конфиденциальному содействию на контрактной основе; использование помощи конфиденциально содействующих лиц исключительно в целях, поставленных перед компетентными органами, и т.п.

Как отмечает А.Ю. Шумилов, в современной оперативно-розыскной деятельности правовые нормы содержатся и в оперативно-розыском контракте [17, с. 68]. Его заключение влечет юридически значимые последствия для обеих сторон [18, с. 51]. А.В. Федоров и А.В. Шахматов указывают, что «перечень контрактных условий определяется индивидуально и зависит от характера выполняемой работы, личных и деловых качеств лица, принимающего обязательство оказывать содействие» соответствующим компетентным органам, «его реальных возможностей участвовать в оперативно-розыскных мероприятиях» [7, с. 190]. Как правило, в контракте фиксируются сроки сотрудничества, права и обязанности сторон, характер, форма и размер вознаграждения, меры социальной и правовой защиты и т.п. [7, с. 190; 19, с. 86]. Особая значимость контракта состоит в том, что в нем могут оговариваться специальные условия и требования сотрудничества [7, с. 190; 9, с. 193]. Тем не менее необходимо констатировать, что контракт (как и ведомственные нормативные правовые акты) призван лишь детализировать и конкретизировать параметры устанавливаемых между сторонами конфиденциальных правоотношений, соответствуя при этом регламентирующим их законодательным актам.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 15. Ст. 1269.

** Там же. 1996. N 22. Ст. 2594.

*** Там же. N 3. Ст. 143.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что принципиальное отличие контрактного содействия от бесконтрактного состоит не в самой возможности закрепления в контракте дополнительных прав и обязанностей сторон. Границы социально-правовых обязательств государства перед конфиденциально содействующим лицом не меняют принципиально роль и место лиц указанной категории в правовом механизме регулирования их участия в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий. В соответствии с ч. 5 ст. 6, п. 2 ч. 1 ст. 15 и ч. 1 ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» оказание помощи соответствующим компетентным органам осуществляется исключительно с согласия привлекаемого к содействию на конфиденциальной основе лица, то есть на добровольных началах. На этом акцентируется внимание и в юридической литературе. Как справедливо отмечает А.В. Шахматов, содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, является правом лица, а не его обязанностью [8, с. 10]. Следует отметить, что участие в подготовке или проведении конкретного оперативно-розыскного мероприятия возможно только при наличии согласия на это содействующего лица, то есть на добровольном основании. Отказ лица, содействующего на бесконтрактной основе, в силу каких-либо причин от участия в подготовке или проведении какого-либо оперативно-розыскного мероприятия не является нарушением обязательств, предусмотренных ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Несмотря на согласие оказывать помощь на указанных условиях, непосредственное участие в подготовке и проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий остается правом содействующего лица, а не его обязанностью.

Значимость контракта состоит в том, что заключение подобного соглашения предполагает документальную фиксацию не только прав, но и обязанностей сторон, неисполнение или ненадлежащее исполнение которых влечет наступление юридических последствий. Как следствие, лицо, привлекаемое к содействию, при заключении контракта добровольно берет на себя

обязательство участвовать в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий. В этом случае участие в их подготовке и проведении является уже не только правом лица, содействующего на контрактной основе, но и обязанностью, неисполнение которой представляет собой прямое нарушение контрактных обязательств.

Полагаем, что только признание указанной логической схемы в качестве важнейшей составляющей основы контрактной формы закрепления правоотношений между органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и лицами, привлекаемыми к содействию им на конфиденциальной основе, объясняет наличие юридического смысла контракта, значимость которого выходит за пределы фиксации исключительно социально-правовых гарантий. Кроме того, только в этом случае становится понятной обоснованность закрепления в ч. 3 ст. 17 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» правовых ограничений в виде запрета на привлечение отдельных категорий лиц к конфиденциальному содействию на контрактной основе.

Полноценное функционирование данной модели регулирования анализируемых правоотношений возможно лишь при наличии правового механизма обеспечения действительности контрактных обязательств конфиденциально содействующим лицом, который предусматривал бы неотвратимость наступления для него юридически значимых последствий в виде юридической ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение указанной стороной взятых на себя обязательств.

Случаи, связанные с привлечением к юридической ответственности конфиденциально содействующего лица за совершение преступных деяний (разглашение сведений, ставших известными при оказании содействия, предоставление компетентным органам заведомо ложной информации и т.п.), не являются предметом рассмотрения настоящей статьи. Эффективность соответствующих контрактных обязательств обеспечивается наличием административной и уголовной ответственности за совершение подобных

действий. В контексте проводимого исследования представляет интерес правовой механизм обеспечения безусловного выполнения лицами указанной категории контрактных обязательств, связанных с их непосредственным участием в подготовке и проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий.

Анализ нормативных правовых актов, регламентирующих рассматриваемые правоотношения, позволяет усомниться в эффективности данного механизма. К существующим инструментам воздействия на конфиденциально содействующее лицо при невыполнении им или ненадлежащем выполнении взятых на себя контрактных обязательств можно отнести расторжение контракта по инициативе компетентного органа, а также отказ в выплате финансового вознаграждения, осуществление которой зависит от результатов выполнения лицами указанной категории обязанностей. Однако, как правило, в оказании помощи конкретным лицом на конфиденциальной основе заинтересованы прежде всего органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность. В этих условиях для основной массы конфиденциально содействующих лиц, не зависящих от оплаты оказываемой помощи, а также не заинтересованных в признании периода такого сотрудничества в качестве основного рода занятий для его включения в трудовой стаж, расторжение контракта не является неприемлемым фактором. В свою очередь, перспектива утраты постоянного или периодического финансового вознаграждения имеет принципиальное значение преимущественно для лиц, для которых оно является единственным или значимым источником их материального благополучия. Как следствие, в силу крайней избирательности оказываемого влияния неоправданно рассматривать указанные меры воздействия в качестве универсальных правовых способов, перспективы применения которых для большинства конфиденциально содействующих лиц достаточно для безусловного выполнения ими взятых на себя контрактных обязательств.

В случае обращения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в судебную инстанцию суд

вправе рассмотреть вопрос о нарушении второй стороной контрактных обязательств, признать факт уклонения от их исполнения, но не сможет обязать конфиденциально содействующее лицо без его согласия принимать непосредственное участие в подготовке и проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий. Иных реальных правовых инструментов принуждения лиц рассматриваемой категории к соблюдению контрактных обязательств нет.

Теоретически ситуация может быть изменена. В частности, достаточно предусмотреть закрепление в правовых нормах возможность реального привлечения конфиденциально содействующего лица к административной и уголовной ответственности за невыполнение или ненадлежащее исполнение контрактных обязательств в зависимости от тяжести наступивших вследствие этого последствий. Однако полагаем, что это приведет к негативным результатам, связанным с сокращением количества лиц, готовых на указанных условиях оказывать помощь на конфиденциальной контрактной основе соответствующим компетентным органам. В связи с этим корректировка в рамках правотворческого процесса правового механизма регулирования конфиденциальных правоотношений, направленная на усиление юридической ответственности конфиденциально содействующих лиц за неисполнение контрактных обязательств, не представляется эффективной и наиболее приемлемой.

Другой вариант предполагает отказ от принципа добровольности оказания содействия на конфиденциальной основе. Однако подобный подход, по сути, представляет собой революционный шаг для сферы правового регулирования правоотношений конфиденциального содействия, так как основывается на том, что оказание помощи на конфиденциальной основе соответствующим компетентным органам является обязанностью, а не правом, как это установлено в действующем отечественном законодательстве. Представляется, что целесообразность радикальных изменений правовой основы функционирования института конфиденциального содействия отсутствует. Данное утверждение основано

на том, что и в этом случае не гарантировалось бы надлежащее исполнение контрактных обязательств конфиденциально содействующим лицом, которое способно компенсировать фактор применения подобного механизма принуждения недобросовестностью выполнения возлагаемых на него обязанностей.

В условиях столь ограниченного инструментария воздействия на конфиденциально содействующих лиц, не выполняющих контрактные обязательства, не только предусмотренного отечественным законодательством, но и теоретически имеющего перспективу нормативного закрепления, создание эффективного правового механизма обеспечения контрактных обязательств лицами указанной категории представляется крайне затруднительным, если вообще возможным.

Принимая во внимание вышеизложенное, полагаем, что данная проблема может быть решена не столько посредством правотворчества, сколько путем организации работы и выбора тактики выстраивания отношений с лицами, привлеченными к конфиденциальному содействию. Уровень психологического контакта между субъектами рассматриваемых правоотношений должен позволять должностным лицам органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, использовать методы убеждающего воздействия в качестве способа усиления у конфиденциально содействующего лица осознания личной моральной ответственности за надлежащее выполнение взятых на себя контрактных обязательств.

Следует отметить, что указанный метод не представляется безусловно действенным. Потенциал данного инструмента состоит не в принуждении, а в возможности призвать конфиденциально содействующих лиц к соблюдению контрактных обязательств. Его использование не гарантирует безусловное выполнение этими лицами взятых на себя контрактных обязательств. Тем не менее на фоне неопределенности перспективы выработки правового инструментария воздействия на лиц указанной категории с целью достижения неукоснительного соблюдения ими контрактных обязательств, а также проблематичности выработки такого право-

вого механизма метод убеждения является если не единственным, то основным средством влияния на конфиденциально содействующих лиц в рассматриваемых обстоятельствах.

Неукоснительное соблюдение конфиденциально содействующим лицом контрактных обязательств не препятствует проявлению им инициативы при выполнении задания (поручения). Необходимо лишь понимание того, что инициатива должна быть разумной, так как последствия ее проявления могут квалифицироваться как результат не только нарушения контрактных обязательств, но и совершения действий, содержащих признаки противозаконных деяний. Кроме того, такая инициатива может исходить от лиц, содействующих полномочным компетентным органам как на контрактной, так и на бесконтрактной основе. В свою очередь, признание допустимости проявления разумной инициативы при выполнении конфиденциально содействующим лицом задания не противоречит необходимости выработки инструментария, призванного обеспечить надлежащее выполнение лицами указанной категории контрактных обязательств. Как представляется, использование метода убеждения в качестве средства воздействия (влияния) на конфиденциально содействующее лицо в этих целях менее всего препятствует проявлению подобной инициативы.

Таким образом, при существующем правовом механизме обеспечения надлежащего выполнения контрактных обязательств субъектом рассматриваемых правоотношений контракт о конфиденциальном содействии в действительности не является правовым инструментом, способным реально ограничить свободу воли конфиденциально содействующего лица при принятии им решения об участии в подготовке и проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий. Решение проблемы неукоснительного соблюдения лицами указанной категории обязанностей, предусмотренных контрактом, видится в плоскости организационно-тактических мер, нацеливающих правоприменителя на достижение соответствующего результата посредством методов убеждения. Понимая неоднозначность данного подхода, пола-

гаем целесообразным вынести рассматриваемую тематику на обсуждение научного сообщества. Особый интерес представляет оценка перспектив создания правовой модели, предусматривающей эффективные правовые инструменты воздействия на конфиденциально содействующих лиц,

которые обеспечивали бы надлежащее исполнение ими контрактных обязательств, а также объективной необходимости и приемлемости применения методов правового принуждения к лицам указанной категории в силу специфики института конфиденциального содействия.

Список источников

1. Луговик С.В. Контракт или трудовой договор: проблемы правового регулирования труда лиц, конфиденциально сотрудничающих с органами внутренних дел // *Полицейское право*. 2007. N 1. С. 188-194.
2. Матвеев С.П. К вопросу о правовой природе контракта в сфере ОРД // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2007. N 1. С. 82-87.
3. Черкашин А.В. Некоторые проблемы правового регулирования содействия граждан органам внутренних дел // *Вестник Дальневосточного юридического института МВД России*. 2012. N 2. С. 64-69.
4. Крипулевич А.Ю. Контракт о негласном сотрудничестве лиц с оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы: гражданско-правовой аспект // *Вестник Удмуртского университета*. Сер.: Экономика и право. 2016. Т. 26. Вып. 5. С. 113-118.
5. Крипулевич А.Ю., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Контракт как вид соглашения в оперативно-розыскной деятельности // *Вопросы российского и международного права*. 2018. Т. 8. N 3А. С. 166-172.
6. Железняк И.Н. Проблемы юридической квалификации взаимоотношений лиц, заключивших контракт о конфиденциальном сотрудничестве с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // *Вестник Кузбасского института*. 2020. N 3. С. 149-157.
7. Федоров А.В., Шахматов А.В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2005. 338 с.
8. Шахматов А.В. Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности (теоретико-правовое исследование российского опыта): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2005. 39 с.
9. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2017. 712 с.
10. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: учеб. пособие / под ред. Н.В. Павличенко. Москва: Акад. управления МВД России, 2022. 280 с.
11. Алферов В.Ю., Гришин А.И., Ильин Н.И. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие для студентов / под общ. ред. В.В. Степанова. 3-е изд., испр. и доп. Саратов: Саратовский социально-экономический ин-т (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. 296 с.
12. Крипулевич А.Ю., Новиков А.В. К вопросу о юридической природе контракта о содействии лиц оперативным подразделениям уголовно-исполнительной системы // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. N 2-2. С. 728-732.
13. Арзамасов Ю. Г. Ведомственный нормотворческий процесс в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2004. 42 с.
14. Арзамасов Ю.Г., Арзамасов В.Ю. Проблема гарантий законности ведомственных нормативных правовых актов // *Вестник Московского государственного областного университета*. Сер.: Юриспруденция. 2017. N 4. С. 8-21.
15. Басков В.И. Комментарии к законодательству об оперативно-розыскной деятельности и органах ФСБ // *Вестник Московского университета*. Сер. 11, Право. 1998. N 2. С. 24-37.
16. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности и судебная практика в сфере ее осуществления: хрестоматия / авт.-сост. Е.Л. Никитин, Г.В. Дытченко, Д.М. Плугарь; рук. авт. кол. Е.Л. Никитин. Санкт-Петербург: С.-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. 228 с.
17. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации: монография: в 3 т. Т. I: Оперативно-розыскная деятельность и формирование науки о ней. Москва: Издат. дом Шумиловой И.И., 2013. 455 с.
18. Шумилов А.Ю. Основы оперативно-розыскной деятельности. Модуль 2: Субъекты в оперативно-розыскной деятельности. Москва: Российский новый ун-т (РосНОУ), 2006. 97 с.
19. Лапин Е.С. Оперативно-розыскная деятельность: курс правовых и теоретических основ. Москва: Юрлитинформ, 2010. 224 с.

References

1. Lugovik S.V. Contract or labor agreement: problems of legal regulation of labor of persons who confidentially cooperate with internal affairs bodies. Police law, 2007, no. 1, pp. 188-194. (In Russ.).
2. Matveev S.P. On the legal nature of the contract in operational-search activities. Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2007, no. 1, pp. 66-70. (In Russ.).
3. Cherkashin A.V. Some problems of legal regulation of assistance of citizens to internal affairs bodies. Bulletin of the Far Eastern Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012, no. 2, pp. 64-69. (In Russ.).
4. Kripulevich A.Yu. Contract of tacit cooperation between individuals and the operational units of the criminal-executive system: civil legal aspect. Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law, 2016, vol. 26, no. 5, pp. 113-118. (In Russ.).
5. Kripulevich A.Yu., Novikov A.V., Slabkaya D.N. Contract as a type of agreement in operational-search activities. Questions of Russian and International Law, 2018, vol. 8, no. 3A, pp. 166-172. (In Russ.).
6. Zheleznyak I.N. Problems of the legal qualification of the relationship of persons who have concluded a contract on confidential cooperation with the bodies carrying out operational-search activities. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020, no. 3, pp. 149-157. (In Russ.).
7. Fedorov A.V., Shakhmatov A.V. Legal regulation of the assistance of citizens to bodies carrying out operational-search activities. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2005. 338 p. (In Russ.).
8. Shakhmatov A.V. Undercover work in operational-search activities (theoretical and legal study of the Russian experience). Autoabstract Doct. Diss. St. Petersburg, 2005. 39 p. (In Russ.).
9. Theory of operational-search activity. Moscow, INFRA-M Publ., 2017. 712 p. (In Russ.).
10. Commentary on the Federal Law "On operational-search activity". Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 280 p. (In Russ.).
11. Kripulevich A.Yu., Novikov A.V. To the question of the legal nature of a contract for assistance of persons operational units of the criminal-executive system. Modern problems of science and education, 2015, no. 2-2, pp. 728-732. (In Russ.).
12. Alferov V.Yu., Grishin A.I., Ilyin N.I. Legal basis of operational investigative activities manual for students. Saratov, 2016. 296 p. (In Russ.).
13. Arzamasov Yu.G. Departmental rule-making process in the Russian Federation. Autoabstract Doct. Diss. Moscow, 2004. 42 p. (In Russ.).
14. Arzamasov Yu.G., Arzamasov V.Yu. The Problem of Guarantees of the Legality of Departmental Normative Legal Acts. Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence, 2017, no. 4, pp. 8-21. (In Russ.).
15. Baskov V.I. Comments on the legislation on operational investigative activities and the bodies of the Federal Security Service. Bulletin of the Moscow University. Series 11, Right, 1998, no. 2, pp. 24-37. (In Russ.).
16. Nikitin E.L., Dytchenko G.V., Plugar' D.M. Legal regulation of operational-investigative activities and judicial practice in the field of its implementation. St. Petersburg, St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2014. 228 p. (In Russ.).
17. Shumilov A.Yu. Operational-investigative science in the Russian Federation, In 3 volumes. Vol. I: Operative-search activity and the formation of a science about it. Moscow, Shumilova I.I. Publishing House, 2013. 455 p. (In Russ.).
18. Shumilov A.Yu. Fundamentals of operational-search activity. Module 2: Subjects in operational-search activity. Moscow, Russian New University (RosNOU), 2006. 97 p. (In Russ.).
19. Lapin E.S. Operative-search activity: a course of legal and theoretical foundations. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010. 224 p. (In Russ.).

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

Научная специальность: 5.1.1

Лингвистический аспект юридико-технического совершенствования правоприменительных актов органов внутренних дел

Юлия Алексеевна Никонова,

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, nikonovayu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5410-8442>

Аннотация. Статья посвящена вопросам юридико-технического совершенствования правоприменительных актов органов внутренних дел в контексте их качественного лингвистического обеспечения. Отмечается зависимость эффективности правового регулирования от качества и технического совершенства издаваемых индивидуальных правовых актов. Подчеркивается актуальность и междисциплинарный характер проводимого исследования. Указываются особенности правоприменительной техники. Рассматриваются языковые требования, предъявляемые к подготовке проектов нормативных правовых актов МВД России и документов, образующихся в деятельности органов внутренних дел, а также виды юридико-лингвистических ошибок, допускаемых в правовых текстах. Делается вывод о том, что содержание этих языковых требований является актуальным и для подготовки правоприменительных актов в силу поднормативного характера последних и их подверженности влиянию специфических правил делопроизводства и документооборота. Приводятся примеры юридико-лингвистических ошибок, допускаемых в конкретных видах правоприменительных актов органов внутренних дел. Автор приходит к заключению о том, что качественное лингвистическое обеспечение правоприменительных актов органов внутренних дел играет большую роль в вопросах их юридико-технического совершенствования.

Ключевые слова: правоприменительный акт, правоприменительная техника, юридико-техническое совершенствование, правила правоприменительной техники, лингвистическое обеспечение, юридико-лингвистическая ошибка

Для цитирования: Никонова Ю.А. Лингвистический аспект юридико-технического совершенствования правоприменительных актов органов внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 4 (66). С. 96-103.

Linguistic aspect of juridical-technical improvement of law enforcement acts of internal affairs bodies

Yulia A. Nikonova,

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, nikonovayu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5410-8442>

Abstract. The issues of juridical-technical improvement of law enforcement acts of internal affairs bodies in the context of their qualitative linguistic support are considered. The dependence between the legal regulation effectiveness and the quality and technical improvement of issued individual legal acts is noted. The relevance and interdisciplinary nature of the study is emphasized. The features of juridical techniques of law enforcement acts are indicated. The linguistic requirements for drafting of both regulatory legal acts of the MIA of Russia and documents generated in the internal affairs bodies' activities, as well as types of juridical-linguistic errors made in the legal texts are considered. The content of such linguistic requirements is concluded to be relevant to law enforcement acts drafting due to their sublegislative nature and subordination to recordkeeping and document management rules. Some examples of juridical-linguistic errors made in specific kinds of law enforcement acts of internal affairs bodies are given. It is argued that qualitative linguistic support of law enforcement acts studied plays an important role in their juridical-technical improvement.

Keywords: law enforcement act, juridical techniques of law enforcement acts, juridical-technical improvement, linguistic rules of juridical techniques of law enforcement acts, linguistic support, juridical-linguistic error

For citation: Nikonova Yu.A. Linguistic aspect of juridical-technical improvement of law enforcement acts of internal affairs bodies // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 4 (66). P. 96-103.

Правоприменительная деятельность, приобретающая новый облик в контексте направленности на обеспечение надежной правовой защищенности личности, непосредственно связана с совершенствованием механизма правового регулирования. При этом существенную роль в механизме правового регулирования играют индивидуальные правовые акты в целом и правоприменительные акты в частности, являющиеся важным и необходимым средством реализации предписаний правовых норм. В рамках исследования юридической техники правоприменительных актов А.А. Тенетко отмечает, что эффективность правового регулирования зависит не только от количества и содержания правовых актов, но и от их технического совершенства [1, с. 3]. И.В. Колесник добавляет, что эффективность правового регулирования помимо этого зависит и от правоприменительной деятельности, техники применения властными субъектами юридических норм [2, с. 337].

Относительно технического совершенства правовых актов А.А. Тенетко указывает на то, что различного рода дефекты в индивидуальных правовых актах могут затруднять их реализацию, порождать бюрократизм в правовой деятельности, что, в свою очередь, способно привести к нарушению законности в целом и ущемлению прав и законных интересов граждан в частности. Он рассматривает овладение системой требований, предъявляемых к процессу их подготовки и вынесения, как одно из важнейших условий повышения качества правовых актов [1, с. 3].

Поскольку эффективность правового регулирования находится в непосредственной зависимости от технического совершенства индивидуальных правовых актов, на первый план выдвигаются юридико-технические вопросы их подготовки, включая языко-правовые вопросы юридико-технической подготовки различных

видов правоприменительных актов, в том числе вопросы их лингвистического обеспечения. В связи с этим рассмотрение и изучение лингвистического аспекта юридико-технического совершенствования правоприменительных актов вообще и правоприменительных актов органов внутренних дел в частности является актуальным и востребованным.

Следует заметить, что исследование вопросов лингвистического обеспечения правоприменительных актов является междисциплинарным и проводится на стыке языка и права. По этой причине особую важность в данном контексте приобретает такой метод научного познания, как экстраполяция. Иными словами, значимость имеют как лингвистические, так и юридические научные изыскания, связанные с предметом настоящей статьи.

В связи с этим целесообразно обратиться к рассмотрению особенностей функционирования русского языка в юридической сфере. Прежде всего необходимо отметить, что внешнее выражение право находит в правовых актах, при этом любая мысль (законодателя, правоприменителя) имеет языковое оформление. С лингвистической точки зрения правовой текст составляется средствами юридического языка, который, являясь разновидностью русского литературного (то есть нормированного) языка, функционирует в рамках официально-делового стиля и «обслуживает» сферу правовых отношений. Примечательно, что существует отдельное направление юрислингвистики – юридико-лингвистическая герменевтика – занимающееся изучением устройства, функционирования юридического языка, особенностей восприятия и понимания юридических текстов [3, с. 30].

При этом следует указать, что к основным особенностям юридического языка относятся императивность (долженствующе-предписывающий характер), официаль-

ность, стандартизованность, объективность, точность и краткость (лаконичность) изложения. Они лежат в основе соответствующих требований, предъявляемых к составлению текстов правовых актов. Вместе с тем официально-деловой стиль подразумевает и соблюдение норм современного русского литературного языка, поэтому различного рода языковые ошибки в текстах правовых актов недопустимы.

Соблюдение в текстах правовых актов норм современного русского литературного языка находит законодательное закрепление. В связи с этим следует отметить положения Федерального закона от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»*, содержащиеся:

– в пункте 1 ч. 1 ст. 3, закрепляющем обязательное использование русского языка как государственного языка Российской Федерации в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе в деятельности по ведению делопроизводства;

– частях 3 и 6 ст. 1, изложенных в редакции Федерального закона от 28 февраля 2023 г. N 52-ФЗ**. Например, ч. 3 ст. 1 *предписывает* при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации в сферах, определенных данным законом, *соблюдение норм современного русского литературного языка*. При этом в текст данной части были внесены существенные изменения – добавлено определение понятия норм современного литературного языка: это правила использования языковых средств, зафиксированные в нормативных словарях, справочниках и

грамматиках (утверждаемых Правительством Российской Федерации). Также подверглась изменению ч. 6 ст. 1, в новой редакции ее положения устанавливают следующее: *не допускается* при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации *употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани)*.

Таким образом, данные правовые нормы предписывают недопущение нарушения языковых норм в указанных сферах. По мнению Н.В. Белоконов, к искажению смысла правовой нормы или появлению возможности двоякого толкования может привести нарушение таких языковых норм, как, например, употребление слов без учета их лексического значения и лексической сочетаемости, неверно выбранный порядок слов, неправильное обособление причастных оборотов [4, с. 111].

Переходя из лингвистической плоскости в юридическую, необходимо уделить внимание специфике правоприменительной техники и рассмотреть ее правила. Так, особенность правоприменительной техники обусловлена поднормативным (подзаконным) характером правоприменительных актов. А.А. Тенетко при этом отмечает влияние специфических правил делопроизводства и документообращения и использование большего числа языковых средств, чем это принято в юридической технике правотворчества. Он считает, что большое место в анализе юридической техники правоприменительного акта должны занимать характеристики соблюдаемых и используемых языковых норм [1, с. 7]. В юридической литературе указывается на то, что средства и приемы правоприменительной юридической техники, особенности их использования в тексте правоприменительного акта подчинены требованиям, предъявляемым к применению права и его результату (законность, обоснованность, справедливость и целесообразность) и специфике применения права [6, с. 525-527].

Под правилами правоприменительной техники, согласно определению А.С. Логинова, понимаются предъявляемые к способам и средствам правоприменительной техники требования, как

* О государственном языке Российской Федерации: федер. закон от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ; ред. от 28 февр. 2023 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. N 23. Ст. 2199; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»: федер. закон от 28 февр. 2023 г. N 52-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

получившие нормативное закрепление в юридических нормах, так и не имеющие такового [5, с. 7]. Все правила, используемые в рамках правоприменительной юридической техники, можно разделить на правила русского языка, правила логики, правила делопроизводства, правила юридические [6, с. 534]. А.С. Логинов, в свою очередь, выделяет правила лингвистические, логические и нормативные [5, с. 16].

В рамках настоящей статьи особый интерес представляют языковые (лингвистические) правила правоприменительной техники. Они подразумевают составление текста правоприменительного акта с соблюдением норм современного русского литературного языка, то есть стилистических, правописных (орфографических и пунктуационных), грамматических (словообразовательных, морфологических и синтаксических), лексических.

Обращаясь к рассмотрению языковых требований, предъявляемых к составлению текстов правоприменительных актов органов внутренних дел, следует отметить, что разработан ряд методических рекомендаций по юридико-техническому оформлению законопроектов, проектов актов Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, муниципальных нормативных правовых актов. Однако отсутствуют отдельные методические рекомендации по подготовке правоприменительных актов органов внутренних дел, которые учитывали бы специфику юридико-технического оформления, в частности лингвистический аспект, различных видов таких правоприменительных актов.

В связи с поднормативным характером таких правовых актов и их подверженностью влиянию правил делопроизводства и документообращения актуальными для их подготовки на данный момент являются как требования, предъявляемые к подготовке проектов нормативных правовых актов МВД России, так и требования к подготовке документов, образующихся в деятельности органов внутренних дел. Следует рассмотреть языковые аспекты указанных требований.

Например, в Правилах подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России, утвержденных

приказом МВД России от 27 июня 2003 г. N 484*, можно выделить следующие языковые правила:

– текст проекта нормативного правового акта излагается с соблюдением правил русского языка, доступно и просто, по возможности короткими фразами; не допускается употребление многозначных слов и выражений, образных сравнений, эпитетов, метафор с целью исключения неоднозначного понимания норм и предписаний в тексте проекта (п. 67);

– текст проекта нормативного правового акта не должен содержать общие, абстрактные формулировки, не допускается использование в нем таких сокращений, как «и т.д.», «и т.п.» (п. 68);

– используемые в проекте нормативного правового акта термины должны употребляться только в одном значении и в соответствии с терминологией, принятой в законодательных и иных нормативных правовых актах Российской Федерации (п. 69).

Инструкция по делопроизводству в органах внутренних дел, утвержденная приказом МВД России от 20 июня 2012 г. N 615** (далее – Инструкция), устанавливает требования к подготовке, обработке, текущему хранению и использованию документов, образующихся в деятельности органов внутренних дел. В Инструкции содержатся языковые требования к составлению таких документов:

– документ должен быть написан официально-деловым стилем (п. 22.2);

– изложение документа должно быть логичным, кратким и точным, исключающим неоднозначное толкование (п. 22.3);

– применяемые термины должны соответствовать терминологии, используемой в законодательных и иных нормативных правовых актах Российской Федерации и нормативных правовых актах МВД России, и употребляться в одном и том же значении (п. 22.4).

* Правила подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России: утв. приказом МВД России от 27 июня 2003 г. N 484: ред. от 1 авг. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел: приказ МВД России от 20 июня 2012 г. N 615: ред. от 20 сент. 2022 г. // Там же.

Очевидно, что основной акцент в языковом обеспечении подготавливаемых проектов нормативных правовых актов и документов делается на соблюдении норм современного русского литературного языка, в частности стилистических норм, а также лексических норм, подразумевающих правила отбора, сочетания и употребления слов в речи и являющихся условием ее точности и правильности. Отсюда следует вывод о том, что содержание языковых правил правоприменительной техники можно интерпретировать через содержание языковых правил правотворческой техники и правил делопроизводства, вследствие чего языковые правила правоприменительной техники будут «шире» и объемнее.

Рассмотрение языковых требований, предъявляемых к подготовке проектов различного рода правовых актов, логично осуществлять вместе с анализом языковых ошибок, которые могут быть допущены в правовых текстах при нарушении языковых норм. Такого рода ошибки называются юридиколо-лингвистическими. Определение понятия «юридиколо-лингвистические ошибки» приведено в практическом пособии «Мониторинг нормотворческого процесса органов местного самоуправления с иллюстрацией типичных нарушений правил юридической техники на конкретных примерах» [7, с. 59], однако там они также рассматриваются в контексте их совершения и выявления в текстах нормативных правовых актов. Однако такого же рода ошибки могут быть допущены и допускаются и в текстах правоприменительных актов, поэтому, по нашему мнению, понятие «юридиколо-лингвистические (языковые) ошибки» употребимо и в контексте рассмотрения и анализа текстов правоприменительных актов.

Так, к юридиколо-лингвистическим ошибкам предлагается относить стилистические, орфографические, синтаксические ошибки. Выделяются следующие виды таких ошибок: несоблюдение логики изложения текста, смешение стилей языка; наличие лексической несовместимости слов и словосочетаний; нарушение правил связи слов в предложениях; произвольное использование юридических специальных терминов, использование новых не-

известных терминов в нормативных актах; использование сокращений в тексте нормативного акта без раскрытия их содержания в тексте [7, с. 59].

В методических рекомендациях по оформлению проектов нормативных правовых актов и служебных документов [8] (далее – Рекомендации), подготовленных в 2022 году Договорно-правовым департаментом МВД России, в разделах «Памятка по применению правил русского языка с учетом юридической техники» и «Обзор ошибок при подготовке проектов документов» более подробно разъясняются аспекты основных языковых правил, соблюдение которых обязательно при подготовке проектов нормативных правовых актов и служебных документов (орфографические, пунктуационные, стилистические, лексические, синтаксические), а также приводятся примеры часто допускаемых в правовых текстах ошибок, связанных с нарушением норм современного русского литературного языка. Представляется, что приведенные в Рекомендациях виды языковых ошибок актуальны и для текстов правоприменительных актов. Среди них выделяются следующие:

1. Ошибки, связанные с нарушением норм орфографии, среди которых указываются ошибки при обозначении графических сообщений, чисел и дат, ошибки при написании строчных и прописных букв, падежных окончаний существительных, ошибки при написании слов (слитно, раздельно, через дефис), при согласовании главных членов предложения и другие.

2. Ошибки, связанные с нарушением пунктуационных норм, проявляющиеся либо в отсутствии необходимого знака препинания, либо в постановке необоснованных правилами пунктуации знаков препинания.

3. Ошибки, связанные с нарушением стилистических норм, к коим причислены нарушения лексической и грамматической сочетаемости, нарушение норм употребления деепричастных оборотов, искажение устойчивого сочетания вследствие «ложного лаконизма», нарушение норм употребления производных предлогов «с целью» и «в целях» с глаголами и отглагольными существительными; речевое излишество (плеоназм) [8, с. 100-105].

Однако перечисленные в последнем пункте виды языковых ошибок относятся к нарушениям не только стилистических норм. Например, нарушение норм употребления деепричастных оборотов является следствием несоблюдения норм синтаксических; вместе с тем нарушение лексической сочетаемости, речевое излишество, искажение устойчивого сочетания происходит в результате несоблюдения норм словоупотребления (то есть лексических). В связи с этим данный пункт требует корректировки и уточнения в лингвистическом отношении в плане соотношения вида ошибки с той языковой нормой, вследствие нарушения которой эта ошибка допускается.

Также следует обратить внимание еще на одно требующее корректировки предложение, содержащее рекомендацию обращаться для проверки правильности употребления грамматических форм слов к *орфоэпическим словарям* [8, с. 105]. Однако орфоэпический словарь отражает норму произношения и постановки ударения, к нему необходимо обращаться при проверке правильности произношения слов, а не правильности их написания или употребления в той или иной форме.

Далее следует привести некоторые примеры юридико-лингвистических ошибок, которые допускаются в текстах правоприменительных актов органов внутренних дел (постановление о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и иные постановления по уголовному делу; определение об отказе в возбуждении дела об административном нарушении, постановление по делу об административном правонарушении и др.).

1. Ошибки, вызванные нарушением норм орфографии: **приступный** умысел (правильно: преступный), в **течении** установленного срока (правильно: в течение), по **прибытию** на место происшествия (правильно: по прибытии), согласно **статьи** / **пункта** / **приказа** (правильно: согласно (чему?) статье, пункту, приказу), наличие **не погашенной** / **не снятой** судимости (правильно слитное написание), с 2021 по 2023 **годы** (правильно: с 2021 по 2023 год), **в близи** дома, **в виду** сложив-

шихся обстоятельств (правильно слитное написание предлогов), **в следствии** неявики (правильно: вследствие) и др.

2. Ошибки, вызванные нарушением лексических норм: за ... период **времени** (правильно: за ... период), **благодаря** халатности (правильно: в результате / по причине халатности), **помещения** центра занимают подвальные **помещения** (правильно: центр располагается в подвальном помещении); стал **пинать ногами** (правильно: наносить удары ногами); заявление, зарегистрированное в **книге КУСП** (правильно: в КУСП), и др.

3. Ошибки, вызванные нарушением грамматических норм (морфологических и синтаксических), например, ошибки согласования в словосочетании: отдел полиции N 3 УМВД России по **г. Курган** (правильно: по г. Кургану), находясь в качестве пассажира в автобусе, **движущегося** по маршруту (правильно: в автобусе, движущемся); ошибки при склонении числительных: административный штраф в размере **пятиста** рублей (правильно: пятисот). Также частотны ошибки при построении предложений с деепричастным оборотом: Окружив со всех сторон потерпевшего, **нападавшими были нанесены удары** с использованием палок (правильно: нападавшие нанесли удары).

4. Ошибки, вызванные нарушением пунктуационных норм, являются частотными. Например, ошибки при указании адреса – здесь необходимо помнить, что при написании адреса в порядке от большего к меньшему элементы адреса отделяются друг от друга запятой, а при написании адреса в порядке от меньшего к большему – запятые не ставятся (правильно так: проживающий по адресу: г. Тюмень, ул. Мира, д. 33, кв. 777; у дома N 4 по ул. Мира г. Тюмени). Ошибки в постановке знаков препинания при использовании уточняющей фразы с указанием даты рождения гражданина: Гражданка Семенова В.А. **15.03.1987 г.р.** проживает по адресу ... – информация подобного рода имеет уточняющее значение, поэтому в предложении должна обособляться. Вместе с тем довольно частотны пунктуационные ошибки в простых предложениях, осложненных причастными и деепричастными оборотами, и в сложных предложениях.

Следует констатировать, что нарушения норм современного русского литературного языка в текстах правоприменительных актов разнообразны и частотны. Их наличие сказывается на качестве подготовки таких актов, в частности на качестве их лингвистического обеспечения. Ведь качество правовых актов зависит не только от их грамотного юридико-технического оформления, но и в достаточной мере от их лингвистической корректности. Полагаем, что точное соблюдение рассмотренных выше требований к языку подготавливаемых правоприменительных актов будет способствовать повышению их юридико-технического качества в целом. Иными словами, качественное лингвистическое обеспечение играет большую роль в вопросах юридико-технического совершенствования правоприменительных актов в целом и правоприменительных актов органов внутренних дел в частности.

В связи с этим субъекты правоприменения при подготовке и издании индивидуальных правовых актов должны безусловно соблюдать эти нормы, то есть наряду с правилами логики, делопроизводства и юридическими правилами правоприменительной техники они обязательно должны придерживаться требований языковых правил с целью качественного лингвистического обеспечения подготавливаемых правовых текстов. Несоблюдение языковых правил (то есть нарушение норм современного русского литературного языка) может привести к искажению смысла отдельных фраз, предложений, что способно отразиться на сути содержания текста правового акта и снизить его эффективность. По справедливому мнению С.А. Боголюбова, лица, занимающиеся подготовкой, принятием правовых актов, должны читать литературу по языку, стилистике, логике, владеть приемами составления правовых актов, понимать тесную связь их формы и содержания [9, с. 21].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Правоприменительная деятельность непосредственно связана с совершенствованием механизма правового регулирования. Эффективность правового регулирования в значительной мере зави-

сит от юридико-технического совершенства правоприменительных актов (в частности, правоприменительных актов органов внутренних дел), в том числе и от качества их лингвистического обеспечения.

2. Исследование вопросов юридико-технического совершенствования правоприменительных актов является междисциплинарным и проводится на стыке языка и права с использованием метода экстраполяции.

3. Особенности правоприменительной техники обусловлена поднормативным (подзаконным) характером правоприменительных актов и подверженностью влияния на нее специфических правил делопроизводства и документообращения. По этой причине содержание языковых правил правоприменительной техники можно интерпретировать через содержание языковых правил правотворческой техники и правил делопроизводства, вследствие чего спектр языковых правил правоприменительной техники будет более широким.

4. В случае нарушения языковых норм в текстах правоприменительных актов допускаются различного рода юридико-лингвистические (языковые) ошибки, что сказывается на качестве лингвистического обеспечения правоприменительных актов.

5. Соблюдение в текстах правовых актов норм современного русского литературного языка закреплено законодательно, поэтому различного рода языковые ошибки в текстах правовых актов недопустимы.

6. Качественное лингвистическое обеспечение играет большую роль в вопросах юридико-технического совершенствования правоприменительных актов в целом и правоприменительных актов сотрудников органов внутренних дел в частности.

7. Вопросы юридико-технического совершенствования правоприменительных актов органов внутренних дел являются актуальными и требуют детального изучения и разработки отдельных методических рекомендаций по подготовке правоприменительных актов органов внутренних дел. Такие методические рекомендации помимо правил логики, делопроизводства и юридических правил правоприменительной техники должны содержать также

и подробное описание языковых (лингвистических) правил, полно отражающее содержание широкого спектра языковых требований, соблюдение которых является необходимым для подготовки качественного правового текста.

Список источников

1. Тенетко А.А. Юридическая техника правоприменительных актов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 1999. 200 с.
2. Колесник И.В. Техника применения норм права и правоприменительная технология: единство, различие, взаимодействие. Рецензия на автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук А.С. Логинова «Правоприменительная техника» (Нижний Новгород, 2011. 38 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. N 3. С. 337-341.
3. Петрова И.Л. Текст как объект и предмет юрислингвистического анализа: учеб. пособие / Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2021. 220 с.
4. Белоконов Н.В. Языковые ошибки и дефекты в нормативных правовых актах, проектах нормативных правовых актов и иных юридических документах // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2016. N 4. С. 104-115.
5. Логинов А.С. Правоприменительная техника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2011. 36 с.
6. Юридическая техника: учебник / под ред. В.М. Баранова. Москва: Проспект, 2021. 648 с.
7. Мониторинг нормотворческого процесса органов местного самоуправления с иллюстрацией типичных нарушений правил юридической техники на конкретных примерах: практ. пособие / авт.-сост.: Э.И. Атагимова, О.С. Рыбакова, Н.А. Троян. Москва: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2018. 68 с.
8. Юридическая лингвистика (методические рекомендации по оформлению проектов нормативных правовых актов и служебных документов): бюллетень правового информирования / под ред. А.Г. Гвардейко. Москва: ДПД МВД России, 2022. 148 с.
9. Боголюбов С.А. Язык правоприменительных актов // Советская юстиция. 1973. N 15. С. 9-26.

References

1. Tenetko A.A. Juridical techniques of law enforcement acts. Cand. Diss. Yekaterinburg, 1999. 200 p. (In Russ.).
2. Kolesnik I.V. Techniques of law enforcement and law enforcement technology: unity, difference, interaction. Review of A.S. Loginov dissertation abstract for the degree of candidate of legal sciences "Juridical techniques of law enforcement acts" (Nizhny Novgorod, 2011. 38 p.). Juridical science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod academy of the MIA of Russia, 2011, no. 3, pp. 337-341. (In Russ.).
3. Petrova I.L. Text as an object and subject of the juridical-linguistic analysis. Vladimir, 2021. 220 p. (In Russ.).
4. Belokon' N.V. Language errors and defects in regulatory legal acts, draft regulatory legal acts and other legal documents. Bulletin of Voronezh State University. Series: Law, 2016, no. 4, pp. 104-115. (In Russ.).
5. Loginov A.S. Juridical techniques of law enforcement acts. Autoabstract Cand. Diss. Nizhny Novgorod, 2011. 36 p. (In Russ.).
6. Juridical techniques. Edited by V.M. Baranov. Moscow, Prospect Publ., 2021. 648 p. (In Russ.).
7. Atagimova E.I., Rybakova O.S., Troyan N.A. Monitoring of the rulemaking process of local governments with illustration of typical violations of the rules of juridical techniques on specific examples. Moscow, 2018. 68 p. (In Russ.).
8. Juridical linguistics (methodical recommendations on drafting regulatory legal acts and service documents). Legal information bulletin. Edited by A.G. Gvardeyko. Moscow, 2022. 148 p. (In Russ.).
9. Bogolyubov S.A. Language of law enforcement acts. Soviet justice, 1973, no. 15, pp. 9-26. (In Russ.).

Раздел 8. Обзоры, рецензии, критика

Научная специальность: 5.1.2

Отзыв на диссертацию В.А. Морозова «Административно-правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в специальных учреждениях МВД России»*

Ян Леонидович Ванюшин,

кандидат юридических наук, доцент, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, janych@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1139-444X>

Елена Андреевна Летаева,

кандидат юридических наук, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, letaeva_lena@mail.ru

Аннотация. Представленный отзыв посвящен критическому анализу основных положений диссертационного исследования проблем административно-правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в специальных учреждениях МВД России. В отзыве отражены основные положения исследования, рассмотрены актуальность, степень теоретической разработанности, положения, выносимые на публичную защиту, иные выводы и предложения, сформулированные диссертантом. Подробно рассмотрены суждения соискателя, вызывающие сомнения с точки зрения актуальности и изученности проблем, аргументируется необходимость дальнейшего изучения ряда вопросов, высказаны замечания и обозначены моменты, нуждающиеся в уточнении. Отмечено, что диссертация представляет интерес как одна из посвященных специальным учреждениям МВД России работ, в которой предпринята попытка рассмотрения ряда вопросов деятельности данных учреждений и вопросов правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства. С положительной стороны оценивается изучение диссертантом зарубежного опыта. Сделан вывод о том, что диссертация В.А. Морозова является самостоятельной работой, выполненной единолично по актуальной теме.

Ключевые слова: административное выдворение, депортация, иностранный гражданин, лицо без гражданства, реадмиссия, специальное учреждение содержания иностранных граждан, специальное учреждение МВД России, центр временного содержания иностранных граждан

Для цитирования: Ванюшин Я.Л., Летаева Е.А. Отзыв на диссертацию В.А. Морозова «Административно-правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в специальных учреждениях МВД России» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 4 (66). С. 104-111.

Review of the dissertation by V.A. Morozov "Administrative and legal status of foreign nationals and stateless persons detained in special institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia"

Yan L. Vanyushin,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, janych@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1139-444X>

* Морозов В.А. Административно-правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в специальных учреждениях МВД России: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. Москва, 2023. 217 с.

Elena A. Letaeva,

Candidate of Legal Sciences, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, letaeva_lena@mail.ru

Abstract. The presented review is devoted to the critical analysis of the main provisions of the dissertation research on the problems of the administrative and legal status of foreign nationals and stateless persons detained in the special institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The review reflects the main provisions of the research and considers its relevance, the degree of theoretical elaboration, the provisions to be defended and a number of other conclusions and proposals formulated by the dissertationist. The applicant's judgments, raising doubts regarding the relevance and knowledge of the problems, are considered in detail. The need for further study of a number of issues is argued. Some comments are made and some points that need clarification are identified. It is noted that the dissertation is of interest as one of the scientific works devoted to the special institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which attempts to consider a range of issues of the activities of such institutions and also issues of the legal status of foreign nationals and stateless persons. The dissertationist's study of foreign experience is positively evaluated. It is concluded that the dissertation of V.A. Morozov is an independent work, performed individually on a relevant topic.

Keywords: administrative expulsion, deportation, foreign national, stateless person, readmission, special institution for detention of foreign nationals, special institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia, center for temporary detention of foreign nationals

For citation: Vanyushin Ya.L., Letaeva E.A. Review of the dissertation by V.A. Morozov "Administrative and legal status of foreign nationals and stateless persons detained in special institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 4 (66). P. 104-111.

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России в соответствии с приказом МВД России от 29 августа 2012 г. N 820 «О профилизации образовательных организаций МВД России» осуществляет функции учебно-научного центра по реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность охранно-конвойных подразделений полиции». Одним из направлений приоритетного профиля является деятельность специальных учреждений, предназначенных для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии (далее – специальные учреждения МВД России). Например, только в период с 2020 по 2023 год сотрудниками института в инициативном порядке и по заявкам подразделений центрального аппарата МВД России было проведено три научных исследования, издано две работы по вопросам деятельности специальных учреждений МВД России.

В связи с этим проведение научных исследований, посвященных вопросам специальных учреждений МВД России, на-

пример таких, как диссертация В.А. Морозова «Административно-правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в специальных учреждениях МВД России» на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки, не могла не вызвать научный интерес и стала объектом пристального внимания со стороны профильной образовательной организации МВД России.

Актуальность рассматриваемого диссертационного исследования, посвященного административно-правовому статусу иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в специальных учреждениях МВД России, не вызывает сомнения. Об актуальности темы диссертации В.А. Морозова свидетельствует, как уже было отмечено, потребность МВД России в научном разрешении вопросов деятельности специальных учреждений МВД России, которая выражается в ежегодном направлении в адрес Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России и иных образовательных организаций системы МВД России заявок на

проведение научных исследований, значительная часть которых относится к первоочередным научным задачам Министерства.

В диссертации соискатель приводит ряд своих доводов в пользу актуальности темы. Одним из них является отсутствие ведомственных нормативных актов, в частности, устанавливающих типовые требования к проектированию, техническому оснащению и оборудованию специальных учреждений и определяющих организацию деятельности специальных учреждений, их задачи, функции, порядок деятельности и другие аспекты, составляющие правовой статус данных учреждений (с. 5). Вместе с тем настоящие нормативные правовые акты приняты: Типовые требования к проектированию, техническому оснащению и оборудованию специальных учреждений ФМС России и ее территориальных органов, предназначенных для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии (приказ ФМС России от 26 сентября 2014 г. N 534)* и Типовое положение о центре временного содержания иностранных граждан территориального органа МВД России на региональном и районном уровнях (приказ МВД России от 29 ноября 2022 г. N 911)**.

Нельзя согласиться и с доводом В.А. Морозова о том, что актуальность темы диссертационного исследования обусловлена также тем, что специальных исследований в этой области с учетом современных социально-экономических и политических условий не проводилось (с. 6). В 2022 году одним из авторов настоящего отзыва по результатам комплексного исследования, которое выполнялось в течение двух лет, была опубликована монография, посвященная теоретико-прикладному аспекту специальных учреждений МВД России [1], проводились и иные исследования. Скорее всего, диссертантом в недостаточной мере были изучены научные источники, посвященные проблемам деятельности специальных учреждений, обеспечению правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства. Оче-

видно, по этой причине в диссертации в разделе «Степень научной разработанности темы» не приводятся такие исследователи деятельности специальных учреждений МВД России, как Ю.В. Герасименко, Е.А. Летаева, А.В. Елисеев, сведения о диссертациях И.Н. Сиренко [2] и Н.В. Поляковой [3], а также отсутствуют сведения в списке литературы о диссертации В.Ю. Горбунова [4]. Более глубокое изучение работ приведенных ученых и нормативной правовой базы, мониторинг ее изменений позволили бы соискателю избежать поспешных суждений и заключений, неактуальных предложений.

В связи с этим новизна диссертации В.А. Морозова, несмотря на то, что в ней все же содержатся отдельные новые исследовательские элементы, и поэтому она может внести определенный вклад в изучение данных вопросов, требует уточнения и обоснования.

Наиболее интересной и важной частью любого диссертационного исследования являются положения, выносимые на публичную защиту, в которых отражаются ключевые выводы и предложения соискателя. Как правило, они отличаются авторским подходом и требуют обсуждения, некоторые из них носят спорный характер, в том числе в плане проработанности, актуальности и новизны. К таковым положениям необходимо отнести следующее:

1. В положении N 1, выносимом на защиту, диссертантом отмечается отсутствие нормативного закрепления термина, объединяющего понятия «иностранец» и «лицо без гражданства» по признаку отсутствия у лица гражданства Российской Федерации. В связи с этим соискателем предложен термин «неситиз» для употребления в нормативных правовых актах, регулирующих правовое положение данных лиц (с. 12-13, 36). С данным предложением нельзя согласиться.

Во-первых, соискатель ошибочно утверждает, что в настоящее время нормативно не закреплен обобщающий термин для обозначения иностранных граждан и лиц без гражданства. В соответствии с ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Рос-

* Рос. газ. 2014. 22 дек.

** Доступ из СПАС «Юрист».

сийской Федерации»* понятие «иностран- ный гражданин» включает в себя понятие «лицо без гражданства», за исключением случаев, когда настоящим федеральным законом для лиц без гражданства устанавливаются специальные правила, отличающиеся от правил, установленных для иностранных граждан.

Во-вторых, автор приходит к выводу об отсутствии в учебной и научной литературе однозначного толкования терминов «иностран- ный гражданин» и «лицо без гражданства», ограничиваясь обращением к пяти источникам, три из которых советского периода (с. 23-24). Не соглашаясь с использованием в научном обороте термина «неграждане» для обозначения иностранных граждан и лиц без гражданства и полагая, что он имеет негативный оттенок в общественном сознании, диссертант не учитывает, что данный термин широко используется в международных, в частности европейских актах, например в Европейской конвенции о гражданстве от 6 ноября 1997 г. N 166 (г. Страсбург)**, то есть является юридически устоявшимся.

В-третьих, предложенный соискателем термин «неситиз», являющийся транскрипцией английского *non-citizen*, не может быть использован в нормативных правовых актах в силу положения ч. 6 ст. 1 Федерального закона от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»***. При этом соискателю следует также учитывать фонетические требования современного русского языка, а именно благозвучность предлагаемого термина. Именно по этой причине в Российской Федерации в отличие от зарубежных стран не используется аналогичное предлагаемому понятие «неграждане», а устоявшимся термином был вначале «иноземец», в дальнейшем и по настоящее время «иностранец». С учетом отмеченного следует предположить, что предлагаемый диссертантом термин «неситиз» в большей степени, чем термин «неграж-

дане», будет иметь в общественном сознании негативный оттенок. При этом автор в своем диссертационном исследовании использует не предлагаемое им понятие, а термин «иммигрант».

В-четвертых, как уже отмечалось, соискателю следовало более глубоко изучить настоящий вопрос с точки зрения не только нормативного регулирования, но и теоретической разработанности. Предложение о введении в оборот термина, объединяющего понятия иностранного гражданина и лица без гражданства в Российской Федерации, не представляется целесообразным в связи с тем, что в юридической науке для этих целей используется понятие «экстернус» (от лат. *externus* – чужеземный, иноземный).

2. Заслуживает внимания попытка сформулировать в диссертации определение административно-правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в специальных учреждениях, под которым автор предлагает понимать урегулированное нормами административного права положение данных лиц в административно-публичной сфере в условиях правового режима специальных учреждений, характеризующееся совокупностью субъективных прав и свобод, гарантированных государством, обязанностей, юридической ответственности, правовых ограничений и запретов (положение N 2, с. 13). Однако предложенное определение не отражает характерных или специфических черт рассматриваемого статуса иностранных граждан и лиц без гражданства и воспроизводит общепринятое понятие административно-правового (правового) статуса гражданина в расширительном толковании применительно к специальным учреждениям МВД России.

В рамках данного положения вызывает сомнение, что изменение наименования статьи 35.2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» на «Административно-правовой статус содержащихся в специальных учреждениях иностранных граждан», которое предлагает диссертант на странице 39 диссертации, позволит избежать дублирования в разных нормах права одних и тех же прав, свобод и иных элементов

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 30. Ст. 3032.

** Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. N 23. Ст. 2199.

административно-правового статуса иммигрантов, содержащихся в специальных учреждениях. Аналогичным образом следует оценить и предложение указать в этой статье на специфику административно-правового статуса иммигрантов, обусловленную правовым режимом специального учреждения; наличие элементов (прав, свобод, обязанностей, ответственности, ограничений и запретов) правового статуса со ссылкой на соответствующие положения Постановления Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. N 1306 (с. 39).

Вероятно, что для решения обозначенной проблемы права и обязанности иностранных граждан и лиц без гражданства в специальных учреждениях МВД России должны быть четко сформулированы в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», а не в подзаконных нормативных правовых актах.

3. В положении 4, выносимом на защиту, В.А. Морозовым предложены авторские классификации субъективных прав иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в специальных учреждениях МВД России, в основе которых лежат различные основания (в зависимости от механизма реализации, объекта применения и др.). Более подробно они приводятся на страницах 34-36 диссертационного исследования. Несомненно, автором проделана большая работа, и предложенные классификации представляют интерес для теории правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства. Вместе с тем, формулируя «разновидности административно-правового статуса этих лиц, в зависимости от объема их прав, свобод и обязанностей», диссертант допускает ошибку при определении субъектов, имеющих «неполный (ограниченный)» статус, к которым он относит лиц, не достигших совершеннолетнего возраста (с. 34). Здесь следует учитывать, что с учетом специфики регулируемых отношений в законодательстве о правовом положении иностранных граждан и законодательстве о гражданстве используются понятия «достижение восемнадцатилетнего возраста» или «достижение 18 лет», что отличает данный институт от института совершеннолетия.

4. В положении N 6 соискателем предлагается применение мер взысканий к иностранным гражданам за нарушение установленного режима содержания в специальном учреждении, отмечается целесообразность детализации перечня нарушений режима специального учреждения, за которые могут применяться конкретные меры взыскания (с. 15-16, 50-51). Несомненно, настоящее предложение заслуживает внимания, однако автор ограничивается только обозначением необходимости мер и перечня нарушений и не приводит примеры возможных взысканий и нарушений. При этом предложения о применении мер взысканий к иностранным гражданам и лицам без гражданства, находящимся в специальных учреждениях МВД России, не являются новыми. Например, Е.А. Летаева в целях соблюдения иностранными гражданами и лицами без гражданства режима содержания в специальных учреждениях предлагает такие меры взысканий, как выговор, краткосрочное одиночное содержание в изолированных помещениях, ограничения в количестве свиданий, получаемых передач и телефонных разговоров [1, с. 76].

В этом же положении, выносимом на защиту, интересным представляется тезис о необходимости разграничения ответственности несовершеннолетних правонарушителей, содержащихся в специальных учреждениях, и несовершеннолетних лиц, которые могут пребывать в специальном учреждении совместно с родителями (с. 16, 50-51), поскольку п. 42 Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях МВД России или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. N 1306*, закрепляет ответственность несовершеннолетних, содержащихся с родителями или с лицами, их заменяющими. В то же время несовер-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 2. Ст. 130.

шеннолетние лица могут быть самостоятельными субъектами административных правонарушений, в отношении которых судом принимается решение о назначении административного наказания в виде принудительного административного выдворения, что также уже отмечалось в научной литературе [1, с. 98].

5. Обращаясь к положению N 7 (с. 16-17), в котором соискатель предлагает установить на территории специальных учреждений МВД России две зоны содержания (постоянного содержания и особого содержания) иностранных граждан, следует отметить, что такое разграничение, а соответственно, и разные условия проживания иностранных граждан в специальных учреждениях должны быть дополнительно обоснованы. Представляется, что изучения только зарубежного опыта (с. 94, 102-103) недостаточно для выводов и предложений о создании двух зон содержания иностранных граждан, которые направлены на создание, по сути, двух систем правовых ограничений в отношении иностранных граждан в специальных учреждениях. То же самое касается и предложения о возможности введения частной модели содержания иммигрантов в специальных учреждениях на территории Российской Федерации (с. 102).

Кроме того, следует обратить внимание В.А. Морозова на то, что используемое в положении на защиту понятие «побег», за которое предлагается помещать иностранного гражданина или лицо без гражданства в зону особого содержания до факта административного выдворения, депортации или реадмиссии (с. 17, 104), является неверным. В соответствии с ч. 1 ст. 18.18 КоАП РФ данное деяние образует такое административное правонарушение, как «самостоятельное оставление иностранным гражданином или лицом без гражданства, подлежащими административному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии, медицинской организации, специального учреждения».

6. Наиболее противоречивыми с точки зрения своевременности и изученности являются выводы и предложения, сформулированные в положении N 8, выносимом на защиту. Отмечая, что правовой статус специ-

альных учреждений регламентирован не в полном объеме, нормативно не определен орган государственной власти, к компетенции которого относится принятие нормативного правового акта, регулирующего порядок создания специальных учреждений, отсутствует правовой документ, определяющий основные задачи, функции, полномочия и организацию деятельности данных учреждений, диссертант предлагает:

- подготовить и издать приказ МВД России на основе разработанного им проекта приказа МВД России «Об утверждении Типового положения о Центре временного содержания иммигрантов»;

- включить специальное учреждение в структуру территориального органа МВД России на региональном уровне;

- в структуре центрального аппарата МВД России создать единый руководящий и контролирующий деятельность специальных учреждений орган – Управление организации деятельности Центров временного содержания иммигрантов, на должностных лиц которого возложить ответственность за организацию служебной деятельности специального учреждения (с. 16-17).

С этим нельзя согласиться по следующим причинам. Во-первых, Типовое положение о центре временного содержания иностранных граждан территориального органа МВД России на региональном и районном уровнях, как уже отмечалось в отзыве, утверждено приказом МВД России от 29 ноября 2022 г. N 911. Настоящее положение определяет основные задачи, функции, полномочия и организацию деятельности специального учреждения, а кроме того, устанавливает его структурно-организационное место в системе МВД России. В связи с этим предложенный соискателем в приложении к диссертации проект Типового положения о центре временного содержания иностранных граждан не представляется актуальным.

Во-вторых, предложение о включении специального учреждения в структуру территориального органа МВД России на региональном уровне не соответствует действительности. Специальные учреждения (центры временного размещения иностранных граждан) предусмотрены в структуре территориальных органов МВД России в соответствии с приказом МВД России

от 30 апреля 2011 г. N 333 «О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России»*. Центры временного содержания иностранных граждан были включены в структуру территориальных органов в мае 2016 г. (приказ МВД России от 12 мая 2006 г. N 34). Кроме того, Типовое штатное расписание центра временного содержания иностранных граждан территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях, об отсутствии которого говорится в диссертации (с. 91), утверждено приказом МВД России от 29 декабря 2016 г. N 924**.

В-третьих, в структуре центрального аппарата МВД России уже определено подразделение, которое обеспечивает организацию деятельности специальных учреждений МВД России. В соответствии с Положением о Главном управлении по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденным приказом МВД России от 18 июля 2011 г. N 849, ГУОООП МВД России определен в качестве головного подразделения системы МВД России в области содержания иностранных граждан, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии***. ГУОООП МВД России осуществляет координацию и организацию деятельности специальных учреждений МВД России на федеральном уровне, на региональном уровне настоящие функции возложены на территориальные органы МВД России по субъекту Российской Федерации****.

В-четвертых, нельзя согласиться с суждением диссертанта о том, что норма-

тивно не определен орган государственной власти, к компетенции которого относится принятие нормативного правового акта, регулирующего порядок создания специальных учреждений МВД России. В соответствии с Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. N 699, МВД России в числе предоставленных полномочий организует в соответствии с законодательством Российской Федерации содержание органами внутренних дел в специальных учреждениях иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии (подп. 44 п. 11)*****. Также в соответствии с абз. 2 подп. 7 п. 20 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации Министр внутренних дел Российской Федерации утверждает типовые положения о структурных подразделениях территориальных органов МВД России.

С положительной стороны следует отметить рассмотрение в диссертации исторических аспектов создания и функционирования специальных учреждений для содержания лиц, подлежащих принудительному выдворению, депортации или реадмиссии (с. 73-80). Автор выделяет три исторических этапа развития правового регулирования специальных учреждений МВД России: I этап – имперский (с конца XIX в. по 1917 год), II этап – советский (1917-1991 годы), III этап – современный (с 1991 года по настоящее время). Вместе с тем диссертационное исследование существенно бы выиграло, если бы в нем был представлен анализ развития современного этапа правового регулирования.

Необходимо поддержать автора в рассмотрении некоторых конституционных прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в специальных учреждениях МВД России, реализация которых ограничена условиями правового режима данных учреждений. Однако в диссертации не обоснована целесообразность объединения настоящих

* Доступ из СТРАС «Юрист».

** Там же.

*** Там же.

**** Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. N 248 // Рос. газ. 2011. 2 марта.

***** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 52 (ч. V). Ст. 7614.

прав в такие группы, как право на жизнь; право на достоинство личности; право на личную неприкосновенность; право на личную свободу, а также непонятно, как и какие права входят в отмеченные группы, являющиеся сами по себе конституционными правами.

Кроме того, диссертанту в дальнейшем при проведении исследований, посвященных деятельности специальных учреждений МВД России, рекомендуется не ограничивать изучение судебной практики периодом 2015-2020 годов, а также учитывать изменение значения решений Европейского Суда по правам человека для отечественной правовой системы.

Положительно следует оценить изучение зарубежного опыта создания и функционирования учреждений для содержания выдворяемых иммигрантов (США, Великобритания, Испания, Болгария, Польша).

В целом диссертационное исследование В.А. Морозова представляет инте-

рес как как посвященная специальным учреждениям МВД России работа, в которой предпринята попытка рассмотрения ряда вопросов деятельности данных учреждений и вопросов правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства. Анализ представленной диссертации позволяет судить о том, что она выполнена самостоятельно и единолично на актуальную тему, отдельные предложения соискателя могут заслуживать внимания и получить дальнейшее развитие в публично-правовой (государственно-правовой) науке. Автореферат соответствует диссертации. Как и в любой творческой работе, в ней присутствуют дискуссионные положения, требующие дополнительной аргументации. В связи с этим по результатам публичной защиты диссертант может заслуживать присуждения ученой степени кандидата юридических наук и, как принято говорить в этом случае, — *Est in media verum*.

Список источников

1. Летаева Е.А. Специальные учреждения МВД России для содержания иностранных граждан, подлежащих административному выдворению, депортации и реадмиссии (теоретико-прикладной аспект): монография. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2022. 160 с.
2. Сиренко И.Н. Конституционные основы правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 26 с.
3. Полякова Н.В. Административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: содержание, проблемы и основные направления совершенствования правоприменительной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. 23 с.
4. Горбунов В.Ю. Административно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по обеспечению режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации (по материалам Дальневосточного федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 22 с.

References

1. Letaeva E.A. Special institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the detention of foreign citizens subject to administrative expulsion, deportation and readmission (theoretical and applied aspect). Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2022. 160 p. (In Russ.).
2. Sirenko I.N. Constitutional foundations of the legal status of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2008. 26 p. (In Russ.).
3. Polyakova N.V. Administrative expulsion from the Russian Federation of foreign citizens and stateless persons: content, problems and main directions for improving law enforcement activities. Autoabstract Cand. Diss. Voronezh, 2008. 23 p. (In Russ.).
4. Gorbunov V.Yu. Administrative and legal basis for the activities of internal affairs bodies to ensure the regime of stay of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation (based on materials from the Far Eastern Federal District). Autoabstract Cand. Diss. Omsk, 2006. 22 p. (In Russ.).

Для заметок